

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

КОРИОЛАН
ЦИМБЕЛИН
ТРОИЛ И КРЕССИДА

Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения.

эксклюзивная классика

Кориолан. Цимбелин. Троил и Крессида

Уильям Шекспир

Аннотация
Уильям Шекспир. Кориолан. Цимбелин. Троил и Крессида. пьесы
Кориолан
  Действующие лица
  Акт I
    Сцена 1
    Сцена 2
    Сцена 3
    Сцена 4
    Сцена 5
    Сцена 6
    Сцена 7
    Сцена 8
    Сцена 9
    Сцена 10
  Акт II
    Сцена 1
    Сцена 2
    Сцена 3
  Акт III

Сцена 1
Сцена 2
Сцена 3
Акт IV
Сцена 1
Сцена 2
Сцена 3
Сцена 4
Сцена 5
Сцена 6
Сцена 7
Акт V
Сцена 1
Сцена 2
Сцена 3
Сцена 4
Сцена 5
Сцена 6
Цимбелин
Действующие лица
Акт I
Сцена 1
Сцена 2
Сцена 3
Сцена 4
Сцена 5

Сцена 6
Акт II
Сцена 1
Сцена 2
Сцена 3
Сцена 4
Сцена 5
Акт III
Сцена 1
Сцена 2
Сцена 3
Сцена 4
Сцена 5
Сцена 6
Сцена 7
Акт IV
Сцена 1
Сцена 2
Сцена 3
Сцена 4
Акт V
Сцена 1
Сцена 2
Сцена 3
Сцена 4
Сцена 5

Троил и Крессида
- Действующие лица
- Пролог
- Акт I
  - Сцена 1
  - Сцена 2
  - Сцена 3
- Акт II
  - Сцена 1
  - Сцена 2
  - Сцена 3
- Акт III
  - Сцена 1
  - Сцена 2
  - Сцена 3
- Акт IV
  - Сцена 1
  - Сцена 2
  - Сцена 3
  - Сцена 4
  - Сцена 5
- Акт V
  - Сцена 1
  - Сцена 2
  - Сцена 3
  - Сцена 4

Сцена 5
Сцена 6
Сцена 7
Сцена 8
Сцена 9
Сцена 10

Аннотация

Войска Гая Марция захватывают угрожающий Риму город Кориол, и блестящий полководец получает почетное прозвище Кориолан. Он избирается консулом и завоевывает поддержку сенаторов и простого народа. Но не все рады возвышению героя…

Имогена, дочь короля Цимбелина, в тайне от отца выходит замуж за Леоната Постума, достойного, но бедного мужа. Узнав об этом, король приходит в ярость и изгоняет новоиспеченного зятя за пределы страны…

В разгар Троянской войны царевич Троил влюбляется в юную красавицу Крессиду. Но прежде чем молодые успевают обручиться, Крессиду обменивают на плененного полководца…

Пьесы «Кориолан», «Цимбелин» и «Троил и Крессида» относятся к позднему периоду творчества Шекспира – это трагедии, наполненные подвигами, благородными поступками и настоящей любовью.

Уильям Шекспир
Кориолан. Цимбелин. Троил и Крессида
пьесы

William Shakespeare
THE TRAGEDY OF CORIOLANUS
CYMBELINE
TROILUS AND CRESSIDA

Перевод с английского *О. Сороки* («Кориолан»), *П. Мелковой* («Цимбелин»), *А. Федорова* («Троил и Крессида»)

© Перевод. П. Мелкова, наследники, 2024
© Перевод. О. Сорока, наследники, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

КОРИОЛАН
ЦИМБЕЛИН
ТРОИЛ И КРЕССИДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

Кориолан

Действующие лица

Кай Марций, затем Кай Марций Кориолан.

Тит Ларций, **Коминий** — полководцы в войнах с вольсками.

Менений Агриппа, друг Кориолана.

Сициний Велут, **Юний Брут** — народные трибуны.

Маленький Марций, сын Кориолана.

Никанор, римлянин.

Тулл Авфидий, полководец вольсков.

Адриан, вольск.

Военачальник, заместитель Авфидия.

Заговорщики, сторонники Авфидия.

Горожанин из Анциума.

Два вольских часовых.

Волумния, мать Кориолана.

Виргилия, жена Кориолана.

Валерия, подруга Виргилии.

Служительница Виргилии.

Римские и вольские сенаторы, **патриции**, **эдилы**, **ликторы**, **глашатаи**, **гонцы**, **воины**, **горожане**, **слуги Авфидия** и **другие служители**.

Место действия: Рим и его окрестности; Ко-

риолы окрестности Кориол; Анциум.

Акт I
Сцена 1

Улица в Риме. Входит толпа бунтующих ***горожан****, вооруженных дубинами, кольями, вилами.*

Первый горожанин. Погоди; прежде слушайте, что скажу.

Все. Говори, говори.

Первый горожанин. Значит, все вы на том порешили, что лучше умереть, чем голодать?

Все. Решено, решено.

Первый горожанин. И знаете, что главный враг народу — Кай Марций.

Все. Знаем, знаем.

Первый горожанин. Так убьемте его — и станем зерно получать по цене, какую сами назначим. Решено?

Все. Чего тут еще толковать? Убить, и кончено! Идем, идем!

Второй горожанин. Позвольте словечко, добрые граждане.

Первый горожанин. Мы не добрые, мы считаемся худые граждане. Это патриции — добрые, у них добра с избытком. Нам с ихнего стола одних

излишков бы хватило на прокорм, и поделись они хоть этим, мы сказали бы, что они с нами по-людски. Но у них сгниет, а не дадут — слишком накладно, дескать, выйдет. Наша худоба, наш нищий вид только лишь выпячивают роскошь ихнюю; наши муки — им корысть. В колья же их за это, пока еще не поколели мы. Боги мне свидетели, что я с бесхлебья, с голодухи говорю, а не по мстивой злобе.

Второй горожанин. Особенно же с Каем Марцием желаешь посчитаться?

Первый горожанин. С ним — первым делом. Для нас, простонародья, он сущий пес.

Второй горожанин. А забыл, какие у него перед отечеством заслуги?

Первый горожанин. Ничуть я не забыл — и заплатил бы ему похвалой, да он сам себе платит своей спесью.

Второй горожанин. Нет, ты говори не злобствуя.

Первый горожанин. Да говорю ж тебе, все славные его дела единственно для славы этой самой деланы. Рохли мягкодухие пусть говорят, будто он для отчизны старался, но он-то лишь матери своей в угоду и гордыне собственной, — спеси в нем не меньше, чем отваги.

Второй горожанин. Таков уж от природы он, а ты ему в вину ставишь. Корыстным ведь его никак не назовешь.

Первый горожанин. Пусть так. Но на нем и без того всяческих вин предостаточно. Начать перечислять — устанешь. (*Крики за сценой.*) Что за шум?.. Это заречная часть Рима поднялась. А мы чего стоим-болтаем? На Капитолий!

Все. На Капитолий!

Первый горожанин. Тише! Кто это идет сюда?

Входит ***Менений Агриппа.***

Второй горожанин. Почтенный Менений Агриппа. Он любит народ и всегда любил.

Первый горожанин. Он-то человек порядочный. Кабы все патриции были такими!

Менений

Куда, сограждане? Что за работа
Вас подняла? Дреколье для чего?

Первый горожанин. Сенату беда наша небезызвестна. О своем намеренье мы дали там понять еще две недели назад, а сейчас идем подкрепить делами. Говорят, мол, от бедноты дух тяжелый; мы им покажем, что у нас и рука тяжелая.

Менений

Друзья мои, соседи дорогие!
Вы что, себя решили погубить?

Первый горожанин. Да что губить — погублены и так.

Менений

Друзья мои хорошие, поймите,
Патриции заботятся о вас.
Да, голод нынче вас одолевает,
Но ровно столько пользы было б вам
Замахиваться в небеса дубьем,
Как угрожать им Риму – государству,
Чья колесница тысячи сомнет
Препятствий пострашней, чем ваши палки,
И не свернет с пути. Ведь не сенатом,
Богами наслан голод, и помочь
Не колья, а колени только могут,
Пред ними преклоненные. Увы,
Беда вас гонит к новым лютым бедам.
Не след на кормчих наших клеветать.
Зачем клянете их, точно врагов?
Они о вас отечески пекутся.

Первый горожанин. Ага, они о нас сроду пекутся: смотрят, как нас голод допекает, а у самих зерна полны амбары. Пекут о ростовщичестве указы — в пользу ростовщиков же. Что ни день, отменяют какой-нибудь здравый закон против богатых, и что ни день, все туже сковывают и треножат бедняков новыми уставами. Не войны, так патриции нас кончат, и в этом вся их любовь к нам.

Менений

Признайтесь, земляки,
Неистовая движет вами злобность
Либо же – дурость. Басенку одну
Я расскажу вам. Вы ее слыхали,
Быть может. Но она здесь хороша,
И мы ее, уж так и быть, еще
Немного помусолим.

Первый горожанин. Что ж, послушать можно. Только не надейся, господин, заговорить нам басенками зубы. Ну, да валяй, рассказывай.

Менений

Все части тела нашего однажды
Восстали против брюха: мол, оно

Бездонной прорвой посередке тела
Покоится, всю пищу поглощая,
Но вовсе не участвуя в трудах;
Они же чувством, мыслью и движеньем,
Слухом и зреньем служат общим нуждам
И жаждам тела. Брюхо им в ответ…

Первый горожанин. Да, господин, — что отвечало брюхо?

Менений

А вот что, господин мой. Со смешочком,
Что вовсе не из легких исходил,
А вот оттуда – брюхо может ведь
И говорить, и звучно усмехаться –
Насмешливо ответило оно
Бунтующим завистникам своим, –
Вот так и вы завистливо хулите
Сенаторов за то, что не такие
Они, как вы. –

Первый горожанин

Что ж брюхо отвечать могло?

Когда уж царь наш – мозг и страж наш – око,

Советник – сердце и солдат – рука,

Нога – наш конь и наш язык – глашатай,

И прочая подсоба и помога

Телесная – ведь если уж они…

Менений

Ну, ну – что «если»? Ну же, златоуст!

Первый горожанин

Обобранные ненасытным брюхом,

Помойной ямой тела…

Менений

Ну же, ну же!

Первый горожанин

Уж если возроптали, что ж могло

Им брюхо возразить?

Менений

Сейчас узнаешь.

Немножко лишь терпенья – а его

У вас и впрямь немного – и услышишь,
Что отвечало брюхо.

Первый горожанин

Не тяни!

Менений

Так слушай, друг. Не горячилось брюхо,
Подобно обвинителям своим,
А отвечало здраво и степенно:
«Да, милые мои единотельцы,
В меня идет та наша вся еда,
Которою вы живы. Так и нужно,
Поскольку я храню, мелю, снабжаю.
Вы вспомните – ведь посылаю я
Реками кровеносными питанье
К чертогам сердца, ко дворцу ума.
Задворками, ходами извитыми
Естественный достаток к вам плывет.
Могучий мускул, тоненькую жилку –
Я всех живлю. И, хоть не разглядеть…»
Вы слышите, друзья, что молвит брюхо?

Первый горожанин

Мы слышим, слышим.

Менений

«Хоть не разглядеть
Всем сразу то, что доставляю я
Для каждого, но ясно, что в итоге
Вам достается вся мука, а мне –
Лишь отруби». Что скажете на это?

Первый горожанин

Ответ неплох. А как толкуешь басню?

Менений

Честное брюхо – римский наш сенат,
А вы – бунтующие части тела.
Сенат в советах вечных и трудах;
В его заботы вникните, вглядитесь,
Откуда благо общее идет,
И вы поймете – все к вам от сената,
А не от вас самих. И не топырься,
Большой ты палец на ноге толпы!

Первый горожанин

Палец ноги? Большой?

Менений

Да. Потому что, –
Едва ль не самый нищий, грязный, низкий
Из всех этих премудрых бунтарей, –
Прешь вожаком. По всем статьям последний,
Урвать добычу хочешь всех первей.
Готовьте ж палочье свое, дубье.
Сейчас сразятся Рим и крысы Рима –
Кому-то погибать.

Входит ***Кай Марций****.*

Отважный Марций,
Приветствую!

Марций

Спасибо. – Что вам надо?
Опять зудит чесотка мятежа?
Смутьянить руки чешутся? Глупцы!
Опять дочешетесь до струпьев!

Первый горожанин

Вечно

Ты нам даруешь добрые слова.

Марций

Кто доброе тебе подарит слово,

Польстит мерзейше. Что вам, злобным, надо,

Коль не милы вам ни война, ни мир?

Война страшит вас, мир вселяет наглость.

Лишь положись на вас, и тут же вы

Из львов оборотитесь в кучу зайцев,

Из хитрых лис – в гусей. Вы ненадежней,

Чем уголья, горящие на льду,

Чем град на солнце. Ваш обычай – славить

Злодея падшего и клясть закон,

Его согнувший. Истинно великих

Вы истинно не терпите. Пристрастья

У вас, как у больного: что во вред,

На то и падок аппетит недужный.

Кто опирается на вашу дружбу,

Тот – рыба с плавниками из свинца
Иль недоумок, хрупкой камышинкой
Замахивающийся на дубы.
Вам верить, подлецам? Да поминутно
У вас обнова: хвалите того,
Кто только что был ненавистен вам,
И хаете, кого венком венчали.
Зачем по городу пошли вопить
Вы против благородного сената,
Что волею богов вас держит в страхе
И не дает друг друга пожирать? –
Чего они хотят?

Менений

По низким ценам
Хотят зерна, – которого запасы
Достаточны, как говорят они.

Марций

«Как говорят они»? Сидят, мерзавцы,
У очагов и чешут языки,
Как будто знают впрямь дела сената
И в гору кто идет, кто крепок, шаток,

Чью сторону держать, чьей свадьбы ждать;
Ты им по вкусу – значит, ты силен,
А прочие не станут, мол, в подметки
Их драных башмаков. Запасы, говорят,
Достаточны? Когда бы милосердье
Отбросив, разрешил патрициат
Мне меч употребить, четвертовал
Я тысячами бы рабов вот этих
И гору высотой во взмет копья
Нагромоздил из тел.

Менений

Да ты и так почти их успокоил.
Хоть безрассудны крайне, но они
И трусы крайние. А что другая
Мятежная толпа?

Марций

Уж разошлась.
На голод плакались и приводили
Присловья: голод, мол, и стены рушит;
Мол, кормят люди даже и собак;

Мол, не одним богатым уготован
Хлеб на земле, и грех его гноить.
И тут же притязанья. И сенат
Им уступил – от странной той уступки
Бледнеет сила власти, никнет сердце
Патрициата, – а толпа давай
Орать напропалую, шапки в воздух
Кидать, как будто на рога луны
Накинуть метя.

Менений

Что ж разрешено им?

Марций

Дано им пять трибунов избирать
В защитники их кухонных умишек,
И выбраны уж – Юний Брут, Сициний
Велут, еще там кто-то… Черт возьми!
Скорей бы чернь сорвала кровли Рима,
Чем вырвала уступки у меня.
Со временем у ней прибудет сила,
И требованья бунта возрастут.

Менений

Да, странные событья.

Марций

По домам,
Бездельники!

Входит поспешно ***гонец****.*

Гонец

Кай Марций где?

Марций

Я здесь. А что случилось?

Гонец

Случилось то, что вольски поднялись,
Мой господин.

Марций

Я рад. Война избавит
Наш Рим от плесени от этой… Вижу,
Отцы-сенаторы сюда идут.

Входят ***Коминий, Тит Ларций*** *с другими* ***сенаторами, Сициний Велут и Юний Брут****.*

Первый сенатор

Ты, Марций, верно предрекал нам – вольски
Идут на нас.

Марций

У них есть Тулл Авфидий.
Вождь этот даст вам жару. Грешен я –
Ревную с ним о доблести. Когда бы
Собою не был я, то им одним
Быть бы желал.

Коминий

Ты бился с ним уже.

Марций

Воюй земля – полмира на полмира –
И будь он, Тулл, на нашей стороне,
Я бы ушел на сторону другую,
Чтоб с ним сразиться. На такого льва
Я горд охотиться.

Первый сенатор

Так помоги
Коминию вести войну, о Марций.

Коминий

Притом ты обещал.

Марций

Да, обещал
И, значит, помогу. И ты увидишь,
Тит Ларций, как я с Туллом вновь схва-
чусь.
Иль одряхлел – и с нами не пойдешь?

Тит Ларций

Пойду, Кай Марций. Даже обезножев,
Оперся б на костыль я, а другим
Сражался бы.

Менений

Чистопородный воин!

Первый сенатор

Прошу на Капитолий. Там, я знаю,
Друзья уж наши собрались и ждут.

Тит Ларций
(*Кominию*)

Веди нас.

(*Марцию.*)

За Кориолом ты первый
Идти достоин. Все мы – за тобой.

Коминий

Доблестный Марций!

Первый сенатор
(*горожанам*)

По домам! Ступайте!

Марций

Да пусть идут за нами. В закромах
Зерна у вольсков много. Мы захватим
С собою этих крыс – сусеки грызть.
Почтеннейшие бунтари! Я вижу,
Как ваша храбрость расцветает в вас.
Пожалуйте за нами!

Патриции уходят. Горожане потихоньку расходятся. Остаются Сициний и Брут.

Сициний

Видал ли свет такого гордеца,
Как этот Марций?

Брут

Всех он переплюнул.

Сициний

Когда в трибуны выбирали нас…

Брут

Заметил ты, как он глядел тогда,
Как выпятил губу?

Сициний

А как взрывался
Насмешками!

Брут

Его лишь разозлить,
Он и богам не спустит.

Сициний

И луну
Облает девственную.

Брут

Хоть война бы
Его прибрала! При такой отваге
Опасен он разросшейся своей
Гордынею.

Сициний

Подобный удалец,
Нюхнув успеха, презирать готов
И тень свою, что в полдень коротка, мол.
Но странно – он согласен над собой
Терпеть Коминья.

Брут

Марций жаждет славы
И уж достиг ее, – а удержать
И новую добыть всего верней
На роли на второй. Ведь неудачу
На полководца свалят, хоть сверши он,
Что в силах человечьих, до конца.
А Марция расхвалит шалый говор:
«Эх, будь он во главе!..»

Сициний

А при удаче
Молва ему, любимцу своему,
Присвоит все Кориния заслуги.

Брут

Уж это точно. Лавры полководца
Наполовину Марцию пойдут,
Пусть незаслуженные. А провалы
Опять же в пользу Марция.

Сициний

Идем
Послушаем, как провожают их,
Посмотрим, с чем уходит на войну он,
К надменности в придачу.

Брут

Что ж, идем.

Уходят.

Сцена 2

Кориолы. Сенат. Входят ***Тулл Авфидий и кориольские сенаторы.***

Первый сенатор

По-твоему, Авфидий, в Риме знают
О наших планах?

Авфидий

А по-вашему, нет?
Был хоть однажды замысел у нас
Не сорван Римом до осуществленья?
Четыре дня назад пришла мне весть
Оттуда. Кажется, письмо при мне.
Да. Вот эти слова: «Их войско в сборе.
Неясно только, на восток иль запад
Пошлют его. Оголодалый люд
Бунтуется. У войска во главе
Коминий, будто бы, и враг твой Марций,
Кого не так ты яро ненавидишь,
Как сами римляне. А третьим там –
Храбрец Тит Ларций. И всего вернее,
Пойдут они на вас. Так что мотай
На ус».

Первый сенатор

Что ж, армия уж наша в поле.
Мы и не сомневались в том, что Рим
Готов на бой.

Авфидий

Усердно берегли вы
Свой замысел. Что ж не уберегли?
Теперь замах укоротить придется –
Теперь нам города не захватить
Окрестные с налету. Рим проснулся.

Второй сенатор

Наш доблестный Авфидий, принимай
Командованье, в армию спеши,
А мы обороним здесь Кориолы.
Осадят нас – тогда уж приходи
На выручку. Но, думаю, увидишь
И сам, что ополчаются они
Не против нас.

Авфидий

О нет, уверен будь,
Пойдут на нас. Я это знаю твердо.
Да часть их сил уже идет сюда.
Прощайте. Если с Марцием столкнусь,
То поклялись рубиться мы, покамест
Один не ляжет.

Все

Да помогут боги
Тебе в бою!

Авфидий

Почтенные отцы,
Храни вас небо!

Первый сенатор

В добрый путь, прощай!

Второй сенатор

Прощай!

Все

Прощай!

Уходят.

Сцена 3

Рим. Комната в доме Марция. Входят ***Волумния и Виргилия****. Садятся на скамеечки и шьют.*

Волумния. Прошу тебя, спой, дочка, или иначе как-нибудь взбодрись. Если б он не сын мне был, а муж, я бы сильнее радовалась разлуке с ним, несущей ему почесть, чем объятиям его постельным, самым любящим. Когда он был

еще нежнотел, мой единственный, когда юная краса его влекла к себе все взоры, когда ни на час не рассталась бы мать с таким сыном, хоть проси ее о том цари земные день-деньской, — то и тогда я понимала, как пристанет такой красе военное величье, как ее оживят слава и честь, а иначе прозябать этой красе, будто настенному портрету. И я беспечально посылала Марция на поиск опасностей и обретенье славы. На свирепую войну послала я его, и он вернулся с дубовым венком вкруг чела. Говорю тебе, дочка, не так возликовала я, услышав, что дитя мое мужского пола, как тогда, воочью убедясь, что он стал и вправду мужчиной.

Виргилия. Но если б на войне его убили, госпожа моя?

Волумния. Тогда славное имя его осталось бы мне вместо сына — за сына. Скажу тебе чистосердечно: будь у меня двенадцать сыновей и люби я каждого поровну и не меньше, чем твоего и моего родного Марция, я бы предпочла, чтобы одиннадцать геройски пали за отчизну, чем хоть один чтобы постельно услаждался вдалеке от боя.

Входит ***служительница****.*

Служительница

К вам гостья – госпожа Валерия.

Виргилия

Пожалуйста, позволь мне удалиться.

Волумния

Ну нет, останься.
Я будто слышу мужа твоего
Победный барабан. Я будто вижу –
Вот за волосы он Авфидия
Сдернул с седла. Как дети от медведя,
Так вольски разбегаются пред ним.
Сердито топнув, он кричит солдатам:
«За мною, трусы! Вы зачаты в страхе,
Хоть в Риме рождены». Кровавый лоб
Утер он рукавицей броневою –
И снова в бой, подобно косарю,
Который ни полушки не получит,
Коль не успеет поле докосить.

Виргилия

Окровавленный лоб? О боги, нет!

Волумния

Глупышка! Кровь славней героя красит,

Чем позолота – статую его.
Не так была прекрасна грудь Гекубы,
Младенца Гектора кормящая,
Как лоб мужчины Гектора, надменно
Плюющий кровью на мечи врагов. –
Валерии скажи – милости просим.

Служительница уходит.

Виргилия

Спаси, Юпитер, мужа моего
От лютого Авфидия!

Волумния

На землю
Сшибет Авфидия он и ногой
Наступит на поверженную выю.

Входит ***Валерия*** *со* ***слугой-вестником и прислужницей****.*

Валерия. Доброго вам дня, дорогие!

Волумния. Милая наша Валерия!

Виргилия. Рада видеть тебя.

Валерия. Как поживаете? Обе вы хозяйки и домоседки известные. Что за шитье у вас? Красивый узор, ничего не скажу. Ну, как сынок твой,

Виргилия?

Виргилия. Благодарю, дорогая. Здоров.

Волумния. Его сильнее тянет к солдатскому мечу и барабану, чем к школьному ученью.

Валерия. Одно слово, весь в отца! И собой хорош просто на диво! Я прямо целых полчаса любовалась им в среду. Такое личико решительное! Побежал за золотистой бабочкой, поймал ее, и снова выпустил, опять за ней, и споткнулся, упал кувырком, и вскочил, поймал ее снова. То ли паденье рассердило, но зубы стиснул так — и в мелкие клочки ее! О, видели бы вы, как растерзал!

Волумния. Вот так и на отца гнев находит порывами.

Валерия. Высокий, пылкий нрав у малыша.

Виргилия. Озорник отчаянный.

Валерия. Ну-ка отложите ваше вышиванье. На часок хочу вас превратить в бездельных моих спутниц.

Виргилия. Нет, дорогая, я из дому не выйду.

Валерия. Как это?

Волумния. Да выйдет она, выйдет.

Виргилия. Нет, право, уж простите меня. Я ни ногою за порог, пока мой муж и господин не вернется с войны.

Валерия. Как не стыдно так затворничать по-неразумному. Идемте, навестим нашу подругу, что лежит в родах.

Виргилия. Желаю ей скорого восстановленья сил и навещу ее молитвами своими, но пойти не могу.

Волумния. Да почему же?

Виргилия. Не потому, конечно, чтоб ленилась я или любви к ней не питала.

Валерия. Ты хочешь стать новой Пенелопой; но, говорят, немного было проку от той шерсти, что напряла она, дожидаясь Улисса, — только моли развела на всю Итаку. Ну, полно тебе мучить свое вышиванье, пожалей ты его — оно уж и так все иголкой исколото. Да ну же, пойдем с нами.

Виргилия. Нет, прости меня. Не выйду я.

Валерия. Нет уж, Виргилия, выйдешь, а я за то скажу тебе отменную весть о твоем муже.

Виргилия. Ах, добрая моя, не может еще быть от него вести.

Валерия. Право, я не шучу. Ночью пришло известие.

Виргилия. Правда?

Валерия. Самая истинная. Я слышала — один сенатор вот что говорил: вольски выслали армию в поле, и Коминий, наш командующий, пошел

на нее с частью римской силы. А твой муж и Тит Ларций осадили важный город Кориолы. И не сомневаются в победе и скором окончании войны. Это правда, клянусь честью. Так что идем с нами.

Виргилия. Уж извини меня, пожалуйста. Кончится война — отказу от меня ни в чем тебе не будет.

Волумния. Оставь ее, милая. Своей теперешней тоскою она только застудит нам все настроение.

Валерия. Это верно. Что ж, до свидания. Идем, дорогая Волумния. — А то прогнала бы ты вон грусть-тоску и пошла с нами.

Виргилия. Нет, право же, не могу. Нельзя мне. А вам желаю всего веселого.

Валерия. Ну что ж, до свидания.

Уходят.

Сцена 4

Под стенами Кориол, у городских ворот. Входят с барабанами и знаменами ***Марций, Тит Ларций, военачальники и воины****. Навстречу им —* ***гонец****.*

Марций

Коминий шлет гонца. Бьюсь об заклад,

Уже сражаются.

Тит Ларций

На коней наших
Поспорим?

Марций

Хорошо.

Тит Ларций

Идет.

Марций

Скажи,
Уже вступило войско в бой с врагом?

Гонец

Стоим в виду, но бой еще не начат.

Тит Ларций

Проспорил ты хорошего коня.

Марций

Я выкуплю.

Тит Ларций

Не дам и не продам,

А одолжу его тебе лет на полсотни.
Вели ж трубить наш вызов.

Марций

Далеко ль
До поля боя?

Гонец

Миля-полторы.

Марций

Тогда слышны им будут наши клики,
А нам – шум боя армий полевых.
О бог войны, ускорь нашу работу,
Чтоб мы, с еще дымящимся мечом,
На помощь братьям поспешили в поле.
Трубите же.

Трубят к переговорам. На стенах появляются ***двое сенаторов*** *и другие* ***кориольцы****.*

А Тулл Авфидий здесь?

Первый сенатор

Здесь, в Кориолах, нет его, и нет
Таких, чтобы страшились римлян больше,

Чем он, который вас не ставит в грош.

За сценой слышны барабаны.

Вы слышите – под грохот барабанов
На бой выходит наша молодежь.
Не запереть нас в городских стенах.
Сейчас мы сами распахнем ворота,
Припертые тростинкой, не бревном.

Вдали шум битвы.

А слышите, как трудится Авфидий
Над вашей разделенною ордой.

Марций

Схлестнулись наконец!

Тит Ларций

И нам пора.
Эй, лестницы несите!

Из ворот выходит войско горожан.

Марций

Прут из ворот. Теперь щиты пред грудь!
Да будет сердце тверже щитной меди!

Вперед, отважный Тит. Невмоготу
Мне эта вражья наглость, от которой
Бросает в гневный пот. За мной, друзья!
А кто попятится, того сочту за вольска
И дам отведать моего меча.

Сражаются. Римлян оттесняют к их осадным траншеям. Снова входит бранящийся ***Марций****.*

Марций

Обдай вас ветер всею гнилью юга,
Скоты, стыдоба Рима… Облепи
Чума и гной, чтоб за версту смердело
От вас и заражали б за версту
Друг друга вы! Гусиные душонки
В людском обличье! Гонят вас рабы,
Кого бы и мартышки победили!
У всех у вас раненья со спины –
Спина красна, а лица знобко-белы
От бега и от страха. Повернитесь!
Ударьте на врага, не то – клянусь! –
Не с вольсками, а с вами бой начну я.

Стоять! Они нас гнали – мы теперь
Обратно к женам, в город их загоним!

Заново сражаются. Марций гонит вольсков к воротам.

Распахнуты ворота. Все за мной!
Фортуна распахнула их для римлян,
А не для вольсков. Действуй все, как я!

Врывается в ворота.
Первый воин. Ну нет, я не дурак.
Второй воин. Ну нет.
Первый воин. Смотри, ворота заперли.
Бой продолжается.
Все. Все, крышка.
Входит ***Тит Ларций****.*

Тит Ларций

Где Марций?

Все

Без сомнения, погиб.

Первый воин

Преследуя бегущих, он ворвался
В ворота, и захлопнулись за ним.
Он там один – против него весь город.

Тит Ларций

О Марций доблестный! Погнется меч твой,
Не выдержит бесчувственная сталь,
Но ты не сломишься и не согнешься!
Покинули, не сберегли тебя,
А ты дороже цельного рубина,
Карбункула с тебя величиной.
Ты требованьям отвечал Катона –
Был безупречный воин. Грозен был
Не только лишь ударом, но и видом,
Громовым кличем сотрясал врагов,
Как если бы всю землю бил озноб
Горячечный.

Отражая напор вольсков, в воротах появляется окровавленный ***Марций****.*

Первый воин (*Титу*). Гляди!

Тит Ларций

Да это Марций!
На выручку! Иль сами ляжем рядом.

Сражаясь, врываются в город.

Сцена 5

Улица в Кориолах. Входят несколько римских ***солдат*** *с узлами награбленного.*

Первый римлянин

Это пойдет со мной в Рим.

Второй римлянин

А со мной – вот это.

Третий римлянин

Ах, чтоб ящур тебя. Я думал, она серебряная.

Издалека по-прежнему доносится шум битвы. Входят ***Марций и Тит Ларций с трубачом****.*

Марций

Взгляни на этих косаришек. Вот уж
Не ценят времени и в медный грош.
Еще не кончен труд, а это быдло
Свинцовых ложек сбором занялось,
Подушек, хлама ржавого, тряпья,
Которое палач и тот не снял бы

С повешенного. Пес их задери!
А слышишь, как сражается Коминий!
Туда скорей бы! Там заклятый враг,
Авфидий, рубит римлян. Тит, послушай:
Оставь себе достаточно бойцов,
Чтобы обезопасить Кориолы,
А я и кто охочий поспешим
На помощь нашим.

Тит Ларций

Ты же окровавлен.
Ты отдал бою силы все свои.

Марций

Хвалить меня не стоит. До свиданья.
Я здесь и разогреться не успел.
А что кровь каплет, это не опасно,
Скорей полезно. Так предстану я
Перед Авфидием и так сражусь я.

Тит Ларций

Люби тебя и отражай Фортуна
Мечи, замахнутые над тобой.

Служи тебе, отважному, удача.

Марций

И вознеси тебя она к своим
Вершинам. И на этом – до свиданья.

Тит Ларций

До встречи, мой достойнейший.

Марций уходит.
(*Трубачу.*)

Иди трубить на рыночную площадь,
Зови туда всю городскую власть,
Чтоб выслушала наши приказанья.
Идем!

Уходят.

Сцена 6

Поле близ римского стана. Входят отступающие ***Коминий и воины****.*

Коминий

Передохнем, друзья. Сражались мы,
Как должно римлянам – не упираясь

По-глупому и не кидаясь вспять
В трусливом беге. И поверьте, скоро
Атака снова. В промежутках боя
Порывами к нам ветер доносил
Клич наступавших братьев. Боги Рима!
Даруйте им, даруйте нам успех,
И, съединив ликующие рати,
Мы жертвою вас возблагодарим.

Входит ***гонец****.*

Какую весть несешь ты?

Гонец

Кориольцы
Из города ударили на Тита
И Марция – и оттеснили нас
К траншеям. А затем я услан был.

Коминий

Пусть это правда, но худая правда.
Когда был послан ты?

Гонец

Да час назад.

Коминий

До вас не будет мили. Барабаны,
Зовущие на приступ, донеслись
От вас недавно. Почему потратил
Ты целый час?

Гонец

Разведчики врага
Гнались за мною, и пришлось дать крю-
ку
Мне мили на три, а иначе я бы
Уж полчаса тому назад доставил весть.

Коминий

Кто окровавлен к нам идет, как если б
С него содрали кожу? Боги, боги!
Похож на Марция; уже таким
Его видал я.

Входит ***Марций****.*

Марций

Я не опоздал?

Коминий

Пастух не спутает удара грома
Со звяком бубна; ни с каким другим
Геройский голос Марция не спутать.

Марций

Не опоздал я?

Коминий

Если не своею
Ты залит кровью, то не опоздал.

Марций

О, дай обнять тебя – и убедишься,
Что я рукою крепок и теперь,
А сердцем весел, словно в брачный вечер,
Когда зажглися свечи, призывая
В постель.

Коминий

О воин милостью небес!
А что Тит Ларций?

Марций

Издает приказы

Именем Рима: милует, казнит,
Грозит и гонит, – взял на поводок,
Как гончую, он город Кориолы,
А гончая и рвется, и юлит.

Коминий

А где тот раб, который доложил,
Что вы в траншеи загнаны? Немедля
Позвать его сюда!

Марций

Оставь его.
Все так и было. Простолюдье наше –
Чума на них! Трибунов им давай! –
Как мышь от кошки, эти господа
Бежали от дохлейшего вражишки.

Коминий

Как же остановил ты их?

Марций

Не время
Сейчас об этом. После расскажу.
Где неприятель? Победили вы?
А нет, так почему из боя вышли?

Коминий

С невыгодной позиции ушли мы,
Чтобы переломить сраженья ход.

Марций

А как расположился неприятель?
Где лучшие бойцы его?

Коминий

Надежней
Всех – анциаты; знаю, что они
Выставлены вперед, и во главе их
Авфидий – сердце вражеских надежд.

Марций

Прошу тебя и заклинаю всеми
Сраженьями, где вместе мы дрались,
И кровью нашей пролитой, и дружбой, –
Против Авфидия меня поставь –
И тотчас, не откладывая, в бой,
Подняв мечи и копьями щетинясь.

Коминий

Тебя омыть бы, умастить бы раны

Бальзамом – но отказывать тебе
Язык не повернется. Выбирай же
Себе солдат.

Марций

Охочих нужно мне.
Есть ли такие здесь, кому по вкусу
Мой этот рдяный боевой окрас, –
Кому бесчестие страшнее смерти,
Кому дороже жизни отчий край?
Грех сомневаться, есть средь вас такие.
Взмахните же, охочие, мечом –
Вот так, как я, – и следуйте за мною.

Общий возглас; все воины потрясают мечами. Подхватив Марция, поднимают его над собой; взлетают в воздух шлемы.

Марций

Схватили бедного! Что я вам – меч?
Ну, если это все не показное,
Любой здесь стоит вольсков четырех,
Любой из вас противустать достоин
Великому Авфидию. Спасибо

Вам всем, хоть всех набрать я не могу.
Но все сгодятся в битве, на других
Участках. А теперь пройдите строем
Пред четырьмя назначенными мной
Отборщиками.

Коминий

Стройтесь и шагайте.
И, мужество делами доказав,
Разделите и славу и добычу.

Уходят.

Сцена 7

Кориолы. У городских ворот. ***Тит Ларций****, оставя в городе гарнизон и под барабаны и трубы отправляясь на соединение с* ***Кóминием и Марцие****м, выходит из ворот с* ***воинами****,* ***начальником гарнизона и разведчиком****.*

Тит Ларций

Все входы охранять. Несите службу,
Как велено. Когда пришлю приказ,
Центурии те высылай на помощь.

Продержитесь без них короткий срок.
А проиграем бой, падет и город.

Начальник гарнизона

Спокоен будь, все выполним.

Тит Ларций

В поход!
Ворота запереть. Сюда, разведчик.
Веди нас в римский стан.

Уходят.

Сцена 8

Поле боя близ римского стана. Шум битвы. Входят с разных сторон ***Марций и Авфидий****.*

Марций

Ни с кем другим – с тобой хочу схватиться.
Изменника ты ненавистней мне.

Авфидий

Мы ненавидим вровень. Мне твое
Соперничанье в славе горше яда.

Стой и дерись.

Марций

И кто из нас отступит,
Умри рабом другого – и казнись
Мученьем вечным!

Авфидий

Если побегу я,
Трави меня, как зайца.

Марций

Три часа
Всего назад я в ваших Кориолах
Сражался против города один,
И было мне раздолье. Кровь на мне –
То вражеская, ваша. Отомсти же,
Напружься мышцею.

Авфидий

Будь ты сам Гектор,
Ваш баснословный предок, не уйдешь
Ты от меня теперь.

Рубятся; на помощь Авфидию приходят несколько вольсков; измотав их, Марций гонит

этих вольсков прочь.

Авфидий

Трусливые помощнички, вы только
Унизили меня. Проклятье вам!

Уходят, сражаясь.

Сцена 9

Римский стан. Трубы. Шум сражения. Отбой. Входят с одной стороны ***Коминий и римляне****, с другой —* ***Марций*** *с рукой, взятой на перевязь.*

Коминий

Начну перечислять дела твои
За день прошедший – сам ты не поверишь.
Но Рим о них узнает от меня:
Сенат заулыбается сквозь слезы;
Вельможные патриции, сперва
Пожав плечами, кончат восхищеньем;
А римлянки сквозь радостный испуг
Заслушиваться будут. А трибуны
Немудрые, что с чернью заодно,

С плебеями, к тебе питают злобу, –

И те невольно скажут: «Слава небу,

Что в нашем Риме воин есть такой».

А ведь пришел ты к нам на бранный пир,

Уже напировавшись в Кориолах.

Входит ***Тит Ларций с войском****, возвращаясь после победного преследования.*

Тит Ларций

О предводитель! Вот он, боевой

Наш конь – а мы при нем лишь только сбруя.

Видал бы ты, как он…

Марций

Прошу, не надо

Хлеб отбивать у матушки моей,

Любительницы кровь родную славить

И этим огорчающей меня.

Трудился я, как вы, – что мог, то сделал.

Мы все сражалися за отчий край,

И каждый, сделавший что мог, имеет

Заслугу, равную моей.

Коминий

Ну нет,
Не хорони в себе свои заслуги.
Рим должен знать дела богатыря.
Утайка их была бы хуже кражи,
Была бы равнозначна клевете.
О них кричать бы, надрывая голос, –
И то бы мало. Потому, прошу я,
Пред войском выслушай мои слова –
Не как награду, только как признанье
Свершенного.

Марций

Небось, о ранах скажешь –
И от упоминанья заболят.

Коминий

А от неблагодарности взгноятся,
От умолчанья подвигов – и в смерти
Одной лишь исцеление найдут.
Из многих взятых у врага коней
И всех сокровищ, в городе и поле

Захваченных, владей десятой частью
И тотчас отбери ее себе,
До дележа всеобщего.

Марций

Спасибо,
Но не за взятку мой работал меч.
Приму лишь долю наравне со всеми
Здесь бывшими.

Долгий фанфарный клич труб. Все восклицают: «Марций! Марций!», бросают в воздух шлемы и копья. Коминий и Тит Ларций обнажают головы.

Марций

Умолкнут навсегда пусть эти трубы!
Уж если станет лестью осквернен
Звук воинской трубы и барабана,
Пусть все потонут в лживом сладкоречье
Дворцы и города! Уж если сталь
Хотите размягчить и уподобить
Шелкам изнеженного прихлебалы,
Тогда из шелка делайте броню!
Довольно, хватит! Только лишь за то,

Что не умыл расквашенного носа,
Что хиляков я нескольких пришиб, –
А это многие здесь совершили
Без шума-грома, – и за эту малость
Вы до небес меня превознесли,
Кормя хвалою, приправляя ложью.

Коминий

Ты скромен слишком уж. Добрее будь
К себе и благодарней нам за правду.
А если на себя взъярился ты
В самоубийственном, прости, затмененье,
То, прежде чем с тобою рассуждать,
Обезопасим, наручни наденем.
Итак, да будет ведомо и вам,
И миру, что Кай Марций удостоен
Венка победы римской, в знак чего
Дарю ему я своего коня,
На весь наш лагерь славного породой,
И сбрую всю к нему. За богатырство,
Что проявил у Кориол, зовись
Ты Каем Марцием Кориоланом,

И с честью то прозвание носи.
Приветствуй, воинство, Кориолана!

Фанфарно трубят трубы, бьют барабаны.

Все

Да здравствует Кай Марций Кориолан!

Кориолан

Пойду умоюсь.
Когда отмою щеки, станет видно,
Умею ли краснеть. Благодарю
Во всяком разе. Твоего коня
Возьму я под седло, и буду имя
Высокое стараться оправдать,
Сил не жалея.

Коминий

А теперь – в шатер
И отдыхать, но прежде в Рим напишем
Победное послание. Тит Ларций,
Ты в Кориолы воротись. Пошли
Из горожан знатнейших депутацию
К нам на переговоры в Рим – на благо
Обеим сторонам.

Тит Ларций

Пошлю, мой вождь.

Кориолан

А надо мной уж боги начинают
Подсмеиваться. Только что не взял
Я царственных даров – и тут же с просьбой
К тебе, Коминий.

Коминий

Загодя согласен.
А в чем та просьба?

Кориолан

Как-то гостем был
Я в Кориолах здесь у бедняка.
Он принял хорошо меня. А нынче
Кричал он мне… Его там взяли в плен…
Но я Авфидия в тот миг завидел,
И гнев отвлек от жалости меня.
Прошу свободы бедняку.

Коминий

Резонно!

Убей он сына моего, и то бы
Свободен стал, как ветер. Отпусти
Его, Тит Ларций.

Тит Ларций

А как звать его?

Кориолан

Забыл, клянусь Юпитером. Устал я,
И память притомилась. Мне б вина.

Коминий

Идем в шатер. Твой лик запекся кровью.
Пора вниманье ранам уделить.
Идем же.

Уходят.

Сцена 10

В стане вольсков. Трубы и рожки. Входит окровавленный ***Тулл Авфидий с двумя-тремя воинами****.*

Авфидий

А город взят.

Первый воин

Рим возвратит его
На легких, выгодных для нас условьях.

Авфидий

«На выгодных»?
Плохой я вольск, я уронил себя.
Уж лучше б я был римлянин. «На легких»?
Какие тут условия, когда мы
На милости врага? Пять раз уже
С тобою, Марций, дрался я. Пять раз
Ты побеждал. И, видимо, рубись мы
Хоть ежечасно, будешь побеждать.
Водою, воздухом, огнем, землею
Клянусь, еще пусть раз лицом к лицу
Столкнемся – и один из нас поляжет.
Я или он. Уж не о чести речь.
Я думал в честном одолеть бою, –
Теперь же вероломством, злым обманом –
Любым путем убью его.

Первый воин

Он – дьявол.

Авфидий

Храбрее дьявола, но не хитер.
На доблести моей из-за него
Теперь пятно; замаран, не могу я
Самим собою быть и принужден
Оподлиться. От ярости моей
Ничто не будет Марцию защитой
Теперь: ни святость храмовых убежищ
У алтаря, под сению жрецов
Молящихся и жертвоприносящих,
Ни величавые чертоги власти.
Обычай дряхлый мне уж не указ.
Больным застигну, безоружным, спящим –
Не пощажу его. Где ни найду, –
Пусть даже в доме брата моего, –
Переступлю закон гостеприимства,
Омою руку гневную в крови.
Вы проберитесь в город. Как охрана
Размещена и отправляют в Рим

Кого заложниками, вызнать надо.

Первый воин

А ты не с нами разве?

Авфидий

Ждут меня
У рощи кипарисовой. Та роща
Южнее мельниц городских; туда вы
Доставьте мне известия, чтоб я
Свои шаги мог соразмерить с ними.

Первый воин

Будет исполнено.

Уходят.

Акт II
Сцена 1

Площадь в Риме. Входят ***Менений*** *и два народных трибуна —* ***Сициний и Брут****.*

Менений. Авгур мне предсказал — к вечеру будут вести.

Брут. Хорошие или плохие?

Менений. Простонародью придутся не по нраву: оно Марция не любит.

Сициний. Природа учит земную тварь знать и любить тех, кто ей друг.

Менений. А скажите-ка, волк кого любит?

Сициний. Ягненка.

Менений. Да, ягнятину волк любит. Вот так и несытое плебейство не прочь бы сожрать благородного Марция.

Брут. Ну, этот ягненок чистым медведем ревет.

Менений. Нет, этот медведь, как чистый ягненок, живет. Вот вы оба уже люди старые; ответьте мне на один вопрос.

Оба трибуна. Изволь.

Менений. Назовите мне такой грех, такой порок, какими Марций не был бы нищ, а вы не

обиловали бы?

Брут. Да он во всех пороках и грехах повинен.

Сициний. Особенно в гордости.

Брут. И всех переплюнул бахвальством.

Менений. Бахвальством? Странно это слышать. А знаете вы оба, как о вас судят здесь в городе — то есть как мы, люди знатные, судим?

Оба трибуна. Как же вы о нас судите?

Менений. Вот вы о гордости упомянули — а сами не рассердитесь?

Оба трибуна. Да уж говори, говори, почтенный.

Менений. А и рассердитесь, так горе небольшое: ведь чашу вашего терпения любой пустяк-воробышек способен опрокинуть. Что ж, опрокидывайтесь, злобьтесь на здоровье, раз вам это здорово. Вы обвиняете Марция в гордости?

Брут. Не мы одни.

Менений. Знаю, что вы одни — упряжка квелая; пособников многих имеете, а иначе сирые из вас были бы деятели. Силенка у вас у одних-то сиротская. На гордость чью-то жалуетесь. Ох, если б могли вы повернуть зрачки свои к затылку и обозреть драгоценную внутренность вашу! Если б только могли вы!

Брут. И что бы тогда?

Менений. А тогда бы обнаружили вы пару никчемных, спесивых, склочных, скандальных должностных дураков, каких поискать в Риме.

Сициний. А ты что за птица, Менений, тоже всем известно.

Менений. Всем известно, что я шутник-причудник и не любитель разбавлять крепкое вино хоть каплею тибрской воды. И не любитель отказывать жалобщику — и в этом видят изъян мой, а также и в том, что поспешен бываю и вспыльчив, и знакомей мне глухие зады ночи, чем рассветные ланиты утра. Что у меня на уме, то и на языке, и зла на людей не держу, расходую тут же в словах. Таких государственных мужей, как вы, не величаю мудрыми законодателями, и если от питья, каким потчуете меня, во рту кисло, то морщусь откровенно. Когда слышу в речах ваших всякие «зане» и «поелику», сбивающие с панталыку, то не хвалю вас за такое спотыкливо-ослиное ораторство. И хотя оспаривать не стану, что возраст ваш серьезный и года у вас почтенные, но обличу в постыдной лжи того, кто скажет, что у вас и лица почтенные. И если все это читается на карте моего микрокосма, то я «птица», по-вашему? А если всем известно, что я за птица, то какую тут зловредность могут

высмотреть ваши закисшие органы зрения?

Брут. Ну, ну, ну, знаем мы тебя.

Менений. Вы ни меня и ни себя и ни шута не знаете. Вам одно надо — чтоб голытьба перед вами шапки ломала в поклонах. Вы целое утро погожее тратите на разбор трехгрошовой ругни между лотошницей и продавцом затычек, и еще на завтра назначаете дослушиванье. А случится разбирательство серьезнее и схватит вдруг у вас живот, то корчите гримасы, точно актеры в пантомиме, теряете последний свой терпеж и, убегая на истошно затребованный горшок, вырявкиваете решение, еще только запутывающее тяжбу. Вся уладка дела к тому сводится у вас, что обоих тяжущихся честите подлецами. Славные из вас миротворцы!

Брут. Все знают, что насмешничать в хмельном застолье тебе сподручней, чем державные дела решать на Капитолии.

Менений. Тут и степенный жрец станет насмешником, когда посталкивается с такими умницами, как вы. Самые мудрые ваши суждения не стоят того, чтоб, изрекая их, вам разевать свои брадатые уста, а ваши бороды со всем их волосом не годны даже и в подушку под портняжий зад или во вьючное ослиное седло. А еще обидно

вам, что Марций горд; да он в любой базарный день дороже стоит всех ваших прародителей и предков со времен потопа, даже если лучшие из них, возможно, были потомственными палачами. Желаю здравствовать вашим милостям. А то как бы не подхватил я скотскую чуму от разговоров с вами — пастухами плебейского стада. Так что уж не смею вас удерживать. (*Брут и Сициний отходят в сторону.*)

Входят ***Волумния, Виргилия и Валерия****.*

Привет госпожам моим, столь же прекрасным, сколь благородным, — а сама Луна, спустясь на землю, не превзошла бы вас благородством. Куда путь правите так спешно?

Волумния. Достойнейший Менений, мы спешим встречать моего мальчика, моего Марция. (*Спутницам.*) Идемте скорей, ради Юноны.

Менений. Что? Марций возвращается?

Волумния. Да, и проявив себя отважно и победоносно.

Менений. Ура! Лови, Юпитер, мою шапку — и спасибо тебе, боже! Неужто уже возвращается?

Виргилия и Валерия. Правда, правда.

Волумния. Вот письмо от него. И сенату прислал письмо, и жене тоже. По-моему, и тебя дома ждет письмо.

Менений. Ну, вечером весь дом мой ходуном пойдет от пированья. Мне письмо!

Виргилия. Да, да. Я сама его видела.

Менений. Письмо прислал! Прислал мне на семь лет здоровья — теперь семь лет чихать я буду на врачей. В сравнении с этим хранительным письмом самый лучший рецепт из Галена — коновальская и знахарская ерунда. А он не ранен? Он всякий раз возвращается раненый.

Виргилия. Ах, нет, нет, нет.

Волумния. Да, он ранен; и я благодарю богов за то.

Менений. И я тоже, если раны не слишком тяжелые. Они его красят. Возвращается с победою в кармане!

Волумния. С победой на челе, Менений. Третий раз приходит он домой в дубовом венке.

Менений. Уж верно, задал перца самому Авфидию?

Волумния. Тит Ларций пишет, что мой сын сразился с Авфидием, но тому удалось уйти.

Менений. И счастье его, что ушел. А то бы Марций так его разделал, так бы разавфидил, что не захотел бы я быть на его месте за все сундуки кориольские со всем их золотом. А сенату сообщено это?

Волумния (*спутницам*). Идемте же. (*Менению.*) Да, да! В сенат пришла реляция от полководца, от Коминия, и там виновником всей победы назван сын. Он в этом походе вдвойне превзошел свои прошлые подвиги.

Валерия. И правда, о нем рассказывают чудеса.

Менений. Вот видите — чудеса! И будьте уверены, все так и есть.

Виргилия. Дай-то боги!

Волумния. Да уж дали, дали!

Менений. Клянусь, все так и есть. Куда он ранен? (*Трибунам.*) Храни Юпитер вас, почтенные! Марций возвращается, умножив причины для гордости. — Куда он ранен?

Волумния. В плечо и в руку левую. Какие шрамищи сможет народу показать, когда выставит себя в консулы! А в первую свою войну, отражая Тарквиния, он семь ранений получил.

Менений. И в шею, не забудь, а в бедро два — всего девять, по-моему.

Волумния. У него двадцать пять ранений, не считая нынешних.

Менений. Теперь уж двадцать семь. И каждая рана — могила врагу. (*За сценой возгласы и трубы.*) Слышите? Это боевые трубы!

Волумния

Они вещают Марция приход.

Пред ним – клич труб; за ним – плач побежденных.

Разит тяжелая его рука

Мечом, как смерть косой, – наверняка.

Торжественные трубы. Входят полководец ***Коминий и Тит Ларций****; между ними идет увенчанный дубовым венком* ***Кориолан****. В триумфальном шествии участвуют* ***военачальники, воины и глашатай****.*

Глашатай

Знай, Рим, что Марций дрался в Кориолах

Один супротив города всего

И славу тем добыл себе и третье

Имя почетное – Кориолан.

Добро пожаловать, Кориолан!

Трубы.

Все

Добро пожаловать, Кориолан!

Кориолан

Довольно. Этот шум не по душе мне.
Прошу вас.

Коминий

Вот и матушка твоя!

Кориолан

Ты за меня молила всех богов!

Опускается на колени.

Волумния

Нет, нет, вставай с колен, мой храбрый воин,
Мой милый Марций, мой достойный Кай.
И третье имя новое прибавлю,
Заслуженное подвигом твоим –
Кориолан, не так ли? – Но гляди –
Жена твоя!

Кориолан

О ласковая, здравствуй,
Молчальница моя! Ты что же плачешь?

А если бы вернулся я в гробу,

Тогда смеялась бы? О, дорогая,

Оставь лить слезы вдовам кориольским

И матерям.

Менений

Да увенчает Марс

Тебя!

Кориолан

Ты жив еще?

(*Валерии.*)

Прости, не первой

Приветствую, чистейшая, тебя.

Волумния

Куда и повернуться, я не знаю.

Добро пожаловать, Коминий! Всем вам –

Добро пожаловать!

Менений

Сто тысяч раз

Добро пожаловать! И плакать тянет,

И радостно смеяться. Мне и грустно,
И весело. Добро пожаловать!
Будь прокляты все, кто тебе не рад!
Вы – трое воинов, которых должно
Боготворить. И все же есть у нас
Кислицы старые – им не привить уж
Любви к вам. Но еще раз повторю –
Добро пожаловать, герои наши!
Крапива есть крапива, от глупцов
Чего ждать, кроме глупости.

Коминий

Ты прав,
Как и всегда.

Кориолан

Все тот же ты, Менений.

Глашатай

Дорогу воинам!

Кориолан

Дай руку, мать.
И ты, жена. Я, прежде чем домой,
Пойду отдам сенату благодарность

За встречу, за особенный почет.

Волумния

Я дожила до исполненья всех
Моих желаний, всех мечтаний. Только
Еще одно осталось. Рим никак
Тебе в нем не откажет.

Кориолан

Знаешь, мама,
Милей мне быть по-своему слугой,
Чем править не по-своему.

Коминий

Вперед,
На Капитолий!

Трубы и рожки. Торжественное шествие удаляется. Оставшиеся Брут и Сициний выходят вперед.

Брут

Лишь о нем и речь.
Чтоб разглядеть его, вооружились
Очками потускнелые глаза.
Младенец пусть от плача посинел,

Но нянька восхищенно заболталась,
Не слышит. Лучший свой платок-дерюжку
На шею закопченную надев,
Карабкается на стену кухарка.
Забив проемы окон, оседлав
Коньки домов и запрудивши кровли,
Везде густеет самый разный люд,
Но, как один, все пялятся. И даже
Всегда затворничавшие жрецы,
Пыхтя, протискиваются в народе.
С лиц покрывала убраны у дам,
И солнце бело-алые их щеки
Сжигает поцелуями. Такое
Творится, словно он не человек,
А мощный и красивый бог, хитро
Вошедший в тело своего любимца.

Сициний

Он с ходу станет консулом.

Брут

Тогда

Бай-баюшки-баю трибунство наше.

Сициний

Не сможет он гордыню обуздать
Свою надолго, потеряет вскоре
Сторонников.

Брут

Тем утешаюсь я.

Сициний

Народ наш подопечный – простолюдье,
К нему питающее неприязнь, –
Дай только повод, тотчас позабудет
Его заслуги новые. А повод
Уж он-то даст им.

Брут

Клялся он при мне,
Что, в консулы к избранью выставляясь,
Не станет облачаться ни за что
В потертую, смиренную одежду,
На рыночную площадь выходить
И, как ведется, раны обнажать

При всем народе, пред людьми простыми,
Чесночные их клянча голоса.

Сициний

Да, слышал я.

Брут

Он именно сказал,
Что и не выставится, разве только
Патриции упросят.

Сициний

Вот бы так
И вел себя он.

Брут

Так он и поступит.

Сициний

И тем себя погубит навсегда.

Брут

Что ж, иль ему конец, иль нашей власти.
Напомнить надо людям, что не тер-

пит
Он их и не считает за людей;
Что, рот зажав защитникам народа,
Его он хочет вольностей лишить,
В скотину, в мулов обратить покорных
И, как верблюдов вьючных на войне,
Кормить соломой, если тащат груз,
И палкой – если падают под грузом.

Сициний

Да, да, напомнить – именно тогда,
Когда его надменная горячность
Плебеев наших снова оскорбит.
А распалить его так же нетрудно,
Как натравить собаку на овец.
Он вспыхнет – и мгновенно подожжет
Народной ненависти сухотравье,
И в этом лютом пламени навек
Обуглится.

*Входит **гонец**.*

Брут

Ты что – за нами послан?

Гонец

Зовут на Капитолий. Не иначе
Как Марцию быть консулом. Он шел,
И на него теснились поглядеть
Глухонемые, а слепцы – послушать
Хоть голос. Дамы, девушки его
Платочками своими забросали
И лентами. Степенные матроны
Перчатками кидались, сняв с руки.
Патриции склонялись перед ним,
Как перед статуей Юпитера,
А простолюдье шапками и криком
Устраивало град и гром. Я в жизни
Подобного не видел.

Брут

Что ж, идем
На Капитолий – наблюдать и слушать,
И в сердце замысел растить.

Сициний

Идем.

Уходят.

Сцена 2

Капитолий. Римский сенат. Входят ***два служителя****, раскладывают подушки на сенаторских сиденьях.*

Первый служитель. Быстрей, быстрей — сейчас придут. Сколько у нас кандидатов на консульство?

Второй служитель. Говорили, что трое. Но все считают, выбран будет Кориолан.

Первый служитель. Отважный человек, но страшно гордый и не любит простого народа.

Второй служитель. Да ведь сколько уж больших людей льстило народу, а народ ничуть их не любил. И скольких любил народ, сам не зная за что. А раз любит ни за что, то и ненавидеть может без причин. Так что если Кориолану все равно, любят они его или же ненавидят, то, стало быть, он их натуру знает, а действует нескрыто по своей благородной беззаботности.

Первый служитель. Будь ему все равно, любят его или нет, он бы равнодушно не стремился делать им ни худа, ни добра. А он ищет их ненависти с таким усердием, что они даже не поспевают отвечать ему этой ненавистью; он прямо всеми

силами старается показать, что он им враг. Вот он лестью гнушается, — а ведь так упорно вызывать к себе вражду и неприязнь народа ничуть не лучше, чем лестью вызывать народную любовь.

Второй служитель. У него перед отчизной доблестные заслуги; и возвышенье шло у него труднее, чем у тех ловкачей гибкоспинных, что ничем больше, как умильными поклонами, втерлись в уваженье и народную хвалу. Но славные дела Кориолана у всех перед глазами, запечатлены во всех сердцах, — и замолчать эти дела, не признать их подвигами было бы черной неблагодарностью, а оболгать их значило бы предстать злобными лжецами и вызвать всеобщий упрек и укор.

Первый служитель. Что тут говорить, человек он достойный. Сенаторы идут — давай-ка мы отсюда.

Трубы. Предшествуемые ликторами, входят ***патриции и народные трибуны, Кориолан, Менений, консул Коминий****. Сенаторы садятся на свои места,* ***Сициний и Брут*** *— на свои. Кориолан садится не сразу.*

Менений

О вольсках решено. За Титом Ларцием

Послали. Остается наградить
Того, кто за отчизну постоял
С такой отвагой. Для того мы снова,
Отцы-сенаторы, и собрались.
Давайте же попросим сообща
Нашего консула и полководца
Нам доложить о труженике битв,
О Кае Марции Кориолане,
Кому мы здесь намерены воздать
По делу и заслуге.

Первый сенатор

Говори
И ничего не упускай, Коминий,
Гонясь за краткостью. Уж лучше пусть
Не сможет досягнуть до высоты
Его заслуг державная награда.

(*Трибунам.*)

Вас просим благосклоннейше внимать
И поддержать затем перед народом.

Сициний

Нас всех соединил приятный долг.
Мы будем рады подвиг возвеличить.

Брут

Тем радостнее это будет нам,
Если теперь народ в его глазах
Ценнее стал, чем раньше.

Менений

Полно, полно.
Зачем об этом? Так угодно вам
Коминия послушать?

Брут

Да, угодно.
Но предостережение мое
Уместно.

Менений

Любит, любит он народ ваш,
Но спать не ляжет с ним в одну постель.
Коминий, говори.

Кориолан *встает и хочет уйти.*

Нет, оставайся.

Первый сенатор

Сиди, Кориолан. Чего смущаться?
Ты заслужил.

Кориолан

Прощения прошу,
Но лучше б не иметь почетных ран,
Чем слушать, как получены.

Брут

Надеюсь,
Что встал ты с места не от слов моих.

Кориолан

Нет, – хоть и часто ухожу от слов,
Когда бессильны гнать меня удары.
Не льстил ты мне, а значит, не обидел.
Народ же я ценю, как он того
Достоин…

Менений

Да садись.

Кориолан

Скорей на солнце
Во время боя лягу и рабу
Дам в голове чесать, чем буду слушать,
Как огромадятся здесь пустяки,
Мной деланные.

Уходит.

Менений

Вожаки народа!
Ну, как он может вашей льстить плебейской
Плодучей мелюзге, где не сыскать
Двух стоящих из тысячи, – когда он
Всего себя подставить рад мечам,
Но и одно хвалам подставить ухо
Никак не хочет? Приступай, Коминий.

Коминий

Громовый голос требуется мне,
Чтоб описать дела Кориолана.
И если выше и достойней нет

На свете добродетели, чем доблесть,
То нету в мире равного тому,
О ком я речь веду. Когда Тарквиний
На нас пошел, чтоб Рим себе вернуть,
Шестнадцать было лет Кориолану,
И несравненно отличился он.
Тогдашний
консул, что теперь средь нас
Присутствует, сам видел этот подвиг.
Герой наш безбородый пред собою,
Как богатырша-амазонка, гнал
Врагов щетиннощеких; над упавшим
Встав римлянином, защитил его,
Убив троих. И сам Тарквиний был
Его ударом на колени брошен.
В тот день он роль не женскую играл,
Его годам приличную, а лучшим
Мужчиной был в бою, и потому
Венчан венком дубовым. Школьный возраст
Омужествив, он рос, как океан
В приливный час. И первым был бойцом

Он с той поры в семнадцати сраженьях.
А в Кориолах и у Кориол
Свершил такое, что и слов не хватит:
Остановил бегущих, поселил
Отвагу в трусах доблестным примером.
Как водоросли килем корабля,
Так он взрезал и гнул людские гущи,
И падал меч, как смертное клеймо.
Одет корой кровавой, шел вперед
Он под сплошные вопли умиравших.
Один вошел в ворота Кориол
И, затаврив их алым знаком рока,
Прочь вырвался – и, с быстрою подкрепой,
Ударил вновь, и город поразил,
Как поражает грозная планета.
И победил. Но дальней битвы шум
Дошел до уха чуткого, и тут же
Воспрянул дух и мускулы взбодрил
Усталые – и в новый бой, дымясь

Багряным паром, руша вражьи жизни
И не остановясь передохнуть,
Пока и в поле мы не победили.

Менений

Вот это человек!

Первый сенатор

Достоин чести,
Которую мы оказать хотим.

Коминий

Трофеи он отверг. Как на дерьмо,
Взглянул на драгоценную добычу.
Он меньше взял, чем дал бы нищий скряга.
Дела его – наградой для него.
Иной не просит.

Менений

Благороден он.
Позвать его.

Первый сенатор

Позвать Кориолана.

Служитель

Вот он идет.

Входит ***Кориолан****.*

Менений

Кориолан, тебя
Сенат возводит в консулы.

Кориолан

Всегда
Своею жизнью рад служить сенату.

Менений

И надлежит одно тебе еще –
Пойти к народу.

Кориолан

Я прошу – увольте
От этого. Непереносно мне
В смиренной тоге, раны обнажив,
Канючить голоса за эти раны.

Сициний

Народ желает проголосовать.
Обычая нарушить не позволит

Он ни на йоту.

Менений

Ты уж не дразни их
И сан прими по форме, как и все
Былые консулы.

Кориолан

Мне будет стыдно
Играть просительную роль. Пора
Отнять забаву эту у народа.

Брут
(*Сицинию*)

Ты слышал?

Кориолан

Не краснея, как смогу
Бахвалиться: свершил, мол, то и это, –
Не прятать, а показывать раненья
Давно зажившие, как будто я
Их получил, чтоб ими уплатить
За голоса?

Менений

Ты уж не упирайся.
Народные трибуны! Просим вас
Ходатаями быть перед народом.
А доблестному консулу хвала
И слава!

Сенаторы

Многая хвала и слава
Кориолану!

Торжественные трубы. Все уходят, кроме ***Сициния и Брута****.*

Брут

Вот как он намерен
С народом обращаться.

Сициний

Надо людям
Скорей уразуметь, что голоса,
Кориолану отданные, только
Усугубят презрение его.

Брут

Идем же, все передадим народу.
Он ждет на площади.

Уходят.

Сцена 3

Римский форум (рыночная площадь). Входят семь или восемь ***горожан****.*

Первый горожанин. Раз он голоса наши запросит, то отказать мы не можем.

Второй горожанин. Можем, ежели не захотим его.

Третий горожанин. Не захотеть мы властны, да только власть эта была б неправая. Когда поведает он нам свои дела и покажет раны, то мы в их бессловесные уста свой язык должны вложить и за них сказать. Уж если он нам благородные свои подвиги обскажет, то и мы по-благородному должны его одобрить. Неблагодарность — свойство зверя, и народу проявить ее значило бы проявить звериность, а как мы часть народа, то и сами, стало быть, озвереватеем.

Первый горожанин. А нелюдьми прослыть проще простого. Еще когда из-за зерна мы бунтовали, он сам нас тут же обозвал пестроголовою толпищей-чудищем.

Третий горожанин. Нас многие так обзывают; и не потому, что у нас головы у кого черная, у кого

бурая, у кого рыжая, у кого лысая, а потому, что мозги наши очень уж разных мастей. Вот право слово, соберись они в один даже череп, и крылья получи, и согласись все лететь напрямик в одну сторону, так все равно бы разлетелись на запад, восток, север, юг — по всем по тридцати двум направленьям компаса.

Второй горожанин. Ты так считаешь? А в какую бы, по-твоему, сторону полетели мои мозги?

Третий горожанин. Ну, твои нескоро с места стронешь: они намертво застряли в дубовой башке. Но уж если высвободятся, полетят, то на юг.

Второй горожанин. Это зачем же туда?

Третий горожанин. Чтоб размягчиться и растечься там в тумане южном; а когда растворятся они на три четверти в гнилых росах, то остальная четверть, сжалясь, вернется к тебе — а то, безмозглый, и жены себе не сыщешь.

Второй горожанин. Вечно ты со своими шутками. Ну, ну, балагурь, балагурь.

Третий горожанин. Значит, решено — отдадим ему все голоса? А и не все, так большинство за ним. Эх, повернись бы он сердцем к народу, не было бы человека достойней. (*Входят* **Кориолан** *в одежде смирения и* **Менений**.) Вон он идет в тоге смирения. Гляди, как посмирнел. Мы не всем

скопом, а по одному, по двое, по трое проходить будем мимо него. Пусть просит людей по отдельности, чтоб каждому досталась почесть просьбы и прямой отдачи голоса. Давайте все за мной — я научу, как проходить.

Все. Ладно, учи.

Горожане уходят.

Менений

Нет, сударь, ты неправ. Обычай этот
Блюли достойнейшие из мужей.

Кориолан

Что ж говорить мне надо? «Я прошу вас...»
Не поворачивается язык.
«Вот мои раны. Погляди, почтенный!
Служа отчизне, я их получил,
Когда ваш брат вопил и убегал
От грохота своих же барабанов».

Менений

Нельзя об этом! Попроси их, пусть
Не забывают о твоих заслугах.

Кориолан

Просить? Проклятье! Да пускай забудут,

Как забывают проповедь жрецов,

Напрасно к ним взывающих.

Менений

Погубишь

Ты все. Я ухожу. Молю тебя,

Любезней с ними будь.

Уходит.

Кориолан

Сперва пускай

Вычистят зубы и лицо умоют.

Входят ***трое горожан****.*

Идет тройка гнедых… Почтеннейшие,

Вам ведомо, зачем я здесь стою.

Третий горожанин. Твоя цель нам ведома. А скажи нам, что тебя сюда толкнуло?

Кориолан. Моя заслуга.

Второй горожанин. Заслуга?

Кориолан. Да, заслуга, а вовсе не мое желание.

Третий горожанин. Почему ж не желание?

Кориолан. Потому что сроду не желал я про-

сить подаянья у нищих.

Третий горожанин. Ты знай — раз мы тебе даем, то надеемся на прибыль от тебя.

Кориолан. В какую ж вы цену поставили консульство?

Первый горожанин. Цена — учтивая твоя просьба.

Кориолан. Вот и прошу учтиво консульства. Имею раны и покажу их тебе как-нибудь наедине. — Прошу и твой уважаемый голос. Что скажешь?

Второй горожанин. Даю его тебе, достойный господин.

Кориолан. Ну вот и сладились. Уже два уважаемых голоса выклянчил. Подаянье получено. Будьте здоровы.

Третий горожанин. Однако ж это странно.

Второй горожанин. Если бы мне заново решать… Да уж ладно.

Горожане уходят. Входят ***двое других****.*

Кориолан. Прошу вас, если мое консульство с голосами вашими не вразнобой, то вот он я — в предписанной обычаем одежде.

Четвертый горожанин. Ты заслужил у Рима славу и добрую, и недобрую.

Кориолан. Раскрой свою загадку.

Четвертый горожанин. Ты — бич для недруга отчизны и плеть для друга ее. Нелюб тебе простой народ.

Кориолан. Вам бы тем выше меня ставить, что не дарю своей любовью всех и каждого. Ладно же, начну льстить своему названому братцу-народу, чтоб ценил меня дороже. У ваших умников лесть почитается достоинством, и раз уж им важней, чтоб я отдавал им поклоны, чем душу, то стану фальшиво-чарующе кланяться и ломать перед ними шапку — то есть ломать угодливого дурака на манер их площадных любимцев и на услажденье всех желающих. Итак, препокорнейше прошу у вас консульства.

Пятый горожанин. В надежде, что будешь нам другом, даем тебе дружески свои голоса.

Четвертый горожанин. В боях за отчизну ты получил немало ран.

Кориолан. Верь в это и так, без показа. Благодарю за ваши голоса и не смею вас дольше удерживать.

Оба горожанина. Боги да пошлют тебе радость!

Уходят.

Кориолан

О сладостные голоса!
Лучше б я умер, лучше бы не жил,
Чем клянчить то, что делом заслужил.
Зачем в дерюжной тоге здесь торчу я
И милости у вахлачья ищу я,
Ненужной мне? Обычай так велит.
Но не сметай мы пыли с древних плит,
Не обновляй обычаев, давно бы
Всю правду скрыли мусора сугробы,
Ошибок горы… Сколько сраму снесть
Приходится за высший сан и честь.
Не бросить ли? Но я на полпути.
Уж дотерпеть и до конца дойти.

Входят еще ***трое горожан****.*

Еще вон голоса идут.
Подайте голоса! За них я дрался,
Не ел, не спал, ранений получил
Две с лишним дюжины, понюхал боя
Раз восемнадцать. Совершил то, се.
Подайте ваши голоса! Хочу я
Быть консулом. Подайте голоса!

Шестой горожанин. Он сражался доблестно, и всякий честный человек обязан отдать ему голос.

Седьмой горожанин. Вот и пускай будет консулом. Да пошлют ему боги радость и да сделают его добрым другом народа.

Все трое горожан

Да будет так, и бог тебя храни,
Доблестный консул.

Уходят.

Кориолан

О замечательные голоса!

Входят ***Менений с Брутом и Сицинием****.*

Менений

Ты выстоял положенное время.
Голос народа – твой. Подтверждено
Трибунами. Осталось облачиться
В одежду консульскую и в сенат
Пожаловать.

Кориолан

Уж это позади?

Сициний

Обычай просьбы выполнен тобою.
Народ тебя одобрил и придет
На Капитолий подтвердить избранье.

Кориолан

На Капитолий?

Сициний

Да, Кориолан.

Кориолан

И я уже могу сменить одежду?

Сициний

Да, можешь.

Кориолан

И немедленно сменю.
И, став опять собой, пойду к сенату.

Менений

И я с тобой. А вы?

Брут

Мы подождем
Народа здесь.

Сициний

До скорого свиданья.

Кориолан и Менений уходят.

Добился все-таки он своего
И радуется, вижу.

Брут

Как надменно
Урок смиренья отстоял он свой.
А не разубедить ли нам народ?

*Входят **плебеи**.*

Сициний

Ну что, избрали вы его?

Первый горожанин

Избрали,
Отдали голоса.

Брут

Ох, дай-то боги,
Чтоб вашу оправдать он смог любовь.

Второй горожанин

Дай боги. Но осмелюсь я заметить –

Он насмехался, голоса прося.

Третий горожанин

Да, да. Над нами издевался прямо.

Первый горожанин

Нет, просто такова его повадка.

Второй горожанин

Заметили мы все, кроме тебя,
Его пренебреженье. Полагалось
Ему пред нами раны обнажить,
Полученные в битвах за отчизну.

Сициний

И он, конечно, вам их показал.

Горожане

Нет, никому!

Третий горожанин

Покажет как-нибудь,
Мол, с глазу на глаз. Дряхлый, мол, обычай
Без наших голосов не позволяет
Стать консулом. «А я хочу им стать.

Поэтому подайте голоса», –

Сказал, глумливо кланяясь. Когда ж мы

Их дали, то услышали: «Спасибо

За ваши сладостные голоса.

Будьте здоровы. Не держу вас дольше».

Ну, не насмешка это?

Сициний

Или вы

Слепцы, что не увидели издевки,

Иль по-ребячьи добры чересчур.

Брут

Неужто не могли ему сказать вы,

Как вас учили? Раньше ведь, когда

Он власти не имел, а был всего лишь

Незначащим слугою государства,

Он вечно был врагом вам, выступал

Противу вольностей и прав плебейства.

Что, если, мощным консулом, теперь он

Все тот же будет вам заклятый враг?

Тогда ведь станут ваши голоса
Для вас проклятьем. Вы б ему сказали,
Что, поелику подвиги его
Зовут его на консульство, он должен
По-благородному, о голосах
О ваших помня, обратить в любовь
Свою былую злобу.

Сициний

Вас учили
Проверить этим способом его –
И либо вырвать обещанье дружбы,
Либо же вызвать ярость в злой душе,
Что обуздания ни в чем не терпит;
А разъярив, воспользоваться этим
И не избирать.

Брут

Вы ж видите, что он
Открыто насмехается над вами
Теперь, когда имеет в вас нужду, –
А получив над вами полновластье,
Не станет ли презрением давить?

То ль вы трусливы, то ли не способны
Здраворассудно голос подавать.
Не вы ль отказывали прежде многим,
Кто истово просил? А он глумится,
И вы ему даете голоса?

Третий горожанин

Еще избранье не подтверждено.
Еще мы можем отказать.

Второй горожанин

Откажем.
Я наберу отказчиков пятьсот.

Первый горожанин

А я поболе тыщи. И в придачу
Еще друзья их будут.

Брут

Так идите
И растолкуйте всем этим друзьям,
Что новый консул отберет у них
Все вольности и в несвоеголосых
Оборотит собак, которых держат,
Чтоб лаяли, но и за лай же бьют.

Сициний

Пусть соберется люд и, рассудив
По-умному, не подтвердит избранья.
На спесь его сошлитесь, на вражду
К вам застарелую. И упирайте
На то, с каким презреньем он стоял
В смиренной тоге, и с какой насмешкой
Просил о ваших голосах. Но, дескать,
Любя его за подвиги его,
Вы словно бы сквозь пальцы посмотрели
На то, как недостойно он глумился
И тешил злобу старую.

Брут

Вину
На нас, трибунов ваших, возложите:
Мол, мы настаивали на избранье,
Ломая все препоны.

Сициний

Наш приказ
Вас, дескать, обязал, и против воли,

Против желанья, против шерсти вашей
Он избран был. Вините в этом нас.

Брут

Да, не щадите нас. Мол, мы упорно
Твердили вам о том, что он сызмлада
Отчизне служит уж немало лет,
Что он из рода Марциев преславных,
И что Анк Марций был у нас царем,
А Квинт и Публий, из того же рода,
По акведукам воду провели
Чистейшую; другой великий предок
Недаром Цензорином прозван был,
Зане вершителем державных цензов
Он дважды избирался.

Сициний

При таком
Происхожденье, при делах похвальных
На ратном поприще, его сочли мы
Достойным высшей должности и вам
Его хвалили. Но вглядясь и взвеся,

Как он ведет себя, как раньше вел,
Нашли вы, что остался он врагом,
И отменяете поспешный выбор.

Брут

На том настаивайте, что без нас,
Без нашего приказа ни за что бы
Не выбрали его. Народ сплотите –
И все к сенату!

Плебеи

Это мы сейчас.
Почти что все жалеют об избранье.

Уходят.

Брут

Пускай бегут. Откладывать мятеж
Еще рискованней, чем взбунтоваться.
Отказ в избрании, само собой,
Разбесит Марция. На том сыграем.
Следи за ним и спуску не давай.

Сициний

Идем к сенату. Мы опередим

Толпу, и выйдет так, что люди сами,
По своему почину поднялись.
Отчасти это правда. Только мы
Их подхлестнули.

Уходят.

Акт III
Сцена 1

Улица в Риме. Звучат рожки. Входят ***Кориолан, Менений с патрициями, Коминий, Тит Ларций и другие сенаторы****.*

Кориолан

Так, значит, подкрепление собрал
Авфидий?

Тит Ларций

Да, и этим был ускорен
Наш мирный с ними договор.

Кориолан

Выходит,
Что вольски, как и ранее, грозят
При случае ворваться в наши земли.

Коминий

Нет, консул, истомила их война,
И вряд ли стяги ратные всколышут
Еще хоть раз на нашем на веку.

Кориолан
(*Титу*)

Авфидия ты видел?

Тит Ларций

Он явился
Под грамотой охранной. Клял своих
За то, что так постыдно сдали город.
Он в Анциуме ныне.

Кориолан

Обо мне
Упоминал он?

Тит Ларций

Да.

Кориолан

И что сказал он?

Тит Ларций

Что столько раз уже мечом к мечу
С тобой сходился, и что ненавидит
Тебя лютей всего на всей земле;
Что за победу над тобой готов

С фортуной распроститься.

Кориолан

В Анциуме
Живет он?

Тит Ларций

В Анциуме.

Кориолан

Жаль, что нету
Мне повода туда прийти к нему
И с ненавистником моим додраться. –
Что ж, с возвращением тебя!

Входят ***Сициний и Брут****.*

А, вот они,
Невыносимо-чванные трибуны,
Два подлых языка в народном рту.

Сициний

Ни шагу дальше!

Кориолан

Это почему же?

Брут

Тебе туда опасно. Не ходи.

Кориолан

Да что за перемена?

Менений

Что такое?

Коминий

Он избран ведь и знатью, и народом.

Брут

О нет.

Кориолан

А чьи ж то были голоса?
Несмысленных детей?

Первый сенатор

Дорогу дайте,
Трибуны. Площадь ждет его.

Брут

Народ
Разгневан на него.

Сициний

Остановитесь,

Иль мятежом все вспыхнет.

Кориолан

Вот оно,

Вот ваше стадо. Разве можно их

К выборам допускать? Отдали голос –

И тут же цап назад. А где же вы?

Раз управляете плебейским ртом,

Что ж не присмотрите, чтоб не кусался?

Иль сами их науськали?

Менений

Спокойно,

Не горячись.

Кориолан

Ведь это заговор,

Чтобы сломить патрициата волю.

Спусти им это – и живи потом

С такими, что ни править не способны,

Ни подчиняться.

Брут

Заговор при чем тут?
Народ шумит, насмешкой оскорблен
Твоею; и жалел ты, что зерно
Ему бесплатно роздали; бранил ты
Заступников народа, обзывал
Льстецами флюгерящими, врагами
Патрициев.

Кориолан

Давно известно это.

Брут

Но многие не знали.

Кориолан

Значит, ты
Их просветил?

Брут

Я? Я тут ни при чем.

Кориолан

Ты просвещать мастак.

Брут

Да уж не хуже

Тебя в делах общественных.

Кориолан

Зачем
Тогда на консульство меня? В трибуны
Бери меня, в напарники себе,
Раз я настолько мелок.

Сициний

Слишком много
В тебе сквозит того, что невтерпеж
Народу. Если хочешь ты до цели
Дойти, то поучтивее проси,
Чтобы тебя на правый путь вернули.
Иначе не бывать тебе вовек
Ни консулом, ни – в паре с ним – трибуном.

Менений

Спокойствие, спокойствие.

Коминий

Народ
Обманут, с толку сбит. Вилянья эти
Римлянам не к лицу; Кориолан

Не заслужил таких препон позорных
На славном и прямом своем пути.

Кориолан

Зерно припомнили! Да, возражал я
И снова повторю…

Менений

Потом, потом.

Первый сенатор

Не сгоряча, не срыву, не сейчас.

Кориолан

Нет, именно сейчас. Прощу прощенья
У благороднейших моих друзей,
Но смрадной, переменчивой толпе
Я не намерен льстить. Пусть ясно видят,
Кто они есть. И повторю опять, –
От потаканья возрастает наглость,
Растет мятеж – и эти сорняки
Мы сами сеем, сами взрыхля почву,
Поскольку допускаем эту чернь
Меж нас, высокочтимого сословья,

Имеющего мужество и власть,
Да только отдающего ее
В добычу голи.

Менений

Ни словечка больше.

Первый сенатор

Ни слова, умоляем.

Кориолан

Что? Ни слова?
Я не страшился вражьих сил в бою,
И раньше лопнет грудь, чем перестану
Разить словами эту злую сыпь,
Что, как проказа, испятнала нас
По нашему прямому попущенью.

Брут

Ты о народе судишь, точно ты
Господь карающий, а не такой же
Со слабостями человек.

Сициний

Доложим

О том народу.

Менений

Да о чем? Нельзя
Погорячиться уж?

Кориолан

Погорячиться?
Будь я спокоен, как полночный сон,
Клянусь, я б высказался в том же духе.

Сициний

Придется обуздать зловредный дух.
Мы ходу не дадим ему.

Кориолан

Слыхали?
«Мы не дадим»! Сам пескариный бог
Распорядился!

Коминий

Это против правил.

Кориолан

«Мы не дадим»! Патриции честные!
Почтенные сенаторы! Зачем

Беспечно так, опасно, безрассудно
Позволили вы многоглавой гидре
Вот этой глоткою обзавестись,
Трубящей: «Не дадим!»? Ведь он намерен
Потоком вашей воли овладеть,
Пустив к себе в канаву. Если власть
Уже в его руках, склонитесь головою
Немудрою, а если нет, очнитесь
От гиблой мягкодухости своей.
Учены вы – ведите же себя
Не как безмозглые простолюдины;
А если нет науки вам, то их
Сажайте на подушки, с вами рядом.
Тогда они – сенаторы, а вы –
Плебеи, ибо вашим голосам
Не верховодить в этом общем хоре.
Позволили им выбрать вот таких,
Рычащих «Не дадим!» в лицо сенату.
Сан консула унижен, и душа
Болит, когда подумаю, что стоит
Возникнуть уравненным двум вла-

стям,

И тут же смута шасть в прогал меж ними,

Чтоб власть одну другою подкосить.

Коминий

Идемте же на площадь.

Кориолан

А зерно

Кто присоветовал раздать бесплатно,

Как повелось у греков…

Менений

Все, конец,

Молчи.

Кориолан

…хваливших народовластьем,

Тот – утверждаю я – вскормил мятеж,

Приуготовил гибель государства.

Брут

И вот такому должен отдавать

Народ свой голос?

Кориолан

Мой резон весомей,
Чем этот голос. Знает ведь народ,
Что он зерна ничем не заработал.
Его не выгнать было на войну,
Хотя враги шли к сердцу государства.
За это, что ли, награждать зерном?
Или за то, что рьяней бунтовали,
Чем воевали? Знали ведь и то,
Что обвиненья их против сената
Не стоят выеденного яйца.
Что ж остается? Как истолковать
Могли они бесплатную раздачу?
А так: «Нас больше; потому сенат
И уступил, что нас он испугался».
Вот и унижено значенье власти,
И чернь заботу нашу поняла
Как проявленье страха, и затворы
Сената рушатся. Того гляди,
Ворвется многобрюхое отребье,
Вороны заклюют орлов.

Менений

Довольно.

Брут

Да, предостаточно.

Кориолан

Нет, получай
Всю правду до последнего. Клянусь
Вселенной, это раздвоенье власти
Державной, когда часть ее одна
По праву презирает часть другую,
А та умеет только оскорблять
Без права и причин; когда ни родовитость,
Ни мудрость не решают ничего
Без одобренья слепоумной черни, –
Это уводит от насущных нужд
К пустяшностям. Раз толку не добиться,
Все делается без толку. – Молю
И заклинаю вас, кто хочет жить
Не по указке страха, а разумно;
Кто охранить готов устои Рима
Посредством перемен; кому милей

Достоинство, чем долгопрозябанье;
Кто смело крайнее применит средство,
Когда иначе Риму смерть. Молю
Немедля вырвать у толпы язык,
Чтоб не лизала сладкую отраву.
Ваше уничиженье вас калечит,
У Рима отнимает здравый ум
И цельность власти. Нами правит зло
И не дает вершить добро.

Брут

Довольно.

Сициний

Изменническая была то речь,
И как изменник должен он ответить.

Кориолан

Да захлебнись ты срамом, негодяй!
На кой ляд эти лысые трибуны
Народу? Ведь от них и началось
К сенату небреженье. Выбирали
Во время бунта их, когда законом

Насилье стало. Но теперь пора
Закон дать настоящий, а засилье
Трибунское пресечь раз навсегда!

Брут

Измена явная!

Сициний

И это – консул?
Ну нет.

Брут

Эй, где эдилы!

Входит ***эдил****.*

Взять его!

Сициний

Зови народ.

Эдил уходит.

От имени народа
Велю тебе, республики врагу,
Зачинщику изменнических новшеств,
За мной идти к ответу.

Кориолан

Прочь, козел
Облезлый!

Патриции

Мы порукой за него.

Коминий

Руками не хватай его, почтенный.

Кориолан

Прочь, гнилизна, покуда из тебя
Не вытряс кости.

Сициний

Граждане, на помощь!

Входят ***эдилы*** *с шумной толпой плебеев.*

Менений

Учтивей – обе стороны!

Сициний

Вот он,
Замысливший отнять всю вашу власть.

Брут

Эдилы, взять его!

Плебеи

Долой его!

Долой!

Второй сенатор

Обороняй, обороняй!

Столпотворение вокруг Кориолана.

Общий крик

Патриции! – Трибуны! – Горожане! –

Что ж ты, Сициний! – Брут! – Кориолан! –

Утихомирьтесь, граждане! – Уймитесь!

Менений

Да что ж то будет?.. Захватило дух…

Погибель Риму… Дайте отдышаться…

Трибуны, вас прошу! – Кориолан,

Спокойствие! – Уйми народ, Сициний.

Сициний

Тихо, народ! Слушай меня, народ!

Плебеи

Послушаем трибуна. Тише, тише.

Сициний

Все ваши вольности на волоске.
Их отнимает Марций. Тот, кого
Вы в консулы избрали.

Менений

Что ты, что ты!
Так не уймешь, а пуще разожжешь.

Первый сенатор

Разрушишь весь наш Рим до основанья.

Сициний

Но Рим – не что иное как народ.

Плебеи

Да, город – это мы, народ.

Брут

От имени народа суд вершить
Поставлены мы с общего согласья.

Плебеи

Так оно есть!

Менений

И так оно и будет.

Коминий

Шумите вы, толкаете народ
Сровнять с землею Рим, обрушив кров-
лю
И в общей куче щебня погребя
Все, четко разграниченное прежде.

Сициний

Цена измене – смерть.

Брут

Нам власть дана
Иль не дана? Мы именем народа,
Избравшего нас, приговор выносим –
И осуждаем Марция на казнь
Незамедлительную.

Сициний

Взять его
И, на Тарпейскую скалу доставив,
Оттуда сбросить.

Брут

Взять его, эдилы.

Плебеи

Сдавайся, Марций!

Менений

Дайте мне сказать.
Трибуны, дайте мне словечко молвить,
Одно словечко.

Эдилы

Тихо! Тишина!

Менений
(*Бруту*)

На деле будь отчизне другом ты
И действуй рассудительно, степенно,
Без пылу ярого.

Брут

Когда болезнь
Пылает в теле, эти проволочки,
На вид разумные, вреднее яда.
Хватай его – и на Скалу!

Кориолан

(*обнажая меч*)

Ну нет.
Умру на месте. Кое-кто из вас
Меня видал в бою. Что ж, испытайте,
Каков я, на самих себе.

Менений

Меч в ножны!
Трибуны, отойдите!

Брут

Взять его!

Менений

На помощь Марцию! Кто благороден,
Вставай на оборону, стар и млад!

Плебеи

Долой! Бей его!

Общая схватка. Трибунов, эдилов и толпу вытесняют прочь со сцены.

Менений
(*Кориолану*)

Иди к себе домой. Уйди отсюда,

Иль рухнет все.

Второй сенатор

Уйди.

Кориолан

Стоять бодрей!
У нас друзей не меньше, чем врагов.

Менений

Резни ты захотел?

Первый сенатор

Избави боги!
Друг доблестный, прошу – уйди домой.
Дай нам уладить.

Менений

Эту нашу язву
Сам не излечишь ты. Уйди, прошу.

Коминий

Пойдем же вместе.

Кориолан

О, как разделался бы с ними я,
Будь они варвары. Да нет, они

Не римляне, а варвары, хоть в Риме
Щенились ими, хоть телились ими
Под сенью Капитолия…

Менений

Иди ж
И заглуши свой справедливый гнев
До лучшей до поры.

Кориолан

На ровном поле
Я вымолотил бы полсотни их.

Менений

Да я и сам бы парочку разделал
Отборную – да, да, трибунов этих.

Коминий

Но подавляют нас они числом, –
А под стеной валящейся стоять
Было бы дуростью, а не отвагой.
Иди ж, покуда не вернулся люд,
Перегороженной реке подобясь
И прежний берег в ярости круша.

Менений

Прошу, иди. А я тут потягаюсь
Моим умишком старым с теми, кто
И вовсе без ума. Заплату надо
Любого цвета ставить поскорей.

Коминий

Пойдем.

Кориолан, Коминий и другие уходят.

Патриций

Он погубил свою судьбу.

Менений

Для мира для сего
Он слишком благороден; даже богу
Не льстил бы он, хоть соблазняй его
Нептун трезубцем, а Юпитер – властью
Метать грома. Что у него на сердце,
То и на языке. Когда же им
Овладевает гнев, то нипочем
И смерть сама.

(*За сценой шум.*)

Ох, и разбунтовались!

Патриций

Хоть бы сморил их сон!

Менений

Хоть потопили б
Их воды Тибра! Вот еще напасть!
Не мог он с ними поучтивей, что ли?

Возвращается толпа во главе ***с Брутом и Сицинием****.*

Сициний

Где этот гад, что обезлюдеть Рим
Задумал, чтобы самому царить здесь?

Менений

Достойные трибуны!..

Сициний

Со скалы
Тарпейской будет сброшен он руками
Железными. Закону оказав
Сопротивленье, он себя лишил
Права на суд. Применена к нему

Суровость будет вся народной власти,
Которую он ставит ни во что.

Первый горожанин

Поймет он, что почтенные трибуны –
Уста народа, а мы – руки их.

Все

Поймет, и еще как!

Менений

Послушайте…

Сициний

Довольно!

Менений

Здесь умеренность нужна,
А не смертоубийство.

Сициний

Ты зачем
Помог ему отбиться?

Менений

Дайте молвить.
Не только лишь достоинства я знаю,

Но знаю я и консула грехи…

Сициний

Какого консула?

Менений

Кориолана.

Брут

Он – консул?

Все плебеи

Нет, нет, нет, нет!

Менений

С позволенья
Трибунов и почтенного народа
Скажу словечко-два; не отыму
Я ничего – лишь времени немного.

Сициний

Ну говори, но кратко. Решено
Покончить с этим вредоносным гадом.
Изгнаньем ограничиться опасно.
Оставить его здесь – погибель всем.
А посему казним его сегодня.

Менений

Упаси боги, чтобы славный Рим,
Чья благодарность доблестным сынам
Записана в Юпитеровой книге,
Стал пожирать, как вырожденка-мать,
Своих детей!

Сициний

Он – лютая гангрена.
Отсечь ее!

Менений

Он – не сама болезнь,
А тела член, затронутый болезнью.
Отсечь его – и тело все умрет.
А излечить нетрудно. В чем повинен
Пред Римом он, что должен умереть?
Он за отчизну отдал больше крови,
Чем ныне в нем течет. Пролив остаток,
Позором все покроемся навек –
Убийцы и свидетели убийства.

Сициний

Все вверх ногами.

Брут

Чушь и вздор. Покуда
Любил он Рим, была ему и честь.

Сициний

Когда ступня поражена гангреной,
Заслуги прежние ноги не в счет.

Брут

Довольно! К дому поспешим – и схватим
Изменника, пока не заразил
Других.

Менений

Еще словечко лишь одно.
Когда поймем весь вред бездумной спешки
И тигроногой ярости подвяжем
Свинцовые подошвы, – о, тогда
Уж будет поздно. Надо по закону,
Судом судить. Иначе неизбежно

Междоусобье, и великий Рим
Разграблен будет римлянами.

Брут

Если
Уж так…

Сициний

Да что тут толковать! Видали
Уже, как законопослушен он.
Эдилов бил! Сопротивлялся нам!
Пойдемте!

Менений

Но ведь он войной воспитан
Измлада; тяжела его рука,
Несеяная речь его груба,
Мука в ней с отрубями вперемешку.
Позвольте мне, я сам пойду к нему
И мирно приведу его на суд,
К ответу по всей строгости закона.

Первый сенатор

Почтенные трибуны, так вернее
И человечнее. А путь другой –

Кровав; куда ведет он, неизвестно.

Сициний

Добро же, благородный наш Менений,
Народу послужи. Сограждане,
Оружия пока в ход не пускайте.

Брут

Но по домам не расходиться!

Сициний

Ждем
На площади тебя. Если туда
Ты не доставишь Марция, вернемся
На прежний путь.

Менений

Да нет же, приведу.

(*Сенаторам.*)

И вы со мной, пожалуйста. Он должен
Пойти, во избежание беды.

Первый сенатор

Идемте вместе.

Уходят.

Сцена 2

В доме Кориолана. Входят ***Кориолан и патриции****.*

Кориолан

Обрушат на меня пусть что хотят:
Пусть колесуют, бросят под копыта
Диких коней, друг на друга взмостят
Десяток Скал, чтоб, сброшенный оттуда,
Я сделался невиден глазу прежде,
Чем шмякнуся внизу, – а все равно
Кривить душой не буду перед ними.

Патриций

Тем благородней…

Кориолан

Странно мне, что мать
Меня не одобряет, хоть сама же
Их грубошерстными зовет рабами,
К тому лишь предназначенными, чтоб

На грош продать, на грош купить; в собраньях
Позевывать, сняв шапки, молча пялясь,
Когда наш брат встает и говорит
О мире, о войне.

Входит ***Волумния****.*

Легка ты на помине.
Зачем тебе, чтоб умягчился я?
Желаешь в криводушной роли видеть?
Позволь мне самого себя играть.

Волумния

О консул, консул, консул мой! Тебя
Желаю видеть облаченным властью.
Едва надев, не потеряй ее!

Кориолан

А, пусть…

Волумния

Собой ты был бы и тогда,
Когда бы не играл себя так яро
И не распахивался перед ними,
На консульстве еще не утвердясь.

Кориолан

Будь прокляты они!

Волумния

Дважды и трижды!

Входят ***Менений и сенаторы****.*

Менений

Нет, нет, ты грубо с ними, слишком грубо.

Вернись, поправь.

Первый сенатор

Другого средства нет.

Иначе славный Рим наш, расколовшись,

Погибнет.

Волумния

Не упрямься, согласись.

Я сердцем непоклонна, как и ты,

Но разумом унять умею сердце,

Когда сердиться – хуже.

Менений

Золотые

Слова, достойнейшая госпожа.
Держава наша в лютой лихоманке,
И нет иных лекарств, а то бы я
Отяжелелые надел доспехи,
Но не дал бы унизиться ему
Пред этим стадом.

Кориолан

Что я должен сделать?

Менений

Пойти к трибунам.

Кориолан

Так. И что затем?

Менений

Сказать, что сожалеешь.

Кориолан

Извиняться?
Просить прощенья у самих богов
Я бы не смог.

Волумния

Ты слишком непреклонен.

Хоть благородно это, но сейчас
Мы в крайности. Ты, помню, говорил мне,
Что на войне по-братски неразлучны
Отвага и лукавство. Если так,
То почему им надо разлучаться
После войны?

Кориолан

Ну вот еще!

Менений

А что? Вопрос
Уместен.

Волумния

Если на войне лукавишь –
И не роняешь чести, прибегая
К политике такой, то почему
Ты не прибегнешь к ней теперь, когда
Она не менее необходима?

Кориолан

Не надо принуждать меня.

Волумния

Нет, надо, –
К народу должен обратиться ты,
И не по-своему, с подсказки сердца,
А с речью подфальшивленно-чужой.
И это честь твою не замарает
Нисколько – ведь похвально город взять
Посредством мягких слов, когда иначе
Грозит крушенье и большая кровь.
Душой кривить я бы не погнушалась,
Когда судьба моя, моих друзей
Висела бы на волоске, взывая
Ко мне, чтоб я исполнила свой долг.
Я говорю от имени твоей
Жены и сына, знати и сената.

(*Указывая на сенаторов.*)

Но ты скорей все погубить готов
Своею хмурью, чем подачку бросить
Корявой черни, заработав лаской
Ее любовь.

Менений

О госпожа моя

Достойнейшая! – Ну пойдем, пойдем же.

Умаслишь их. Учтивыми словами

Рассеешь тучи, прежнее вернешь.

Волумния

Прошу тебя, мой сын, иди туда

С поклонной, обнаженной головою.

Вот так, сняв шлем, ты руку с ним отставь.

Вот так булыжны камни лобызни

Коленом – ибо действие важнее,

Чем красноречие: глаза толпы

Понятливей, чем уши. Пересилив

Упорство сердца, голову склони

Пред ними ягодою перезрелой,

Упасть готовой от прикосновенья.

Скажи, что ты солдат, возрос в боях

И ласковой повадке не обучен,

Которой они вправе были ждать;

Но впредь им посвятишь всего себя,

И дружескому с ними обращенью

Отдашь все силы, мол.

Менений

Да, да, вот так,
Как мать велит, ты действуй, и сердца
Их завоюешь, – эти пустоболты
Прощать охочи, только повинись.

Волумния

Иди же, ну пожалуйста, – хоть знаю,
Что легче бы нырнуть в огневорот
Тебе в погоне за врагом, чем лестью
Купить прохладу рая.

Входит ***Коминий****.*

К нам идет Коминий.

Коминий

Я с площади. Все в гневе, все бурлит.
И либо крупной силой защитись,
Либо разумным словом, либо бегством.

Менений

Покорные слова спасут его.

Коминий

Да, если сможет он произнести их.

Волумния

Должен – и сможет. Ну прошу тебя,
Скажи, что соглашаешься. Иди же.

Кориолан

Простоволоситься пред ними? Лгать,
Принудив сердце честное к молчанью?
Что ж, так и быть. Но если б дело шло
Лишь обо мне, о Марции, о теле
Вот этом, то его бы прежде в пыль
Я дал стереть и по ветру развеять.
Идем на площадь! Но такую роль
Я убедительно сыграть не в силах.

Коминий

Мы подсуфлируем.

Волумния

Прошу тебя,
Мой милый сын, иди. Сам говорил ты,
Что воином соделали тебя

Мои хвалы. Исполни же и эту
Тобой еще не игранную роль –
И восхвалю тебя.

Кориолан

Идти придется…
Прощай, высокий дух! Войди в меня,
Дух потаскухи! Воинский мой голос,
В боях гремевший барабану в лад,
Стань тонок, как у евнуха, пискляв,
Как у девчонки, нянькающей куклу!
К лицу приклейся, лживая улыбка!
Слеза соплячья, замути глаза!
Язык, стань попрошайкой, а колено,
Сгибавшееся, только вознося
Броней окованную ногу в стремя,
Согнись, как гнутся нищие колени,
Благодаря за милостыню… Нет,
Я не могу. Иначе перестану
В себе чтить правду, заражу себя
Неизлечимой подлостью.

Волумния

Изволь,

Делай как знаешь. У тебя мне клянчить

Куда постыдней, чем тебе у них.

Погибни всё! Берет пусть надо мною

Твоя гордыня верх. Уж лучше смерть,

Чем жизнь под гнетом твоего упрямства.

Мне гибель не страшнее, чем тебе.

Всосал ты храбрость с молоком моим;

Но не от матери твоя гордыня.

Кориолан

Ну не сердись и не брани меня.

Иду на площадь. Выжулю сердца их,

Вышарлатаню – и приду домой

Любимцем всех ремесленников Рима.

Поклон жене. Ты видишь – я иду.

И консулом вернусь, или уж вовсе

Льстец из меня худой.

Волумния

Делай как знаешь.

Уходит.

Коминий

Идем! Трибуны ждут. Вооружись
Невозмутимой мягкостью – у них
Готовы, как я слышал, обвиненья
Еще увесистей.

Кориолан

Пароль мой – мягкость.
Идем же. Я на выдумки на все
Отвечу им по чести.

Менений

Но помягче.

Кориолан

Что ж, буду мягок. Мягкостью возьму!

Уходят.

Сцена 3

Римский форум. Входят ***Сициний и Брут****.*

Брут

Ты налегай на то, что метит он
В тираны, в деспоты. А отопрется,
Так во вражде к народу обвини
И в том, что анциатские трофеи
Не розданы еще до сей поры.

Входит ***эдил****.*

Ну что, придет он?

Эдил

Да уже идет.

Брут

А с кем идет?

Эдил

При нем Менений старый
И те сенаторы, что за него
Всегда горой.

Сициний

А список голосов,
Добытых нами, у тебя составлен?

Эдил

Составлен.

Сициний

Как положено, по трибам?

Эдил

Да.

Сициний

Собери сюда скорей народ.
Когда я возглашу: «Да будет так
В силу закона, именем народа!»,
Пускай поддержат, будь то пеня, казнь
Или изгнанье. Если крикну: «Пеня!» –
Кричите: «Пеня!». Если «Смерть!» – то «Смерть!»,
Настаивая на старинном праве
И правде нашей.

Эдил

Передам им все.

Брут

И, закричав, пускай не умолкают,
Шумят пускай, пока не настоят
На исполненье тут же приговора.

Эдил

Понятно.

Сициний

Пусть свою покажут силу
По знаку нашему.

Брут

Ступай же к ним.

Эдил уходит.

Ты сразу разозли его. Привык он
Всегда брать верх и отвечать сполна
Противнику. Когда же разозлится,
Унять себя не может, говорит
Все, что на сердце, – и на этом сломит
Теперь себе он шею.

Входят ***Кориолан, Менений, Коминий и другие****.*

Сициний

Вот и он.

Менений

Прошу тебя, спокойней, терпеливей.

Кориолан

Как конюх постоялого двора,
Что за монетку терпеливо сносит
Ругательства проезжих. – Сохрани
Державу нашу боги! Дай нам боги
Праведных судей! Посели любовь
Меж нами! И не улицы войной,
А храмы наши мирною молитвой
Пусть полнятся!

Первый сенатор

Аминь, аминь.

Менений

Желанье
Достойное.

Входят ***эдил и плебеи****.*

Сициний

Поближе, земляки!

Эдил

Трибунам слово. Слушайте! Вниманье!

Кориолан

Позвольте мне.

Оба трибуна

Ну говори. – Эй, тише!

Кориолан

Все ль обвинения услышу здесь?
И все ли здесь решится?

Сициний

Ты ответь нам,
Согласен ли народу подчиниться,
И слуг его признать, и понести
Законом установленную кару
За то, в чем будешь уличен?

Кориолан

Согласен.

Менений

Сограждане, вы слышите – согласен.
Подумайте о подвигах его,
О том, что его тело в шрамах сплошь,
Словно святое кладбище в могилах.

Кориолан

Э, курам на смех шрамики мои,
Царапины.

Менений

И если не найдете
Гражданственной учтивости в речах,
То просто потому, что он солдат –
И груб, как полагается солдату,
А не по злобе.

Коминий

Ну да ладно уж.

Кориолан

В чем дело? Избранный единодушно,
Я тут же опозорен. Почему
Лишен я консульства?

Сициний

Не спрашивать тебе,
А отвечать.

Кориолан

Да, это так. Согласен.

Сициний

Ты обвиняешься в том, что замыслил
Законную разрушить в Риме власть
И нам тиранство навязать свое –
И потому изменник ты народу.

Кориолан

Как? Я – изменник?

Менений

Ты ведь обещал.
Спокойнее…

Кориолан

Сгори он в преисподней,
Народ этот! – Назвать ты смел меня
Изменником народу! Будь во взгляде
Твоем зловредном тысяча смертей
И миллион смертей в твоих ручонках,
И столько же гнездись в поганом рту,
Я б и тогда сказал тебе: «Ты лжешь!» –
Неколебимо, как молюсь я небу.

Сициний

Народ, ты слышишь?

Плебеи

На Скалу его!

Сициний

Вниманье! Нам не надо обвинений
Добавочных. Достаточно того,
Что видели и слышали уже вы.
Бил слуг народа он, вас проклинал,
Противился закону грубой силой
И нас, поставленных его судить,
Здесь оскорбил. По тяжести вины
Заслуживает это высшей меры.

Брут

Но поелику перед Римом есть
Заслуги у него…

Кориолан

Ты о заслугах
Смеешь болтать?

Брут

Толкую я о том,
В чем знаю толк.

Кориолан

Ты в этом знаешь толк?

Менений

Но матушке своей ты обещал ведь!..

Коминий

Прошу тебя, отдай себе отчет…

Кориолан

Все. Никаких отчетов. Пусть меня
Швыряют со Скалы, скитаться гонят,
Кожу сдирают, голодом морят,
Зернинку в день исчахшему давая, –
Я милости не стану покупать
У них хотя б одним приветным словом;
Хотя бы требовалось лишь промолвить
«День добрый!» – не дождутся и того.

Сициний

Зане он злобствовал против народа,
И то и дело силился отнять
Власть у народа, и теперь дошел

До оскорблений правосудию,
До избиенья даже слуг закона, –
Данной нам властью, именем народа
Его мы изгоняем сей же час
Из Рима навсегда и невозвратно,
Под страхом низвержения с крутизн
Скалы Тарпейской. Именем народа
Да будет так.

Плебеи

Да будет так! Да будет так!
Изгнать его! Изгнать! Да будет так!

Коминий

Послушайте, сограждане, друзья…

Сициний

Нет. Приговор объявлен.

Коминий

Дайте молвить.
Служил я Риму консулом. На мне
Следы мечей врага. И благо Рима
Роднее мне, святее и дороже,
Чем жизнь моя, жены, детей моих.

И если я скажу…

Сициний

Что скажешь, знаем.

Брут

Все сказано уже. Как враг народа
И Родины, он изгнан вон. Да будет
Так.

Плебеи

Вон! Да будет так! Да будет так!

Кориолан

Вы, свора псиная! Дыханье ваше,
Как вонь гнилых болот. Любовь мне ваша,
Как тяжкий смрад непогребенных тел.
Я изгоняю вас прочь от себя!
Здесь оставайтесь в вечном ненадежье.
Слушок пусть каждый вас кидает в дрожь!
Пусть каждый взмах пера на вражьем шлеме
Отчаяньем опахивает вас!

Вы себялюбьем вашим туполобым
Самим себе вредите. Разуметь
Способны, только ощутив на шкуре.
И впредь своих защитников гоните,
Покуда не окажетесь в рабах
Униженнейших и без боя взятых.
Я из-за вас и город презираю –
И поворачиваюсь к вам спиной.
Нет, не сошелся клином свет на Риме.

Кориолан, Коминий, Менений и другие сенаторы уходят.

Эдил

Он изгнан, изгнан, враг народа изгнан.

Все

Ура! Изгнали нашего врага!

(*Кричат, кидают шапки вверх.*)

Ура!

Сициний

Идите вслед за ним до городских
Ворот, его презреньем обливая,
Как он вас. Расплатитесь с ним. А нас

Вооруженная охрана пусть
Сопровождает в городе.

Все

Идемте. Выпроводим супостата вон!
Идемте. Слава доблестным трибунам!

Уходят.

Акт IV
Сцена 1

У римских городских ворот. Входят ***Кориолан, Волумния, Виргилия, Менений, Коминий*** *в сопровождении молодых патрициев.*

Кориолан

Не плачьте же. Затягивать не будем
Прощания. Многоголовый зверь
Меня из Рима выбодал. Ну, мама,
Где же былая стойкость? Ведь не раз
Ты говорила, что година бедствий
Проверкой духа служит; что любой
Простец не дрогнет под простым щелчком
Судьбы; что по спокойной глади моря
Любая лодка гоголем плывет;
Но что непросто сохранить достойность,
Когда удар жестокий нанесен.
Своими наставленьями всегда

Вселяла ты в меня несокрушимость.

Виргилия

О боги, боги!..

Кориолан

Ну, не надо, женка...

Волумния

Багряная их задави чума,
Торговцев и ремесленников римских!

Кориолан

Да не горюй! Они меня тут в Риме
Полюбят, когда хватятся меня.
Ты пробуди в себе геройский дух,
Ты вспомни, мама, как ты говорила:
«Будь Геркулесу я женой, сама
Я половину подвигов его бы
Свершила, – меньше пролил бы потов».
Прощай же и не унывай, Коминий.
Жена и мать, прощайте. Я еще
Воспряну. Старый, верный мой Менений,
Слеза разъест тебе глаза – она

Посолоней, чем слезы молодежи.
Коминий, мой недавний предводитель,
Суров ты, виды видывал войны.
Скажи ты этим женщинам скорбящим,
Что неразумен плач над неизбежным,
Как неразумен смех.

(*Матери.*)

Когда в боях
Я жизнью рисковал, гордилась ты
И радовалась. Удаляюсь ныне,
Подобно одинокому дракону,
Что страшен и в болотном далеке.
Верь, если не падет от подлых козней,
То отличится заново твой сын.

Волумния

Куда же, мой родимый, ты пойдешь?
Возьми с собой Коминия на время.
Ведь лучше вместе выбрать верный путь,
Чем наудачу подставлять себя
Любой угрозе встречной.

Кориолан

Видят боги…

Коминий

С тобой побуду месяц. Подберем
Укрытие, откуда подавать
И слышать вести сможешь, чтоб вернуться
При первой же возможности, – чтоб мы
Тебя в огромном мире не искали,
Не упустили случая.

Кориолан

Прощайте.
Слишком тяжел твой груз годов и войн,
Чтобы мытариться со мной по свету.
Лишь за ворота проводи меня.
Пойдемте, милые жена и мама
И благородные мои друзья, –
И улыбнитесь мне, со мной прощаясь.
Пока дышу, лететь к вам будет весть
Победная, все та же, что и прежде.

Менений

Достойно сказано. Ну, хватит плакать.

Стряхнуть бы мне лет семь со старых плеч,

Я б пошагал с тобой, клянусь богами!

Кориолан

Дай руку мне пожать твою. Идемте.

Уходят.

Сцена 2

Улица в Риме. Входят ***трибуны Сициний и Брут****, и с ними* ***эдил****.*

Сициний

Вели им разойтись. Того довольно,

Что изгнан он. И так раздражены

Патриции; они все за него ведь.

Брут

Теперь мы, показавши нашу власть,

Смиренный примем вид.

Сициний

Вели народу,
Пусть по домам идут. Скажи, что изгнан
Главнейшей враг их, и былая мощь
Их восстановлена.

Брут

Всем по домам!

Эдил уходит.

Вон мать его.

Сициний

Скорей в сторонку.

Брут

Это
Зачем?

Сициний

Я слышал, вне себя она.

Входят ***Волумния, Виргилия и Менений****.*

Брут

Заметили нас. Укрываться поздно.

Волумния

А-а, доброхоты! Награди вас боги
Всеми дарами язвы моровой!

Менений

Ну, успокойся. Не кричи. Потише.

Волумния

Мешают слезы, а не то б я вам
Сказала… Но и так скажу.

(*Бруту.*)

Куда ты?

Виргилия
(*Сицинию*)

И ты не уходи. Ох, если б я
Могла так мужа удержать.

Сициний

Стыдитесь!
Мужского, что ли, рода вы?

Волумния

И что же
Постыдного в том видишь ты, дурак?

Мы рода человечьего. Отец мой
Мужчиной был и человеком был.
А у тебя хватило лисьей злобы
Изгнать того, кто, защищая Рим,
Нанес ударов больше, чем ты слов
Пролепетал?..

Сициний

О небеса благие!

Волумния

Ударов больше доблестных, чем ты
Сказал за всю жизнишку слов не глупых,
Не вредоносных? Слушай же… Но нет,
Прочь уходи… Нет, погоди. Хотела б
Я, чтобы сын в пустыне аравийской
С мечом в руке удалым повстречал
Тебя и племя все твое.

Сициний

И что?

Виргилия

Да то, что вырубил бы вас под корень.

Волумния

До байстрюка последнего. О, сколько
Родной мой принял ран за отчий край!

Менений

Ну, успокойся же.

Сициний

Как я желал бы,
Чтоб доблестно служить он продолжал,
А не порвал своей рукой все узы
Любви и благодарности.

Брут

И я б
Того желал.

Волумния

Желали бы? Вы сами
Плебеев натравили на него.
О доблестях его судить ли вам,
Поганым кошкам? Смыслите вы в этом,
Как я в небесных тайнах, для земли

Запретных.

Брут

Мы уходим.

Волумния

Да идите
Вы с глаз моих! Вы славно потрудились.
Но зарубите на носу своем:
Насколько римский Капитолий выше
Паршивой хижины, настолько мой
Сын – муж ее вот, римлянки вот этой –
Выше всех вас, его изгнавших.

Брут

Пусть.
Прощайте.

Сициний

Хватит подставлять себя
Укусам спятившей.

Трибуны уходят.

Волумния

Мои проклятья
С собой возьмите. Поскорей бы небо
Исполнило их! Если бы на дню
Хоть раз встречались мне мерзавцы эти,
Я отводила сердце бы на них.

Менений

Отделала ты их – и по заслугам.
Прошу пожаловать ко мне поесть.

Волумния

Гнев – моя снедь. И он меня снедает,
И скоро без остатка съест.

(*Виргилии.*)

Идем.
Не хнычь ты квёло; голоси, как я, –
Разгневанной богинею Юноной.
Идем, идем, идем же.

Менений

Охо-хо!

Уходят.

Сцена 3

Дорога из Рима в Анциум. Входят ***римлянин и вольск*** *навстречу друг другу.*

Римлянин. Я знаю тебя хорошо, друг, а ты знаешь меня. Звать тебя Адрианом, не так ли?

Вольск. Так. Но, признаться, я тебя не помню.

Римлянин. Я римлянин; а служу, как и ты, неприятелям Рима. Вспомнил меня теперь?

Вольск. Неужто Никанор?

Римлянин. Он самый.

Вольск. В тот раз ты был бородатей; но узнаю тебя по голосу и речи. Что нового в Риме? У меня приказ от властей наших вольских разыскать тебя там. А теперь мне и ходить не надо — сбережен день пути.

Римлянин. В Риме смута была: народ бунтовал против сенаторов, патрициата, знати.

Вольск. Была? И, значит, кончилась? А наши власти думают, что нет. Они рьяно готовят войну, хотят нагрянуть в самый разгар междоусобицы.

Римлянин. Разгар-то кончился, но огню недолго и вновь разгореться, — потому что знать так уязвлена изгнаньем славного Кориолана, что успокоится, только отняв у народа всю власть и

навеки отменив трибунство. Будь уверен, жар тлеет и, того гляди, заново вспыхнет пламенем.

Вольск. Кориолан — изгнан?

Римлянин. Изгнан.

Вольск. Ну, Никанор, ты обрадуешь наших своим донесеньем.

Римлянин. Да, оно им очень кстати. Не зря говорят, что жену соблазнить всего легче, когда она в ссоре с мужем. Достославному вашему Туллу Авфидию обеспечен военный успех, раз его мощный противник, Кориолан, больше не служит Риму.

Вольск. Это верно, обеспечен. А мне прямо повезло, что с тобой повстречались. Дело мое выполнено, и с веселым сердцем провожу тебя в Анциум, к нашим.

Римлянин. А я тебе в пути, до ужина, порасскажу о событиях в Риме, и все они на руку вам. Так у вас и войско наготове?

Вольск. Да еще какое! Центурии размещены по рубежу, готовы в дело, и дай только приказ — через час выступят.

Римлянин. Как это хорошо! И мои сведения, думаю, дадут толчок походу. Ну, в добрый час, рад нашей встрече.

Вольск. Вот именно, в час добрый. И уж я рад

особенно.

Римлянин. Что ж, пошли.

Уходят.

Сцена 4

Перед домом Авфидия в Анциуме. Прикрывая плащом лицо, входит ***Кориолан****, одетый бедняком.*

Кориолан

Красивый город этот Анциум.
Эх, город, город, это ж я тебя
Наполнил вдовами. А сколько юных
Стонало, падало передо мною
Наследников богатства твоего –
Прекрасных этих зданий. Пусть же буду
Сейчас не узнан, Анциум, тобой.
А то ведь горожанки вертелами,
А малыши каменьями забьют.

Входит ***горожанин****.*

Спаси тебя Юпитер.

Горожанин

И тебя.

Кориолан

Пожалуйста, скажи мне, где великий
Живет Авфидий. В городе ли он
Сейчас?

Горожанин

Да, в городе. Со знатью вольской
Пирует нынче в доме у себя.

Кориолан

А где тут дом его?

Горожанин

Перед тобою.

Кориолан

Прощай. Спасибо.

Горожанин уходит.

Коловратен мир!
Крепчайше-неразлучные друзья,
В ком на двоих одно как будто сердце, –
Нерасторжимо слитные в труде

И трапезе, и днем и ночью вместе –
И вот короткий и грошовый спор
Их делает заклятыми врагами.
А смертные враги, кому взаимных
Плетенье козней не давало спать,
По пустяковой прихоти судьбы
Становятся друзьями дорогими.
Вот так и я. Мне ненавистен стал
Родимый Рим – и люб враждебный город.
Войду. Убьет меня Авфидий – что же,
Он будет прав. Но если даст приют,
То вольскам послужу.

Уходит.

Сцена 5

В доме Авфидия. Слышна музыка. Входит ***слуга****.*

Первый слуга

Вина, вина, вина подайте! Хороши у нас слуги.

Уснули они, видно, напарнички мои.

Уходит. Входит ***второй слуга****.*

Второй слуга

Где Котус? Хозяин его кличет. – Котус!

Уходит. Входит ***Кориолан****.*

Кориолан

Отличный дом. И славно пахнет пиром,
Да только я не зван.

Входит ***первый слуга****.*

Первый слуга. Что надо, друг? Откуда ты? Здесь тебе не место. Прошу пожаловать за дверь.

Уходит.

Кориолан

Я лучшего не заслужил приема.
Ведь я – Кориолан.

Входит ***второй слуга****.*

Второй слуга. Ты откуда здесь? Не иначе, привратник ослеп, что допускает сюда шантрапу. Уходи, будь ласков.

Кориолан. Прочь от меня!

Второй слуга. Чего? Сам убирайся прочь!

Кориолан. Меня ты раздражаешь.

Второй слуга. Дерзок же ты! Сейчас с тобой поговорят.

Входит ***третий слуга****; навстречу ему —* ***первый****.*

Третий слуга. Кто этот пришлец?

Первый слуга. Таких странных я еще не видел. И не выгоню его никак. Позвать бы хозяина.

Третий слуга. Что тебе здесь надо, милейший? Ступай-ка отсюда.

Кориолан

Я постою. Вашему очагу
Вреда не нанесу я.

Третий слуга. А званья ты какого?

Кориолан. Благородного.

Третий слуга. Обтрепалось твое благородие.

Кориолан. Не спорю.

Третий слуга. Пожалуйста, обтрепанное ваше благородие, поищите другую стоянку. Нечего тебе здесь. Давай ступай отсюда.

Кориолан

Займись-ка своим делом ты, беги
Прислуживать и жрать объедки. Ты

ведь

От них жиреешь.

Отталкивает слугу.

Третий слуга. Не уйдешь по-доброму? Доложить надо хозяину, что за чудной к нему гость.

Второй слуга. Это я сейчас.

Уходит.

Третий слуга. А где твое жительство?

Кориолан. Под куполом небесным.

Третий слуга. Под кумполом?

Кориолан. Да.

Третий слуга. А где это?

Кориолан. В городе Коршуноворонском.

Третий слуга. Коршуноворонском? Ты, небось, ворона сам порядочная?

Кориолан. Нет, я же не служу у твоего хозяина.

Третий слуга. Ты моего хозяина трогать не смей.

Кориолан

А кого мне – хозяйку твою трогать?

Хватит болтать. Брысь со своим подносом!

Бьет третьего слугу и прогоняет. Входит ***Авфидий со вторым слугой****.*

Авфидий

Где этот человек?

Второй слуга. Вот он где, господин мой. Я бы его палкой, как собаку, да не хотел нарушать застолье шумом.

Авфидий

Откуда ты? Что хочешь? Как зовут?
Молчишь? А почему? Как твое имя?

Кориолан

Сказать придется, если, Тулл, еще
Ты не узнал меня иль не поверил
Своим глазам.

Авфидий

Как имя, говори.

Кориолан

Слух оно режет вольскам и тебе.

Авфидий

Скажи его. Вид у тебя суровый
И властное лицо. Хоть паруса
Дырявы, но корабль высоких качеств.

Скажи, как звать тебя.

Кориолан

Сейчас чело
Твое нахмурится. Не узнаешь?

Авфидий

Не узнаю`. Как имя?

Кориолан

Зовут меня Кай Марций; причинил я
Всем вольскам и особенно тебе
Великий вред. Свидетельством тому
Прозвание мое – Кориолан.
И в этом имени – вся благодарность,
Что получил от Рима за труды я
И за опасности, за кровь мою.
Лишь имя, ненавистное тебе,
Осталось у меня. Все остальное
Пожрала зависть злобная народа;
И наш патрициат не защитил,
Трусливо дал прогнать меня подонкам.
И вот я у тебя. Но не подумай,
Что этим жизнь свою хочу сберечь.

Боялся если б смерти, никого я
Не избегал бы пуще, чем тебя.
Нет, это гнев велит мне рассчитаться
С гонителями. Если отомстить
Желаешь Риму за себя, за весь ваш
Стыд и увечья, поспеши моей
Бедой воспользоваться. Против Рима,
Разъеденного злом, я буду драться,
Всех демонов подземных превзойдя
Свирепостью. Но ежели робеешь
И рисковать устал, тогда и я
Устал жить долее – и подставляю
Горло свое – на, режь. Иначе будешь
Дурак. Ведь я был неотступный враг
И бочки крови выцедил из груди
Твоей отчизны. Сохранить мне жизнь
Было бы для тебя прямым позором,
Раз в дело не употребишь меня.

Авфидий

О Марций, Марций! Каждым новым словом
Еще один ты корень старой злобы

Из сердца вырываешь моего.
Вещай мне сам Юпитер с облаков,
Не так бы слову божьему поверил,
Как верю я тебе. Позволь обнять.
Ты – как утес, и сотню раз копье
Ломал я об тебя, так что обломки
Взметались до луны, – тупил свой меч
Об эту грудь, об эту наковальню.
Я прежде силой мерился с тобой,
Теперь желаю мериться любовью.
Свою невесту страстно я любил,
Но сердце пляшет радостней при виде
Тебя, о благородный, чем когда
Она женой вошла сюда впервые.
Ты – бог войны! Так знай же, бог войны,
Что войско собрано – и был намерен
Я щит твой выбить из руки твоей
Иль потерять свою на этом руку.
Двенадцать раз меня ты побеждал,
И еженочно снится новый, лютый
С тобою поединок: шлем сорвав,
Сдавив друг другу горло, мы валимся –

И просыпаюсь я полуживым,
Сжимая пустоту… Не будь причин
Других, одно изгнание твое бы
Волной высокой, от юнцов до старцев,
Нас подняло, неблагодарный Рим
Войною захлестнув. Войди ж ко мне,
Сенаторам пожми ты руку нашим.
Они все здесь, прощаются со мной
Перед моим походом – не на город,
Но в земли римские.

Кориолан

Благодарю
Вас, боги!

Авфидий

Если хочешь ты возглавить
Возмездие, полвойска моего
Бери и сам решай – ведь лучше всех
В чем сила знаешь и в чем слабость римлян –
Решай, рвануться ли к воротам Рима
Или сперва окраинные земли

Занять и этим ужас навести.
Входи же к нам и познакомься с нами.
Тысячу раз: привет, привет, привет!
Мы все тебя поддержим. Стал ты другом
В сильнейшей степени, чем был врагом.
И этим много сказано. Дай руку.
Добро пожаловать!

Уходит. Вперед выходят ***двое слуг.***

Первый слуга. Вон как обернулось!

Второй слуга. А я его палкой хотел, вот провалиться мне. Но вовремя смекнул, что встречать его не по одежке надо.

Первый слуга. Какая силища в его руке! Большим и указательным как крутанет меня — я волчком завертелся.

Второй слуга. Нет, я по лицу увидел, что в нем что-то этакое… Такое, вижу, в лице у него что-то — не умею тебе сказать что.

Первый слуга. Вид такой какой-то — вот повесь меня, а понял я, что высокого полета птица.

Второй слуга. И я, вот с места не сойти. Другого, как он, во всем мире не сыщешь.

Первый слуга. Не сыщешь. А уж как воин заткнет он кое-кого за пояс — сам знаешь кого.

Второй слуга. Нашего хозяина?

Первый слуга. Да уж не важно кого.

Второй слуга. Шестерых таких заткнет.

Первый слуга. Шестерых не шестерых. Но одного заткнет.

Второй слуга. Оно, конечно, тут еще как сказать. На обороне города наш — лучше не надо.

Первый слуга. Да и на штурме тоже.

Входит ***третий слуга.***

Третий слуга. Ну, рабы, иду с новостью! Новость вам несу, мошенникам!

Первый и второй. Какую? Какую? Рассказывай давай!

Третий слуга. Я теперь согласен быть какого хочешь племени, только не римского. Теперь что римлянином быть, что смертником.

Первый и второй. А почему? Почему?

Третий слуга. Да потому, что с нами теперь Кай Марций, что полководца нашего привык чехвостить.

Первый слуга. Ты что это — чехвостить?

Третий слуга. Ладно, не чехвостить, но коса на камень вечно находила.

Второй слуга. Да ну, мы же тут все свои. Нашему с Каем Марцием век не сладить было. Наш сам признавался при мне.

Первый слуга. Тот всегда был нашему не в подам. У Кориол разделал нашего как отбивную.

Второй слуга. Изжарил бы и съел, будь Марций людоедом.

Первый слуга. Всю новость выложил, или еще что?

Третий слуга. А еще то, что его тут чествуют, точно он сын и наследник бога Марса: посадили на верхний конец стола; когда сенаторы у него хотят чего спросить, то непременно вставши и с непокрытой головой. А наш с ним, как с любовницей — руки его касается, будто святыни. Слушает его во все глаза и уши. Главная же новость та, что полководец наш ополовинился против вчерашнего — половину власти отдал Марцию по просьбе и согласию всего застолья. А тот сулится прямиком пойти да за уши привратника римского оттащить от ворот. Все перед собою скосит, выстрижет себе дорогу.

Второй слуга. Так оно и будет, воина другого нет такого.

Третий слуга. А как же! Так и будет! Потому как у него друзей не меньше, то есть, чем врагов; а только друзья, как бы сказать, не смели, значит, высунуться, объявиться то есть, покуда он в амиргации.

Первый слуга. В какой это амиргации?

Третий слуга. Но как увидят, то есть, что у него опять хохол торчком и кровь играет, тут же повыскочат из норок, будто кролики после дождя — и пойдет развеселая работа.

Первый слуга. А когда он выступит в поход?

Третий слуга. Да завтра же, сегодня же, сейчас. После обеда в барабан ударят. Как бы на закуску к пиру — губ не успевши обтереть.

Второй слуга. Ну, значит, все пойдет живее, раз война. А мир только оружье ржавит, портных распложает да сердцещипательные песенки рожает.

Первый слуга. Я тоже за войну. Война лучше ми- ра, как день лучше ночи. Война бодрит, подхлестывает, будит, будоражит. А мир — паралитик и соня. Он отупляет, усыпляет, окисляет, оглупляет. Он плодит больше выродков, чем война убивает солдат.

Второй слуга. Оно так. Если война, можно сказать, насильница, то ведь и мир награждает рогами великое число мужей.

Первый слуга. И ненависть взаимную разводит в людях.

Третий слуга. А отчего? А оттого, что в мирное время люди меньше друг в друге нуждаются. Нет,

мне подавай войну. Вот увидите, скоро римляне дешевле станут вольсков. — Встают, встают из-за стола.

Первый и второй. Бежим туда скорее!

Убегают.

Сцена 6

Площадь в Риме. Входят ***трибуны — Сициний и Брут****.*

Сициний

О нем ни слуху и ни духу. Нам
Его бояться нечего. Бескровной
Защитой нам – спокойствие и тишь,
Царящие в отбунтовавших людях.
Его друзьям приходится краснеть,
Заслыша, как народ мастеровой
Поет себе за мирною работой.
Зазорно им, что все пошло на лад.
Им бы хотелось, чтобы и теперь
Кипела бунтом улица, хоть сами
Они бы пострадали.

Брут

В добрый час
Мы встали за народ.

Входит ***Менений****.*

Кто там? Менений?

Сициний

Он самый! Ласковым он стал таким. –
Приветствуем тебя!

Менений

Привет обоим!

Сициний

Ну что? Ведь по Кориолане вашем
Тоскуют разве лишь его друзья.
Республика стоит, как и стояла б,
Хоть лопни он со злости.

Менений

Все ладно, а еще куда б ладнее,
Когда б поладить с людом он сумел.

Сициний

А где он?

Менений

Ничего о нем не слышно.
Вестей ни матери нет, ни жене.

Входят ***трое-четверо горожан****.*

Горожане

Храни трибунов боги!

Сициний

Добрый вечер!

Брут

Всем добрый вечер, добрый вечер вам!

Первый горожанин

Мы, посемейно на колени встав,
Должны за вас молиться.

Сициний

Процветайте,
Соседушки!

Брут

Здоровья вам! Пускай бы
Кориолан вас так любил, как мы.

Горожане

Спаси вас небо!

Оба трибуна

Будьте здравы! Будьте
Здоровы!

Горожане уходят.

Сициний

Вот так-то радостнее и милее,
Чем топот, крик, мятеж на мостовой!

Брут

Кай Марций был воителем достойным,
Но дерзок, ярой спесью обуян,
Самовлюблен…

Сициний

Стремился воцариться
Единовластно.

Менений

Я бы не сказал.

Сициний

Не будь он изгнан, все бы мы, бедняги,
Изведали тиранство на себе.

Брут

Но боги отвели беду, и в Риме
Отныне безопасность и покой.

Входит ***эдил****.*

Эдил

Достойные трибуны! Схвачен раб,
Распространявший слухи. Говорит он,
Будто бы вольски силами двумя
Вступили в наши земли, пред собою
Уничтожая все.

Менений

Авфидий это!
Он, об изгнанье Марция узнав,
Свирепым слизнем выставляет рожки.
А прежде робко раковинил их,
Не смея высунуться.

Сициний

Ну к чему тут

Упоминать о Марции?

Брут

Вели
Рабу тому плетей дать. Быть не может,
Чтоб вольски разорвали договор.

Менений

Не может быть? Нет, очень даже может,
И было трижды на моем веку.
Ты, раньше чем наказывать раба,
Порасспроси его, откуда слухи.
Как бы сплеча не выпороть того,
Кто верное и грозное известье
Нам вовремя принес.

Сициний

И не толкуй.
Немыслимо.

Брут

Да просто невозможно.

Входит ***гонец****.*

Гонец

Поспешно собирается сенат.
Омрачены недоброй вестью лица.

Сициний

Все этот раб! – Ступай и отхлещи
Его при всем народе. Эти бредни
Лишь от него пошли.

Гонец

Нет, господин.
Подтверждено известье. Поступило
Другое, пострашнее.

Сициний

Пострашней?

Гонец

Из многих уст – хоть не могу судить
О достоверности – я слышал: Марций,
Соединясь с Авфидием, ведет
На Рим войска и мщение несет нам
Всем поголовно.

Сициний

Выдумка и ложь!

Брут

И для того она сочинена,
Чтоб те, кто духом слабы, пожелали
Изгнанника вернуть.

Сициний

Именно так!

Менений

Да, вряд ли, вряд… Скорей огонь с водой,
Чем он с Авфидьем сладятся.

Входит ***второй гонец****.*

Второй гонец

Зовут в сенат вас.
Кай Марций и Авфидий – во главе
Грозного войска – вторглись в наши земли
И сокрушают, сожигают все.

Входит ***Коминий****.*

Коминий
(*трибунам*)

Спасибо вам за вашу службу Риму!

Менений

Какие вести? Что услышал ты?

Коминий

Благодаря вам будет неприятель
Бесчестить ваших жен и дочерей,
И потекут сгорающие кровли
Расплавленным свинцом вам на башку…

Менений

Что слышал ты? Да что ж услышал ты?

Коминий

Испепелятся храмы, а от прав
Народа, славно защищенных вами,
Останется – от бублика дыра.

Менений

Прошу тебя, скажи, что слышал ты. –
Боюсь, вы крепко удружили Риму.
И если Марций с вольсками в союз
Вступил…

Коминий

Какое «если»? Он там – бог!
Он их ведет, подобно исполину,
Что надприродной силою рожден.
Они за ним уверенно стремятся
На нас, как детвора на мотыльков
Иль как мясник с хлопушкою – на муху.

Менений

Ну, удружили ж вы с фартучной вашей,
Чесночною толпой мастеровой!
Вы так отстаивали голоса их!

Коминий

Все ухнете в тартарары, когда
Он Рим тряхнет.

Менений

Как Геркулес тряхнул
Златую яблоню, плоды стрясая.
Спасибо ж вам!

Брут

Но это правда все?

Коминий

Да, правда, и она зальет вам щеки
Смертельной бледностью. Вассалы Рима
Рады восстать, а кто из них решил
Сопротивляться вольскам, погибает
Под общий смех, как доблестный дурак.
И можно ль осуждать Кориолана?
Нами он изгнан – оценен врагом.

Менений

Все мы пропали, если он пощаду
Не даст нам.

Коминий

А кому о ней просить?
Трибунам, что ли? Наш народ пощады
Такой же может ожидать, как волки
От пастухов. А близкие друзья,
Скажи ему лишь: «Пожалей ты Рим», –
И тотчас ненависть его заслужат:
Ведь Рим же Марция не пожалел.

Менений

Да, да. И поднеси он головешку
Пылающую к дому моему,
Я постыжусь сказать: «Не жги, не надо».
С вашей оравою мастеровой
Намастерили славно вы!

Коминий

Погибель
Неотвратимую вы навлекли.

Оба трибуна

Но почему же мы?

Менений

А кто же? Мы?
Мы, люди знатные, его любили,
Но поддались трусливо толпам вашим,
И он под улюлюканье ушел.

Коминий

Теперь придет назад под ваши вопли.
Авфидий подчиняется ему,
Как будто старшему. Противоста-

вить
Нам нечего. Храбрость отчаянья –
Вот наша вся и сила и защита.

Входят толпой ***горожане****.*

Менений

Идет орава. – И Авфидий с ним же? –
(*Толпе.*)
Что? Гнали, улюлюкали? Теперь
В Рим возвращается Кориолан,
И каждый волос на его солдатах
Бичом вам будет. Заражая воздух,
Вы шапки грязные кидали вверх –
Он с вас их скинет вместе с головою,
За голоса заплатит. Да обугли
Он нас в одну сплошную головню –
И то бы поделом.

Горожане

Ох, вести страшные.

Первый горожанин

Что до меня,

То я сказал: «Хоть надо гнать, но жалко».

Второй горожанин. То же и я сказал.

Третий горожанин. То же и я. И, честно сказать, многие, многие наши то же самое говорили. Мы хотели как лучше, и хотя согласились изгнать, но против нутряного нашего согласия.

Коминий

Да, хороши вы! Поголосовали,
Теперь поголосите.

Менений

Натворила
Дел ваша свора! – Так в сенат идем?

Коминий

А что еще осталось?

Оба уходят.

Сициний

Идите, земляки, домой спокойно.
Сенаторы изображают страх,
А сами рады бы, небось, чтоб эта
Ложь оказалась правдой. По домам

Идите и не поддавайтесь страху.

Первый горожанин. Смилуйся над нами боги! По домам, ребята, по домам. Я всегда говорил, что гнать его — неправедное дело.

Второй горожанин. Все мы это говорили. Ну да идем уж.

Горожане уходят.

Брут

А весть нехороша.

Сициний

Нехороша.

Брут

Идем на Капитолий. Полбогатства
Я отдал бы, чтоб это ложь была.

Сициний

Пойдем.

Уходят.

Сцена 7

Стан вольсков близ Рима. Входит ***Авфидий с военачальником, своим заместителем****.*

Авфидий

Что, к римлянину этому солдаты
По-прежнему как мухи льнут?

Военачальник

Мой вождь,
Не знаю я, что в нем за волшебство,
Но воины твои им просто бредят,
Он на устах у них вместо молитвы
И затмевает в их глазах тебя.

Авфидий

Сейчас поправить это невозможно,
Не окалечив замыслов своих.
Не думал я, когда его приветил,
Что драть он будет нос передо мной.
Но уж таков его природный норов,
И ничего тут не поделать.

Военачальник

Зря
Ты полномочья поделил с ним. Лучше
Ты армиею сам бы предводил
Иль все ему командованье отдал.

Авфидий

Я понимаю, но уверен будь,
Когда наступит подведенье счетов,
Ему я обвиненья предъявлю –
Он не догадывается какие.
Хоть кажется ему и всем бойцам,
Что он нам служит честно и умело,
Дерется, как дракон, и побеждает,
Лишь только вынет меч, – но упустил
Он кое-что, на чем сломает шею
Себе – иль мне, – когда придет расчет.

Военачальник

Мой вождь, как думаешь, возьмет он Рим?

Авфидий

Все города сдаются без осады
Ему, и за него патрициат –
Любимец он сената, знати римской.
Трибуны ж не умеют воевать,
И как плебейство выгнало его,
Так и вернет – поспешно, бестолково.

Он Рим ухватит, как хватает рыбу
Орлан, – по праву сильного. Служил
Он Риму доблестно, а удержаться
На гребне не сумел. То ли гордыня,
Которой вечно болен человек,
Балованный успехом; то ли пылкость,
Мешающая счастливой судьбой
Распорядиться; то ли нрав, настолько
Непеременчивый, что и в сенате
Он восседал сурово, как в седле,
И мир вести хотел, как вел сраженья, –
Но проявленье этих свойств, какими
Он – хоть и в разной мере – наделен,
В людей вселило страх, а потому
И ненависть – и повлекло изгнанье.
Однако и достоинства его
Так велики, что могут перевесить.
Оценка наших дел – в руках людей,
И речь оратора увековечить
Способна подвиг лучше мраморных гробниц.
Кумир сегодня – завтра всем посты-

лый.

Клин клином вышибают, силу силой.
Пойдем. Когда Кай Марций свалит Рим,
Тогда-то мы с ним и поговорим.

Уходят.

Акт V
Сцена 1

Площадь в Риме. Входят ***Менений, Коминий, Сициний с Брутом и другие****.*

Менений

Нет, не пойду. Слыхали, как он встретил
Того, под чьим началом воевал,
Кому дороже всех был. Называл он
Меня отцом, бывало. Что с того?
Идите сами. Вы его изгнали –
Теперь за милю до его шатра
Падите ниц, ползите на коленях, –
Авось простит вас. Если не хотел
И слушать он Коминия, то мне уж
Чего соваться?

Коминий

Сделал вид он, будто
Мы незнакомы.

Менений

Вот!

Коминий

Но все ж разок
Сказал «Коминий» мне. О старой дружбе,
О крови, вместе пролитой в боях,
Ты вспомни, говорю, Ко-рио-лан!
А он: «Не знаю имени такого.
Нет у меня имен и званья нет,
Пока в огне пылающего Рима
Не выкую я имени себе».

Менений

Вот так. Наделали вы славных дел,
Усердием трибунским обеспечив
Дешевый уголь Риму. По себе
Оставите вы дорогую память!

Коминий

Призвал его простить я, как цари
Прощают, милостиво и нежданно.
Ответил он: «О милости просить
Не может Рим, мне милости не дав-

ший».

Менений

Вот так-то. Слов других нельзя и ждать.

Коминий

Попробовал я пробудить в нем жалость
К родным, к друзьям. А он: «Досуг ли мне
Их выбирать из прелых куч мякины,
Которую необходимо сжечь».
Было бы глупо тухлый смрад терпеть
Из-за двух, дескать, или трех зернинок.

Менений

Двух-трех зернинок! В их числе и я,
И мать его, жена и сын, и этот
Отважный воин – мы зерно. А вы –
Изгнившая, протухшая мякина.
И вы на всю подлунную смердите,
И по вине по вашей нас сожгут.

Сициний

Прошу, не надо ругани. Не хочешь
В столь небывало тяжкий час помочь,
Так хоть не береди ты язв. А все же,
Когда б ты заступился за отчизну,
То речь твоя умелая верней
Смогла б остановить Кориолана,
Чем войско, собранное второпях.

Менений

Нет, не пойду.

Сициний

Прошу тебя, иди.

Менений

Да что скажу ему я?

Брут

Попытайся.
Любовь к отчизне даст тебе слова.

Менений

А если он их слушать не захочет,
Как не хотел Коминья? Что тогда?
Вернусь раздавленный, убитый горем.

Вам это надо?

Сициний

За одно старанье,
За доброе намеренье тебе
Спасибо скажет Рим.

Менений

Уговорили.
Он выслушает, думаю, меня.
Хоть настораживает сжатогубость
Насупленная эта. Но Коминий
Не вовремя явился. Натощак,
Когда не греет кровь и пусты вены,
Мы супимся и не хотим прощать.
А снедью и вином насытив жилы,
Смягчаемся. Я погожу, пока
Не отобедает он, а затем уж
Пойду на приступ.

Брут

Сердцеведец ты
И к доброте наверняка пробьешься.

Менений

Попробую. Потормошу его.

А с толком или нет, узнаем вскоре.

Уходит.

Коминий

Его не станут слушать.

Сициний

Неужели?

Коминий

Да говорю тебе, Кориолан

С престола воинского своего

Как бы сжигает Рим багровым взглядом.

Обида задушила в нем всю жалость.

Я преклонил колено перед ним.

Он буркнул: «Встань» – и отослал меня

Руки безмолвным знаком. И направил

Условья сдачи вслед. Переменить

Не может ничего в них: связан клятвой.

Так что надежда вся

На матушку его и на жену,

Которые намерены, я слышал,
Идти к нему и умолять его.
Пойдем же, ласково их поторопим.

Уходят.

Сцена 2

Стан вольсков под Римом. Входит ***Менений****. Навстречу ему —* ***стража****.*

Первый часовой

Стой. Ты откуда?

Второй часовой

Стой. Ступай назад.

Менений

Вы – молодцы. Сторожевую службу
Несете хорошо. Но я державой
Послан с Кориоланом говорить.

Первый часовой

Какой державой?

Менений

Римом.

Первый часовой

Возвращайся.
Проходу нету. Полководец наш
Уже покончил с Римом разговоры.

Второй часовой

И прежде Рим пожаром полыхнет,
Чем будешь говорить с Кориоланом.

Менений

Добрейшие мои! Если при вас
Упоминал о Риме полководец,
О тамошних друзьях своих, то, ставлю
Сто против одного, слыхали вы
И обо мне. Меня зовут Менений.

Первый часовой

Менений. Ну и что? Ступай назад.
Имя твое паролем здесь не служит.

Менений

Пойми, что полководец ваш меня
Сердечно любит. Я подобен книге
О подвигах его. Я прославлял

Его, рискуя преувеличеньем.
Насколько с истиною совместимо,
Всегда я восхвалял своих друзей,
А он средь них первейший. И подчас
Меня, как шар, катящийся дорожкой
Неровной кегельною, заносило
В хвалах моих почти за кромку лжи.
Так как же не пустить меня, приятель?

Первый часовой. Нет уж, хоть налги ты в его пользу столько же коробов, сколько наговорил в свою, все равно не пущу — даже если б ложь не меньше почиталась, чем чистота и честность. Так что ступай назад.

Менений. Вспомни, любезный, что меня зовут Менений — что я всегда ратовал за вашего полководца.

Второй часовой. Пускай ты ратовал за него своей ложью, как сам признаешься, — а я служу ему верой и правдой, и говорю правдиво, что не пропущу. Так что ступай назад.

Менений. А обедал он уже, не знаешь? Я бы хотел с ним говорить с отобедавшим.

Первый часовой. Ты римлянин, ведь так?

Менений. Да, как и твой полководец.

Первый часовой. Тогда ты, как и он, должен возненавидеть Рим. Вы прогнали, вышвырнули из своих ворот главного их защитника. Вы, обуянные плебейской дуростью, отдали врагу свой щит — и теперь хотите заслониться от возмездия дешевыми стонами старух, молящими ладошками невинных дочерей да безмозглыми увещаньями трясучих старичков вроде тебя. Ты издыхающим своим дыханьем надеешься задуть полымя пожара, которое вот-вот пожрет ваш город? Обманываешься, старик. Так что возвращайся в Рим и готовься принять казнь. Вы обречены на смерть. Наш полководец поклялся не давать вам никакой пощады.

Менений. Знай тот, у кого ты под началом, что я здесь, — меня бы окружили уваженьем.

Первый часовой. Мои начальники тебя не знают.

Менений. Я о полководце твоем говорю.

Первый часовой. Плевал мой полководец на тебя. Отправляйся назад, говорят тебе. А не то выпущу из тебя последний стакан крови… Назад!.. Больше стакана в тебе не осталось. Назад!

Менений. Да что ты, малый, что ты!..

Входят ***Кориолан и Авфидий****.*

Кориолан. Что тут происходит?

Менений. Сейчас тебе, невеже, достанется. Увидишь сейчас, как меня уважают. Поймешь, что грубияну караульному не окараулить от меня сыночка моего Кориолана. Гляди вот, как он меня примет. Сейчас поймешь, что не миновать тебе виселицы или другой казни, еще мучительней и долгозрелищней, — так что заранее вались в обморок от страха. (*Кориолану.*) Да пекутся о тебе денно и нощно преславные боги и да любят они тебя так же, как старый твой батька Менений. О сын мой, сын мой! Ты обрек нас лютому пожару. Но я угашу его пламя вот этой водою из глаз. Меня с трудом уговорили пойти сюда, уверив, что один лишь я способен тебя умолить. Меня вынесло, выдуло из наших ворот горькими вздохами римлян. Заклинаю тебя — прости Рим, помилуй своих кающихся соотечественников. Умягчи божья милость твой гнев и обрушь его остатки на этого негодника — вот на этого, что уперся как пень и не пускал к тебе.

Кориолан

Прочь от меня!

Менений

Как это – прочь?

Кориолан

Жена, мать, сын – я больше их не знаю.
Служенью подчинил всего себя.
Вершу возмездье сам, но вольскам отдал –
Право пощады. Ты мне другом был,
Но это поросло быльем. Меня вы
Не отстояли, и теперь на жалость
Рассчитывать нельзя вам. Уходи.
Я глух к моленьям. Слух мой тверже замкнут,
Чем римские ворота от моих
Бойцов. Однако я любил тебя, –
Ради тебя вторично шлю посланье.
Возьми его, Менений.

Отдает.

Не хочу
Ни слова слышать более. – Авфидий!
Из римлян закадычней у меня
Не было друга. Ну и вот, ты видишь.

Авфидий

Ты непреклонен. Вижу.

Кориолан и Авфидий уходят.

Первый часовой. Так ты говоришь, зовут тебя Менений?

Второй часовой. Имя это обладает и впрямь волшебной силой. Обратно домой сам дойдешь, не заблудишься?

Первый часовой. Слыхал, как нам досталось, что не пропустили твое величество?

Второй часовой. Так я не понял — отчего нам в обморок-то падать?

Менений. Опостылел мне и полководец ваш, и белый свет. А вы — вас я еле различаю, такая вы мелкая шушваль. Кому жизнь немила, тому и смерть нестрашна. Пусть ваш командующий делает что хочет. А вы живите долго — и с каждым годом все злосчастнее и шушвальнее. Как мне сказали, так и вам скажу: «Прочь от меня!»

Уходит.

Первый часовой. А человек он, ей-же-ей, достойный.

Второй часовой. Наш полководец — вот уж кто достойный человек. Он как скала, как дуб, не сгибаемый никаким ветром.

Уходят.

Сцена 3

Перед шатром Кориолана. Входят ***Кориолан, Авфидий и другие****.*

Кориолан

Подступим завтра мы под стены Рима
Всей нашей силой. Сотоварищ мой,
Ты засвидетельствуй сенату вольсков,
Как честно я веду войну.

Авфидий

Себя
Ты отдал делу и мольбами Рима
Не поколеблен. К дорогим друзьям,
Уверенным, что ты им не откажешь, –
И к тем остался глух.

Кориолан

Старик вот этот,
Кому отказом сердце я рассек,
Меня любил сильней, чем любят сына, –

Боготворил меня. На старика
Рим возлагал последнюю надежду.
Хоть я прогнал его, но за любовь
Воздал ему – вручил посланье к Риму,
Где повторил условия, уже
Отвергнутые. Рим их и теперь
Принять не может. Сделал лишь уступку
Я малую – уважил старика.
А нового посольства и ходатайств
От государства или от друзей
К себе не допущу.

(*Шум за сценой.*)

Что там за шум?
Неужто тут же сразу и нарушить
Приходится зарок мой? Ни за что.

Входят ***Виргилия, Волумния с маленьким Марцием, Валерия и сопровождающие****.*

Жена… За нею матушка моя,
Жизнь давшая мне – этому вот телу –
Ведет внучонка… Но замолкни, сердце.
Родство и связь природная, порвись.

Да славится упорство! Ни поклоны,
Ни голубиный взор – ради него
И бог нарушил клятву бы – не тронут
Меня… А сердце мякнет… Неужели
И я из той же глины, что и все?..
Склонилась мама – гордый мой Олимп
В мольбе склонился пред кротовьей горкой.
И у сынишки скорбный вид, – сама
Природа мне велит: «Взгляни и сжалься».
Но нет! Пускай распашут вольски Рим
И разорят Италию! Не буду
Инстинкту подчинившимся птенцом,
А буду человек, как бы себя
Создавший одиноко и безродно.

Виргилия

Супруг и господин мой!

Кориолан

Я гляжу
Теперь на мир другими уж глазами.

Виргилия

Нет, это мы переменились так
От горя.

Кориолан

Как актеришка бездарный,
Постыдно позабывший роль свою,
Не знаю, что сказать. Моя голубка,
Прости ты мне жестокость, не проси
За римлян. Дай мне снова поцелуй –
Как мщенье сладкий, как изгнанье долгий.
Клянусь ревнивою царицей неба,
Прощальный поцелуй тот на губах
С тех пор храню я девственно и свято…
Но не приветствовал еще мою
Я благороднейшую в мире матерь.
Колено низко преклоняю. Сыном
Почтительным склоняюсь пред тобой.

Волумния

О, встань и будь благословен! А я,
В кремень дороги уперев колени,

От сей поры обычай заменю
Сыновнего почтенья материнским.

Опускается на колени.

Кориолан

О, что ты! На колени предо мной?
Пред сыном изгнанным? Тогда взлетите
С нагого взморья к звездам, валуны!
Тогда до огненного лика солнца,
Мятежный ветер, кедры дошвырни –
Любая небыль стань привычной былью.

Волумния

Ты витязь мой! Взрастила миру я
Богатыря! А узнаёшь ты эту
Римлянку?

Кориолан

Благородная сестра
Публиколы, чистейшая, как льдинка,
Что, вымороженная из снегов
Нетронутых, лучится и висит
На храме целомудренной Дианы –

О милая Валерия!

Волумния

А вот
Твое подобье малое. Дай срок,
И вырастет вторым Кориоланом.

Кориолан

Всели в тебя отвагу бог войны,
В содружестве с Юпитером наполни
Тебя высоким духом, чтобы ты
В боях стоял незыблем, как маяк
Спасительный.

Волумния

Склони колено, внучек!

Кориолан

Мой мальчик славный!

Волумния

Он, жена твоя,
И эта римлянка, и я – мы все
К тебе просителями.

Кориолан

Ох, не надо!
Пойми заране, прежде чем начнешь, –
Я ни за что не отступлю от клятвы.
И не проси, чтоб распустил я войско,
Чтоб примирился с римскою толпой
Ремесленною. И не упрекай
Меня в свирепости. И не надейся
Мой урезонить гнев и месть мою.

Волумния

Отказ, отказ во всем... О чем же нам
Просить тебя, как не об этом самом?..
Все ж выслушай нас, чтоб вина в отказе
Легла на бессердечие твое.

Кориолан

Авфидий! Вольски! Будьте все при этом.
Без вас мы с римлянами не вступаем
В сношенья никакие. – Говори!

Волумния

Да если б и молчала, то одежда

И худоба сказали бы за нас
О том, как сладко мы живем со дня
Изгнанья твоего. Подумай сам ты,
Есть ли на свете кто несчастней нас?
Ведь нам, тебя увидя, от восторга,
От радости бы плакать и плясать,
А сердце мрет от ужаса и горя,
И очи плачут, видя, как мой сын,
Как муж ее, как дорогой отец
Ребенка этого – как ты терзаешь
Свою отчизну. И твоя вражда
С родной землей для нас смертельный нож.
Молитвы воссылать и то не можем
Из-за тебя. За отчий край молиться
Должны мы, и молиться за твою
Должны победу. Как же совместить?
Теряем либо край наш – нашу жизнь,
Либо тебя, отраду нашу в жизни.
Погибель нас и так и этак ждет.
Либо тебя в оковах поведут
По улицам, как родинопродавца,

Либо пройдешь развалинами Рима,
Увенчан лаврами за то, что ты
Отважно пролил кровь жены и сына.
Что ж до меня, то ожидать не буду,
Чем кончится война. Раз не могу
Я упросить тебя, раз ты не сменишь
Гнева на милость, осчастливив обе
Враждующие стороны, то знай –
Когда на город двинешься, я трупом,
Я трупом лягу на твоем пути.

Виргилия

И я, сына родившая тебе
И этим давшая продленье роду.

Маленький Марций

А я не лягу трупом – убегу
И спрячусь, вырасту и драться буду.

Кориолан

Нельзя детей и женщин видеть лица –
И не обабиться, не размягчиться.
Я слишком долго слушал вас.

Встает.

Волумния

Ну нет,
Не уходи. Когда бы просьба наша
Была для вольсков пагубна, тогда
Тебе грозила бы она бесчестьем.
Но мы ведь молим о почетном мире –
Чтобы гордились вольски милосердьем,
А римляне, принявшие его,
В один бы голос с вольсками вскричали:
«Благословен будь, миротворец наш!»
Великий сын мой, знаешь ты и сам ведь:
Сомнителен исход любой войны,
Но несомненно, что, занявши Рим,
В награду обретешь ты злое имя,
Всепроклинаемое. На скрижалях
Запишется: «Хоть этот человек
Был благороден, но своим последним
Деянием перечеркнул он все
И погубил отчизну, и оставил
Премерзостную память о себе».

Что ж ты молчишь? Ведь ты всегда старался
Великодушью подражать богов:
Вспороть громами щеки небосвода –
И стихнуть, расколов всего лишь дуб.
Ну, сам скажи ты – разве же достойно
Злопамятным быть? Дочка, не молчи.
Слезами не проймешь. Внук, помоги нам.
Твой голосок скорее может тронуть,
Чем наши доводы. Нет никого,
Кто так обязан матери, как сын мой.
И вот – срамлюсь, как нищенка молю,
В колодки взятая, а он ни звука.
Ты в жизни не уважил никогда
Родную мать. Я, бедная наседка,
Клохтаньем подымала на войну
Тебя, мою единую отраду,
И победителем домой ждала,
Венчанным славой. Если моя просьба
Неправедна, гони меня в пинки.
Но если я права, тогда бесчестен

Выходишь ты, и покарают боги
Тебя за непочтение ко мне.
Спиною повернулся… На колени,
Все трое! Устыдится пусть гордец,
Нас не жалеющий! Все на колени!
Вот. Кончено. Сейчас вернемся в Рим,
Чтоб умереть там рядом с земляками…
Да ты взгляни на нас! На малыша,
Что с нами заодно пал на колени
И тянет руки, хоть еще не может
И выразить словами – но мольба
Его сильней всего на свете… Хватит.
Идем. Не мой он сын. Не твой он муж.
Он – вольск, и на него случайным сходством
Похож малыш наш. Прогони же нас.
А я уж помолчу. Когда огнем
Рим полыхнет, тогда скажу я слово.

Кориолан берет ее за руку, молча держит.

Кориолан

О мама, мама! Что творишь со мной?

Смотри! Раскрылось небо удивленно,
И, глядя вниз, на наши чудеса,
Смеются боги. Принесла ты Риму
Счастливую победу. Но меня,
Но сына твоего – пойми! поверь! –
Поставила под тяжкую угрозу,
А может, смерти обрекла. Но пусть.
Войну продолжить не могу, Авфидий,
Но мир я выгоднейший заключу.
Скажи ты мне, Авфидий, друг мой добрый,
Ну разве, будь на месте ты моем,
Не внял бы матери? Не уступил бы?

Авфидий

Я тронут был мольбой.

Кориолан

Еще б не тронут.
Из глаз не так-то просто из моих
Выжать слезу. Но помоги составить
Условья мира… Не вернусь я в Рим.
С тобой уйду я, к вольскам. И прошу

Твоей поддержки… О жена! О мама!

Авфидий
(*в сторону*)

Отлично! Милосердие твое
В раздоре с честью. Это вознесет
Меня к вершине снова.

Кориолан
(*Волумнии*)

…Да, немедля.
Но прежде вместе выпьем мировую.
Не на словах лишь заключится мир.
Условия ты повезешь отсюда,
Скрепленные печатью. Ну, входите ж.
Вам, трем спасительницам, должен Рим
Воздвигнуть храм святой. Такого мира
Союзное все войско, все мечи
Италии добиться не смогли бы.

Уходят.

Сцена 4

Улица в Риме. Входят ***Менений и Сициний****.*

Менений. Видишь ты на Капитолии вон тот угловой камень здания сената?

Сициний. Вижу. А что?

Менений. Если мизинцем сдвинешь этот камень, тогда есть надежда, что этим римлянкам — то бишь, матушке его — удастся умолить сына. Надежды ни малейшей, говорю тебе. Мы обречены; все пойдем под нож.

Сициний. Но возможно ли, чтобы в столь короткое время изменился весь человек?

Менений. Меж гусеницею и мотыльком есть разница; однако мотылек был прежде гусеницей. Этот Марций из человека стал драконом. Он уже не ползучая тварь, он сделался крылат.

Сициний. Он сильно любил свою мать.

Менений. Меня тоже. А теперь позабыл ее начисто, как восьмигодовалый конь свою матку. Жесткость его лица способна уксусно окислить спелый виноград. Поступь у него, как у таранной башни, и земля под ним гнется. Взгляд его пробивает броню, голос звучит колоколом погребальным, рычанье его рушит стены. Он восседает,

как статуя Александра Великого. Он еще и очередного веленья не кончил, а оно уж исполнено. Чтобы стать богом, не хватает ему лишь бессмертия и престола небесного.

Сициний. И милосердия, если ты верно описал Марция.

Менений. Я его обрисовал, как есть. Увидишь, матушка ни с чем вернется. От него милосердия ждать, что молока от козла — верней, от свирепого тигра. Наш бедный город в этом убедится — и все из-за тебя.

Сициний. Оборони нас боги!

Менений. Нет уж, боги нас оборонять не станут. Изгнав Кориолана, мы тем самым отступились от богов. И теперь, когда он явится по нашу душу, боги отступятся от нас.

Входит ***гонец****.*

Гонец

О наш трибун, беги домой, спасайся.
Твой сотоварищ у толпы в руках.
Плебеи его тащат и клянутся,
Что если женщины придут ни с чем,
То будет он изрезан на кусочки.

Входит ***второй гонец****.*

Сициний

Какие вести?

Второй гонец

Радостные вести.
Добились мира женщины. Увел
Завоевателей обратно Марций.
Так счастливо не улыбался Рим,
Даже изгнав Тарквиниев-тиранов.

Сициний

Но нет ошибки, друг? Но ты уверен?

Второй гонец

Как в том, что солнце светит и горит.
А ты где прятался? Не слышишь, что ли, –
Шумит, спешит обрадованный люд,
Волной приливной чрез ворота хлынув.

За сценой трубы, гобои, барабаны, радостные клики.

Кимвалы слышишь, трубы, флейты, струны,
Бой барабанов, возгласы людей?

И пляшет солнце в небе!

(*Новые возгласы.*)

Менений

Вот так вести!
Пойду навстречу. Матушка его
Одна ценней для нас, чем целый город
Сенаторов и консулов и знати –
Чем целая вселенная таких,
Как ты, трибунов. Ты, видать, сегодня
Молился истово. Еще вчера
Я не дал бы и ломаного гроша
За тысячу бараньих ваших горл.

По-прежнему музыка, возгласы.

Ликуют как!

Сициний

Благодарю за весть.
Благослови тебя святые боги.

Второй гонец

Мы все должны их возблагодарить.

Сициний

Уже подходят к городу?

Второй гонец

Почти что
Вошли уже.

Сициний

Так поспешим и мы.
Со всем народом вместе возликуем.

Уходят.

Сцена 5

Улица близ городских ворот. Входят ***два сенатора****, предваряя торжественный проход* ***Волумнии****,* ***Виргилии****,* ***Валерии*** *в сопровождении* ***знати и горожан****.*

Сенатор

Идет наша заступница! Идет
Жизнеспасительница града Рима!
Сзывайте всех! Хвалу богам воздайте,
Зажгите триумфальные костры.
Цветами усыпайте их дорогу.
И громче возглашайте все: «Добро

Пожаловать, спасительницы наши!» –
Чтоб Марция вернуть, чтобы навеки
Заглохли крики, гнавшие его.

Все

Добро пожаловать, спасительницы наши!

Фанфарный клич труб, барабанный бой. Все уходят.

Сцена 6

Площадь в Кориолах. Входят ***Тулл Авфидий со свитой****.*

Авфидий

Оповестите власти, что я здесь,
И передайте им письмо вот это.
Когда прочтут, пускай идут на площадь,
И здесь его пред ними и народом
Словесно подкреплю я. Тот, кого
Я обвиняю, прибыл нынче в город
И хочет говорить перед людьми,

Надеясь оправдаться. Ну, ступайте.

Свита уходит. Входят ***трое или четверо заговорщиков****.*

Привет сердечный вам!

Первый заговорщик

Как поживаешь,
Наш полководец?

Авфидий

Поживаю так,
Как поживает человек, пригревший
За пазухою у себя змею.

Второй заговорщик

Достойнейший! Намерений своих
Ты если не оставил, мы согласны
Тебя избавить от змеи.

Авфидий

Не знаю,
Как отнесется к этому народ.

Третий заговорщик

Народ колеблется, покуда в силе

Оба соперника, но стоит лишь
Пасть одному, как станет господином
Оставшийся.

Авфидий

Я понимаю это.
И будет обоснован мой удар.
Я чужака возвысил, поручился
Собою за него. А он взамен
Росою лести окропил моих
Друзей и соблазнил их, обуздавши
Свой нрав для этой цели, а ведь раньше
Всегда был непоклонен, прям и груб.

Третий заговорщик

И консульства лишился потому ведь…

Авфидий

Об этом-то и речь. Когда ж его
Изгнали, то ко мне домой явился,
Подставил горло моему ножу.
Я принял в сотоварищи его,
Ни в чем не стал перечить, самых луч-
ших

Ему дал выбрать из моих бойцов,
И в замысел его запрягся тоже,
Великодушием своим гордясь, –
И вместе с ним стал славу добывать,
А он ее себе всю прикарманил
И покровительством мне заплатил,
Как будто я не ровня, а наемник,
Слуга ему.

Первый заговорщик

Вот именно. Дивясь,
Глядело войско наше. А когда уж
Рим погибал, и предвкушали мы
И лавры, и преславную добычу…

Авфидий

Вот потому и поражу его
Моей десницею. За всхлипы бабьи,
За слез водичку, что дешевле лжи,
Он продал наш кровавый труд великий
И потому умрет – и вознесет
Меня
своим паденьем… Что за шум там?

За сценой барабаны, трубы, возгласы народа.

Первый заговорщик

В родной свой город ты вошел, как будто
Простой гонец – не встретили тебя
Ни шум, ни трубы. А его приход
Раскалывает воздух громом встречи.

Второй заговорщик

И терпеливым дурням, чьих сынов
Поубивал он, любо глотку драть,
Кориолана славя.

Третий заговорщик

Поспеши же,
Не дай ему пред людом оправдаться,
А дай отведать твоего меча,
С подмогой нашею. Когда он ляжет,
По-своему поведаешь о нем –
И оправданья канут вместе с трупом
В могилу.

Авфидий

Тише. Помолчи. Сюда

Идут вельможи города.

Входят ***городские власти и сановники вольсков****.*

Вельможи

Добро
Пожаловать!

Авфидий

Не заслужил я встречи.
Но, господа, внимательно ль прочли
Мое посланье?

Все

Да.

Первый вельможа

И мы в печали.
Простительны его другие вины.
Но эта, но последняя вина –
Когда он кончил там, где начинать бы,
И прахом все усилия пошли,
Потери все и траты все… Врагам
Только и оставалось, что сдаваться,
А он им дарит мирный договор.

Простить нельзя такое.

Авфидий

Вот он сам.

Услышите, что скажет.

Входит ***Кориолан*** *под барабаны, со знаменами. Следом идут* ***горожане****.*

Кориолан

Привет отцам почтенным! Возвращаюсь

Солдатом вашим верным и слугой,

Непоколебленно враждебным Риму.

Успешно вел я войско – и довел

До самых римских стен путем кровавым.

Добыча, нами взятая, на треть

Превысила военные расходы.

Мир нами заключен, для нас почетный,

Для римлян же позорный. Договор

Вручаем вам; на нем печать сената

И подпись консулов и знати всей.

Авфидий

Почтенные отцы! И не читайте,
А прямо возгласите, что во вред,
В тягчайшее для государства зло
Употребил доверие изменник.

Кориолан

Изменник? Я?

Авфидий

Да, Марций!

Кориолан

Марций?..

Авфидий

Да.
А что же? Величать Кориоланом?
Тем именем, что ты уворовал
У Кориол? Грабительским прозваньем?
О, главы государства и вельможи!
Он предал ваше дело. Город Рим,
Который был уж вашим, вашим Римом,
Он продал за соленую водичку
Жене и маме. Не держа ни с кем

Военного совета, разорвал
Он узы клятвы, как гнилую пряжу.
Всплакнула матушка – захлюпал он,
И так была прохлюпана победа.
Свидетели подобного стыда,
Юнцы краснели, а мужи дивились
И переглядывались.

Кориолан

Марс, ты слышишь?

Авфидий

Тебя не слышит мужественный бог.
Ты – нюня, мамин мальчик.

Кориолан

Что?

Первый вельможа

Довольно.

Кориолан

От этой лжи безмерной лопнет сердце.
Я – нюня? Мальчик? Ах же ты, холоп!

Отцы, простите. За все это время
Впервые не могу себя сдержать.
Его во лжи нельзя не уличить вам.
Он сам – улика. У него на шкуре
Следы моих плетей. Он будет несть
Их до могилы.

Первый вельможа

Замолчите оба
И слушайте, что я скажу…

Кориолан

В куски
Меня рубите, вольски! Стар и млад,
Мечи моею кровью обагрите.
Я – нюня, мальчик? Ах ты, лживый пес!
В анналы ваши вписано, что к вам
Ворвался, как орел на голубятню,
Я – в одиночку! – и от кориольцев
Летели пух и перья. Мальчик я?

Авфидий

Вот так и будем слушать похвальбу
Удачливого наглеца, над нашей

Бедой глумящегося?

Заговорщики

Смерть ему!

Горожане. На части его разорвать! — На месте! — Он сына моего убил! — Дочку мою! — Моего брата Марка! — У меня убил отца!

Второй вельможа

Спокойствие! Бесчинства не творите!
Он доблестен, и славою своею
Наполнил круг земной. А за вину
Ответит пред судом. Остановись,
Авфидий!

Кориолан

Да хоть семеро Авфидьев
При на меня! Хоть весь противостань
Их род честному моему мечу
На поле брани!

Авфидий

Дерзостный мерзавец!

Заговорщики

Бей его, бей, руби!

Заговорщики, обнажив мечи, убивают Кориолана. Авфидий становится ногой на его труп.

Вельможи

Стой, стой, не надо!

Авфидий

Отцы почтенные, позвольте слово…

Первый вельможа

О, что ты сделал…

Второй вельможа

Ты осиротил
Своим деяньем воинскую доблесть.

Третий вельможа

Не попирай его ногой. – Мечи
Вложите в ножны и утихомирьтесь.

Авфидий

Отцы, когда утихнет наша ярость,
Им вызванная, и раскрою вам
Угрозу, что таилась в нем, тогда вы
Возрадуетесь, что нашел он смерть.

Я пред собраньем вашего сената
Во всем очищусь – или же приму
Суровейшую кару.

Первый вельможа

Унесите
Его отсюда. О его кончине
Печальтесь. Доблестней богатыря
Еще не знала урна гробовая.

Второй вельможа

Его горячность буйная снимает
С Авфидия большую часть вины.
Уж дела не поправить.

Авфидий

Гнев улегся.
Скорблю. Подымем тело вчетвером –
Трое военачальников первейших
И я. Звучи печально, барабан,
И траурно влачитесь наши копья,
Стальными остриями по земле.
Хоть в этом городе немало вдов
И матерей еще по жертвам плачут

Кориолановым, но сбережем
Мы память достославную о нем.
Подымем же его.

Уходят с телом Кориолана под похоронный марш.

Цимбелин

Действующие лица

Цимбелин, король Британии.

Клотен, сын королевы от первого брака.

Леонат Постум, муж Имогены.

Беларий, изгнанный вельможа, скрывающийся под именем Моргана.

Арвираг, **Гвидерий** — сыновья Цимбелина, скрывающиеся под именами Полидора и Кадвала, мнимых сыновей Моргана.

Филарио, друг Постума, итальянец.

Якимо, друг Филарио, итальянец.

Француз, друг Филарио.

Кай Луций, римский полководец.

Римский военачальник.

Два британских военачальника.

Пизанио, слуга Постума.

Корнелий, врач.

Два дворянина.

Два тюремщика.

Королева, жена Цимбелина.

Имогена, дочь Цимбелина от первого брака.

Елена, прислужница Имогены.

Вельможи, **дамы**, **римские сенаторы**, **трибуны**, **призраки**, **прорицатель**, **голландец**,

испанец, **музыканты**, **офицеры**, **солдаты**, **гонцы** и **слуги**.

Место действия — Британия и Италия.

Акт I
Сцена 1

Британия. Сад за дворцом Цимбелина. Входят два дворянина.

Первый дворянин

Кого ни встретишь – вид у всех унылый.
Не столь покорен дух наш небесам,
Сколь королю придворные. Все тщатся
Монарху подражать.

Второй дворянин

Но что случилось?

Первый дворянин

Дочь и наследницу свою король
За сына королевы прочил замуж
(Король ведь на вдове женат); а дочь
Другого полюбила; он хоть беден,
Но человек достойный. Брак свершился,
И вот она в темнице, он – в изгнанье.
Все с виду хмуры, хоть один король

Скорбит глубоко.

Второй дворянин

Только ли король?

Первый дворянин

И тот, кто потерял ее, конечно;
И королева, жаждавшая сына
На ней женить. А те, кто носит маску
Печали на глазах у короля,
В душе ликуют, радуясь причине
Своей притворной грусти.

Второй дворянин

Почему же?

Первый дворянин

Тот, кто принцессу упустил, так низок,
Что недостоин даже низких слов.
А тот, кто овладел (ее рукою –
Хотел сказать я) и за это изгнан.
Таков, что, обойди хоть целый мир,
И все равно нигде найти не сможешь
Соперника ему по совершенной,

Не знающей изъянов красоте
Души и тела.

Второй дворянин

Похвала чрезмерна.

Первый дворянин

Нет, только соразмерна. Я скорее
Приуменьшил достоинства его,
Чем переоценил.

Второй дворянин

Кто он? Откуда?

Первый дворянин

Я знаю род его лишь в двух коленах.
Его отец Сицилий славно бился,
Когда Кассивелаун шел на римлян,
Потом служил Тенакцию, который
Пожаловал ему за храбрость земли
И Леонатом за нее прозвал.
Еще двух сыновей имел Сицилий;
Те пали на войне с мечом в руках.
И он (уж старый и детей любивший)
Удара этого не снес и умер.

Его жена, родив на свет того,
О ком здесь речь, скончалась. Наш король
Берет на попечение младенца
И нарекает: Постум Леонат;
Растит и делает пажом; дает
Все знания, что юности доступны,
И мальчик их впивает словно воздух –
Учителя за ним не поспевают.
А вскоре зримы стали и плоды:
Его (столь редкий случай!) все любили
И восхваляли при дворе. Для юных
Он был примером, для мужей в летах –
Зерцалом совершенства, и для старцев
Поводырем. Принцесса доказала,
Его избрав (за что понес он кару),
Как высоко она его ценила,
И явствует из выбора ее,
Что он за человек.

Второй дворянин

Его я чту
По одному уж вашему рассказу.

А дочь у короля одна?

Первый дворянин

Одна.
Двух сыновей имел он, – коль угодно,
Я
расскажу. Был старший сын трех лет,
Второй еще грудным, когда обоих
Похитили из детской, и о них
Никто доныне ничего не знает.

Второй дворянин

А сколько лет с тех пор минуло?

Первый дворянин

Двадцать.

Второй дворянин

Украсть детей у короля? Неужто
Так плохо стерегли их и искали,
Что не нашли следов?

Первый дворянин

Да; как ни странно,
Как ни смешна подобная небрежность,

Но это так...

Второй дворянин

Я верю вам вполне.

Первый дворянин

Нам надо удалиться: вон идут
Сам Постум, королева и принцесса.

Уходят.
Входят ***королева, Постум и Имогена****.*

Королева

Нет, дочь моя, поверь: хоть и клевещут
На мачех часто, нет во мне и тени
Враждебных чувств; ты узница моя,
Но твой тюремщик сам тебе вручает
Ключ от темницы. – Постум, а за вас
Ходатайствовать буду я, как только
Смягчить сумею сердце короля.
Сейчас он в гневе; право, вам бы лучше
На время подчиниться приговору.
Пусть разум вас вооружит терпеньем.

Постум

Я еду.

Королева

Да, опасность велика.
Терзаниям любви запретной вашей
Сочувствуя, я выйду в сад, хоть вас
Король вдвоем велел не оставлять.

Уходит.

Имогена

О доброта притворная! Как нежно
Змея ласкает жертву, больно жаля. –
Супруг любимый! Страшен гнев отца,
Но надо мной, хранящей долг священный,
Его бессильна ярость. Уезжай!
Я ж под обстрелом злобных глаз останусь
И силу жизни буду черпать в том,
Что я тобой – сокровищем – владею,
Что свидимся мы вновь.

Постум

Моя царица!

Любовь моя! О милая, не плачь,
Иначе повод я подам к упрекам
В чувствительности большей, чем мужчине
Пристало. Буду самым верным я
Из всех мужей, святую клятву давших.
Филарио, друг моего отца,
Мне в Риме даст приют, хоть лишь по письмам
Мы с ним знакомы. Мне туда пиши,
Владычица моя; я стану жадно
Впивать слова твои, хотя б из желчи
Чернила были.

Входит ***королева****.*

Королева

О, скорей! Расстаньтесь!
Коль явится король, то на меня
Падет его неистовая злоба.

(*В сторону.*)

Я приведу его сюда сама;
Поссорившись со мной, он щедро платит

Потом за примирение.

Уходит.

Постум

Когда бы

Всю жизнь прощались мы, разлуки горечь

Все только возрастала бы. Прощай!

Имогена

Нет, погоди немного!

Ведь даже на прогулку уезжая,

Со мною дольше бы прощался ты.

Смотри – вот перстень матери моей.

Возьми его, любимый, и храни,

Пока другой жены не изберешь,

Когда меня не станет.

Постум

Что? Другой?

О небеса, мне эту сохраните!

Ее одну! Пусть смерть меня избавит

От ласк другой жены.

(*Надевая кольцо.*)

Останься здесь,
Пока я жив. – Прекрасная моя!
Когда свою ничтожность дал в обмен
Я за любовь твою, неисчислимый
Убыток понесла ты, – так и ныне
Я выгадал, подарками меняясь.
Возьми на память и носи вот эти
Любви оковы; их я надеваю

(*надевает ей на руку браслет*)

На узницу прелестную.

Имогена

О боги!
Когда ж опять мы свидимся?

Входят ***Цимбелин и вельможи****.*

Король!

Цимбелин

Бесчестный, вон! Прочь с глаз моих! И если
Ты двор еще хоть раз обременишь
Присутствием своим, конец тебе!
Ты яд в крови моей!

Постум

Храни вас небо
И всех достойных здесь. Я ухожу.

Уходит.

Имогена

У смерти мук ужасней быть не может!

Цимбелин

Ты, лживая преступница! Могла бы
Ты молодость мою вернуть – так нет,
Меня ты на год старишь.

Имогена

Государь,
Себе волненьем злобным не вредите.
Ваш гнев меня не тронет. Скорбь во мне
Убила страх и совести укоры.

Цимбелин

И послушанье? Кротость?

Имогена

Тем, кто был

Лишен надежды, чуждо послушанье.

Цимбелин

Принц должен был твоим супругом стать!

Имогена

И счастье, что не стал. Орла избрав,

Я коршуна отвергла.

Цимбелин

Ты нищего взяла! Хотела ты

Ничтожество на трон мой возвести?

Имогена

Нет, новым блеском трон ваш озарить.

Цимбелин

И это дочь моя? Ах, негодяйка!

Имогена

Вы, вы виной, что Постума люблю я!

Вы нас растили вместе. Он достоин

Прекраснейшей из всех на свете жен-

щин!

Я перед ним ничто!

Цимбелин

Она безумна!

Имогена

Почти! – О небо, помоги! – Ах, если б

Отец мой был пастух, а Леонат

Сын пастуха-соседа!

Входит ***королева****.*

Цимбелин

Замолчи!

(*Королеве.*)

Они опять встречались! – Мой приказ

Нарушили вы вновь. – Убрать ее,

И под замок!

Королева

Ах, успокойтесь! Тише! –

Дочь милая, сдержись! – Мой повелитель,

Оставьте нас одних и постарайтесь

Развлечься…

Цимбелин

Нет. Пусть день за днем от горя
Кровь иссыхает в ней! Пускай она,
Состарившись, умрет в своем безумье.

Уходит.

Королева
(*Имогене*)

Стыдись же! Уступи!

Входит ***Пизанио****.*

Вот твой слуга.

(*К Пизанио.*)

Что скажешь?

Пизанио

Сын ваш только что напал
На господина моего.

Королева

О небо!
Надеюсь я, несчастья не случилось?

Пизанио

Могло случиться, но хозяин мой
Скорей играл беззлобно с ним, чем дрался.
Поблизости случившиеся люди
Разняли их.

Королева

Ах так? Я очень рада.

Имогена

Ваш сын в ладу с моим отцом! Напасть
На изгнанного! Нет, каков храбрец!
В пустыне им сойтись бы, так с иглою
Стояла бы я рядом и колола
Того, кто отступает. – Почему
Ты господина своего оставил?

Пизанио

Он так велел и, не позволив в гавань
Его сопровождать, наказ мне дал,
Как вам служить, – коль вам угодно будет
Принять мои услуги.

Королева

Он был верным
Слугою вам, и я могу поклясться,
Что будет им и впредь.

Пизанио

Благодарю вас.

Королева
(*Имогене*)

Пройдемся вместе.

Имогена
(*к Пизанио*)

Через полчаса
Поговорим. Ты сходишь на корабль
К супругу моему. Теперь оставь нас.

Уходят.

Сцена 2

Входят ***Клотен и двое вельмож****.*

Первый вельможа. Принц, я бы советовал вам переменить рубашку. Вы так распалены неистовым поединком, что пар валит от вас, как

от только что принесенной жертвы. Ветер входит туда же, откуда выходит, но никакой ветер так не благоухает, как то, что испускаете вы.

Клотен. Я меняю рубашку, только когда она окровавлена. Вывел я его из строя?

Второй вельможа (*в сторону*). Ей-богу, нет. Даже из себя не вывел.

Первый вельможа. Вывели из строя? Если вы не ранили его, значит, он весь — один дырявый скелет; у него не тело, а проезжая дорога для шпаг, если вы не ранили его.

Второй вельможа (*в сторону*). Его шпага избегала противника, как **вельможа** кредитора; она ходила стороной.

Клотен. Негодяй не мог устоять передо мною!

Второй вельможа (*в сторону*). Как же он мог устоять, когда не стоял, а шел прямо на тебя!

Первый вельможа. Кто устоит перед вами! У вас и так достаточно земель, а противник, отходя, уступал вам еще и ту землю, что была под ним.

Второй вельможа (*в сторону*). В ней не больше дюймов, чем у тебя океанов. Олухи!

Клотен. Ух, как я зол, что нас растащили!

Второй вельможа (*в сторону*). И я! А то бы ты шлепнулся и показал нам, какой длины бывает дурак врастяжку.

Клотен. И как это она могла влюбиться в такого мерзавца и отказать мне!

Второй вельможа (*в сторону*). Да, если правильный выбор — грех, не спастись ей от вечного проклятия.

Первый вельможа. Принц, я всегда говорил вам, что ее красота и разум не в ладу друг с другом. Лицо ее так и светится красотой, но я не замечал, чтобы ум у нее был светлый.

Второй вельможа (*в сторону*). Еще бы! Она боится светить на дураков, чтобы ей не повредило отражение.

Клотен. Пойдем ко мне. Все-таки досадно, что из этой встречи не вышло беды.

Второй вельможа (*в сторону*). Не нахожу. Ну убили бы осла — так это еще небольшая беда.

Клотен. Идете вы с нами?

Первый вельможа. Я вскоре последую за вами, принц.

Клотен. Ну нет, идем все вместе.

Второй вельможа. Извольте, ваше высочество.

Уходят.

Сцена 3

Комната во дворце Цимбелина. Входят ***Имогена и Пизанио****.*

Имогена

Хотела б я, чтоб врос ты в берег моря
И каждый вопрошал корабль. А вдруг
Напишет муж и не дойдет письмо?
Потеря эта то же, что утрата
Прощенья узнику! Какое слово
Последним он сказал?

Пизанио

«Моя принцесса».

Имогена

Махал платком он?

Пизанио

Да, его целуя.

Имогена

Бездушный холст счастливее меня!

И это все?

Пизанио

Нет, госпожа. Пока
Я мог средь прочих различать его,
На палубе стоял он и махал
Платком своим, перчаткой или шляпой,
И по его волненью было видно,
Что так же рвался он душой назад,
Как несся вдаль корабль.

Имогена

Ты должен был
Глаз не сводить с него, пока не стал бы
Он меньше ворона.

Пизанио

Я так и сделал.

Имогена

А я – я проглядела бы глаза,
А все следила бы за тем, как он
Становится все меньше, меньше, меньше

И тоньше кончика моей иглы;
Покуда он совсем бы не исчез,
Как мошка в воздухе; тогда лишь взор,
Рыдая, отвела бы. Ах, когда же,
Пизанио, о нем услышу я?

Пизанио

При первой же возможности, принцесса.

Имогена

Я не простилась с ним, а мне хотелось
Еще так много важного поведать.
Когда мы расставались, не успела
Ему я ни сказать, как стану думать
И день и ночь о нем; ни клятву взять,
Что он мне в этом Риме не изменит
С какой-нибудь лукавой итальянкой;
Ни попросить, чтоб на рассвете, в полдень
И в полночь к небесам его молитва
Взлетала и встречала там мою;
Ни дать ему, слова любви прервав,
Прощальный поцелуй. Отец ворвался,

Подобно злому северному ветру,
И почки сбил, готовые расцвесть.

Входит ***придворная дама****.*

Придворная дама

Вас ждет ее величество, принцесса.

Имогена
(*к Пизанио*)

Исполни все, что приказала я,
Иду я к королеве.

Пизанио

Все исполню.

Уходят.

Сцена 4

Рим. В доме Филарио. Входят ***Филарио, Якимо, француз, голландец и испанец****.*

Якимо. Поверьте, синьор, я знал его в Британии. Слава его росла, и все ждали, что он оправдает те достоинства, которые ему теперь приписывают. Но я взирал на него без всякого восхищения, хотя уж и тогда рядом с ним вывешивали список

его доблестей, так что я мог прочитать его по пунктам.

Филарио. Ты говоришь о временах, когда он еще не обладал всеми теми совершенствами души и тела, которые украшают его теперь.

Француз. Я встретил его во Франции, но там было немало людей, которые не хуже его умели смотреть на солнце, не жмурясь.

Якимо. А вся эта история с женитьбой на дочери короля! Его теперь судят скорее по достоинствам принцессы, чем по его собственным, потому так и превозносят.

Француз. И потом это изгнанье…

Якимо. Вот-вот — сторонники принцессы, оплакивающие ее горе и печальную разлуку, как раз и рады возвеличить этого Постума. Своей хвалой они стараются доказать, что она сделала правильный выбор. Выйди она замуж за нищего, не обладающего всеми совершенствами, такой поступок не выдержал бы и самого легкого обстрела. Но каким образом он поселился у вас? Как вы завели с ним знакомство?

Филарио. Мы с его отцом оба были воинами, вместе сражались. И не раз я ему бывал обязан жизнью. (*Входит* **Постум.**) Вот идет наш британец. Примите его, как подобает людям вашего

положения принять достойного чужеземца. (*Знакомит с Постумом.*) Прошу вас всех поближе познакомиться с моим благородным гостем и другом. Он достоин вашей дружбы, и время скоро убедит вас в его доблестях, поэтому сейчас, в его присутствии, я не стану воздавать ему хвалу.

Француз. По-моему, мы с вами уже встречались в Орлеане?

Постум. Да, и с того времени я ваш неоплатный должник. Вы оказали мне так много любезностей, что, сколько бы я ни старался уплатить свой долг, я так и не смог бы расплатиться до конца.

Француз. О, вы преувеличиваете мою ничтожную услугу. Я рад был примирить вас с моим земляком. Было бы обидно, если бы такая пустячная ссора привела к кровавой развязке.

Постум. Простите, сударь, тогда я был молодым путешественником и предпочитал поступать по-своему, а не руководствоваться мнением людей более опытных. Теперь — прошу не счесть это хвастовством — я стал рассудительнее и все же считаю, что повод для ссоры был в тот раз не так уж ничтожен.

Француз. Может быть, но, во всяком случае, не стоило решать спор мечами. Особенно таким противникам, как вы. Ведь ваш поединок мог

кончиться только смертью одного или обоих.

Якимо. Не будет ли нескромностью спросить, что послужило причиной этой ссоры?

Француз. О нет! Ссора произошла публично, и нет никаких оснований о ней умалчивать. Это было очень похоже на наш вчерашний спор, когда каждый из нас превозносил красавиц своей страны. В те дни этот дворянин утверждал и был готов подтвердить свое мнение кровью, что его дама прекраснее, добродетельнее, умнее, а главное, неприступнее, чем самая прелестная дама Франции.

Якимо. А теперь либо эта дама скончалась, либо ее рыцарь уже не настаивает на своем утверждении?

Постум. Я остался при своем мнении, так же как она при своей добродетели.

Якимо. Но не станете же вы утверждать, что она превосходит наших итальянок?

Постум. Если меня к этому принудят, как тогда во Франции, я не отступлюсь от своего мнения; пусть даже меня сочтут не ее возлюбленным, а лишь поклонником ее совершенств.

Якимо. Как! Сравнить ее по красоте и добродетели с итальянками! Нет, это даже при игре словами слишком лестно для любой британской

дамы! Пусть она даже превосходит всех дам, которых я знаю, как этот перстень на вашем пальце превосходит все перстни, которые мне доводилось видеть, — я и тогда скажу: она лучше многих! Но ведь я не видел самого лучшего в мире перстня, а вы — лучшей в мире дамы.

Постум. Я оцениваю ее по ее собственным достоинствам, так же как и свой перстень.

Якимо. А как вы их оцениваете?

Постум. Выше всех даров вселенной.

Якимо. Значит, ваша несравненная дама умерла, если такую безделушку вы оцениваете выше ее?

Постум. Вы ошибаетесь. Перстень может быть куплен или подарен. Куплен тем, у кого есть достаточно денег для покупки, подарен тому, кто заслуживает такого подарка. Дама, о которой я говорю, не может быть куплена. Она — дар богов.

Якимо. И боги поднесли ее в дар вам?

Постум. Да, и по милости богов она останется моей.

Якимо. Конечно, по имени вы можете считать ее своей. Но знаете, утки любят ловить рыбу в соседском пруду. Перстень ваш тоже может быть украден. Итак, оба ваши бесценные сокровища ненадежны. Ловкий вор и опытный волокита

могут лишить вас и той и другой драгоценности.

Постум. Никогда! Во всей Италии не найдется такого искусного волокиты, который мог бы одержать победу над честью владычицы моего сердца. Воров у вас здесь достаточно, не сомневаюсь, и тем не менее за свой перстень я тоже не боюсь.

Филарио. Прекратите этот разговор, синьоры.

Постум. Охотно. Мне очень приятно, что этот достойный синьор не считает меня чужим. Мы с ним сразу сблизились.

Якимо. Вы в этом уверены? Один разговор, раз в пять длиннее этого, и я отбил бы у вас вашу красавицу. Представься мне только случай поухаживать за ней, я бы мигом заставил ее сдаться.

Постум. Ну нет!

Якимо. Я готов побиться об заклад на половину моего состояния против вашего перстня, хотя, на мой взгляд, оно стоит несколько больше. Но ведь я оспариваю не столько честь вашей дамы, сколько вашу уверенность в ней. А для того чтобы мое предложение не оскорбило вас, я готов попытаться соблазнить любую женщину в мире, а не вашу даму.

Постум. Вы заблуждаетесь в своих чересчур смелых утверждениях. Я не сомневаюсь, что ваши попытки встретят то, чего заслуживают.

Якимо. Что же?

Постум. Отказ. Хотя подобная попытка, как вы ее называете, заслуживает не только отказа, но и наказания.

Филарио. Синьоры, довольно. Ваш спор возник внезапно, пусть он так же и закончится. Прошу вас сначала познакомиться поближе.

Якимо. Я готов ответить за свои слова не только своим состоянием, но и состоянием своих родных.

Постум. Какую даму вы избираете для своей попытки?

Якимо. Вашу, которую вы считаете такой недоступной и верной. Ставлю десять тысяч дукатов против вашего перстня! Но вы должны дать мне возможность проникнуть во дворец принцессы и, не больше чем после второго свидания, я вам привезу ее честь, хоть вы и считаете ее такой неприступной.

Постум. Против вашего золота я тоже ставлю золото! Этот перстень дорог мне, как мой палец, — он часть его.

Якимо. И вы боитесь его потерять? Но заплатите вы даже миллион за золотник женского мяса, вам и тогда не уберечь его от порчи. Впрочем, я вижу, что для вас она святыня и потому вы так

боитесь.

Постум. Ваш язык болтает по привычке; я надеюсь, что намерения у вас не столь бесчестны.

Якимо. Я хозяин своему слову и клянусь, я готов отвечать за предложенный мной заклад.

Постум. Да? Ну что же, я готов отдать в залог мой перстень до вашего возвращения. Мы подпишем договор по всей форме. Добродетель моей дамы стоит выше всех ваших недостойных замыслов, ей нечего опасаться. Ну, так я принимаю ваш вызов. Вот мой перстень!

Филарио. Я не допущу такого заклада!

Якимо. Клянусь богами, заклад состоялся! Если я не привезу вам достаточных доказательств, что насладился владычицей вашего сердца, то мои десять тысяч дукатов принадлежат вам вместе с перстнем. Если я вернусь, оставив ее такой же непорочной, какой вы ее считаете, то она — ваше сокровище, и ваш перстень и мое золото принадлежат вам. Но все это при том условии, что вы мне дадите рекомендательное письмо и я получу к ней свободный доступ.

Постум. Согласен! Но и я поставлю условие. Если вы по возвращении доставите мне явные доказательства вашей победы — мы с вами не враги, ибо в таком случае дама не стоит нашего

спора. Если же она отвергнет вас и вы не сможете доказать ее измены, то вы с мечом в руках ответите мне за ваше оскорбительное мнение о ней, за дерзкое покушение на ее честь!

Якимо. По рукам! Я согласен. Мы скрепим наш спор договором, и я немедленно отправляюсь в Британию. Боюсь, что, если буду медлить, пыл ваш угаснет и наш заклад зачахнет без пищи. Иду за деньгами, и мы сейчас же составим письменное условие.

Постум. Согласен!

Постум и Якимо уходят.

Француз. Как вы полагаете, они доведут спор до конца?

Филарио. Да, Якимо не отступится. Пойдем за ними!

Уходят.

Сцена 5

Британия. Комната во дворце Цимбелина. Входят ***королева, придворные дамы и Корнелий****.*

Королева

Скорей, пока роса, цветов нарвите.
А у кого их список?

Первая дама

У меня.

Королева

Ступайте!

Придворные дамы уходят.

Ну, доктор, ты мне снадобья принес?

Корнелий

Да, государыня; вот здесь они.

(*Подает ей ящичек.*)

Но умоляю вас, не обижайтесь
На мой вопрос – он совестью подсказан;
К чему вам эти страшные составы,
Ведущие хоть медленно, но верно
К ужасной смерти?

Королева

Доктор, твой вопрос
Мне странен. Не твоей ли ученицей
Была я долго? И не ты ль меня
Учил, как надо составлять лекарства?
Их очищать? Хранить? Король и тот

Хвалил мое уменье. Если в этом
Я преуспела (ты ведь не считаешь,
Что я в связи с нечистым), так не должно ль
Мне расширять познания свои
На опытах? Я силу этих зелий
Испробую, не бойся, не на людях –
На тварях, недостойных и петли.
Я действие составов изучу,
Противоядья применю, узнав
Все свойства их.

Корнелий

Но опыты такие
Ожесточают сердце, ваша милость.
За действием отравы наблюдать
И тягостно и вредно.

Королева

Успокойся!

Входит ***Пизанио****.*
(*В сторону.*)

А, льстивый плут! С тебя я и начну.

Враг сына моего, за господина
Горой стоишь ты.

(*Громко.*)

Это ты, Пизанио? –
В тебе я больше не нуждаюсь, доктор.
Ступай.

Корнелий
(*в сторону*)

Нет, я тебе не доверяю,
Но никому ты зла не причинишь.

Королева
(*к Пизанио*)

Хочу тебе сказать я кое-что…

Корнелий
(*в сторону*)

Я не люблю ее. Пускай считает,
Что получила медленные яды.
О, никогда б такой душе коварной
Не вверил я столь страшную отраву.
Начнет она, быть может, с псов и кошек,

Потом пойдет и дальше; но вреда
От мнимой смерти никому не будет.
Мои составы только оглушают,
Лишь ненадолго притупляя чувства.
Настанет срок – и дух почти угасший
Вновь оживет! Я обману ее,
Служа обманом правде.

Королева
(*Корнелию*)

Ты свободен,
Пока не призову.

Корнелий

Я повинуюсь.

Уходит.

Королева
(*к Пизанио*)

Ты говоришь, она все время плачет?
Ужели не поддастся уговорам
И разум в ней безумье не осилит?
Так действуй же! Ты только дай мне знать,

Что мил ей сын мой, – и, поверь, я тотчас

Тебя вельможей сделаю таким же,

Как господин твой был, и даже выше!

Безмолвствует теперь его Фортуна,

И при последнем издыханье – честь.

Ни жить, где он живет, ни возвратиться

Нельзя ему. Менять места? – Он этим

Одни мученья сменит на другие,

И с каждым новым днем он разрушает

Труды минувших дней. Так что ж ты ищешь

Опоры в том, кто, падая, не сможет

Подняться вновь; кто потерял навеки

Друзей, способных поддержать его?..

Роняет ящичек. Пизанио поднимает его.

Не знаешь ты, что поднял. Но в награду

За труд возьми себе. Здесь мой состав,

Пять раз от смерти короля спасавший.

Такого укрепляющего средства

Нет больше в мире. – Ну прошу, возьми
В залог тех благ, что я тебе готовлю.
С принцессой же поговорить ты должен
Так… ненароком… будто от себя;
Ей опиши, что ждет ее… Ты понял,
Какое счастье выпадет тебе?
Благоволенье сохранишь принцессы,
Любимцем станешь сына моего;
Заставлю короля тебя возвысить,
Как ты захочешь; и сама по-царски
Тебя за все старанья награжу,
Зови придворных дам. Слова мои
Обдумай.

Пизанио уходит.

Верен и хитер! Его
Не купишь. Он раб Постума и страж
Супружеского долга Имогены.
Но я дала ему такого зелья,
Что если примет, то навек она
Посланца к другу милому лишится,
А коль она не сдастся, то сама

Отведает того же.

Входят ***Пизанио и придворные дамы****.*

Принесли?

Разглядывает цветы.

Фиалки, примулы и анемоны…
Снесите их ко мне. – Прощай, Пизанио.
Подумай же!

Пизанио

Да, да. Примусь за дело.

Королева и придворные дамы уходят.

Мне – господину изменить! Ну нет!
Скорей повешусь – вот вам мой ответ!

Уходит.

Сцена 6

Там же. Другая комната. Входит ***Имогена****.*

Имогена

Отец жесток, а мачеха коварна;
Жених-глупец; посвататься ко мне,

Жене изгнанника! Ах, муж мой милый,
Венец моей тоски! Я так страдаю!
Зачем меня, как братьев, не украли!
Вот было б счастье! О, как тяжко бремя
Величья царского! Блажен бедняк,
Чьи скромные сбываются желанья…

Входят ***Пизанио и Якимо****.*

Кто там?

Пизанио

С письмом от вашего супруга
Из Рима к вам прибывший дворянин.

Якимо

Принцесса, отчего вы побледнели?
Ваш благородный Леонат здоров
И кланяется вам.

Имогена

Благодарю.
Добро пожаловать, я очень рада.

Якимо
(*в сторону*)

В ней все, что видно взору, – совершенство!

Коль так же и душа ее прекрасна,

То, значит, предо мною чудо, феникс,

И проиграл я! Дерзость, будь мне другом!

Вооружи меня надежно, ложь!

Не то и мне придется, как парфянам,

Сражаться на бегу – верней, бежать.

Имогена (*читает*). «Он принадлежит к одному из самых благородных домов, и я бесконечно обязан его доброте. Прими его достойно, если тебе дорог твой преданный Леонат».

Я вслух могла прочесть вам только это,

Все остальное лишь меня касалось

И мне согрело сердце. Гость любезный,

Нет слов, чтобы сказать, как я вам рада.

Но вы и сами по моим поступкам

В том убедитесь.

Якимо

Очень благодарен.

(*Пристально смотрит на нее.*)

О, как безумны люди! Им богами
Даны глаза, чтоб видеть свод небесный,
Раскинутый над морем и землей;
Чтоб различать сверкающие звезды,
Каменья на кремнистом берегу. –
И эти же глаза не отличают
Дурное от прекрасного!

Имогена

Но что
Так удивляет вас?

Якимо

Нет, не глаза
Виною здесь. Ведь даже павиан
Из самок двух красивую избрал бы,
С гримасой отвернувшись от урода.
Тут неповинен ум: глупец и тот,
Красу такую видя, станет мудрым.
Тут ни при чем и чувственность: ведь

страсть,
Которая такому совершенству
Предпочитала б грязь, была бы только
Бессильным возбужденьем, неспособным
Желанье утолить.

Имогена

Что вы сказали?

Якимо

И лишь один сосуд бездонный – похоть,
Неутолимая в своих желаньях,
Пожрав сначала нежного барашка,
На требуху кидается…

Имогена

Что с вами?
Вы не больны?

Якимо

Благодарю. Здоров я.

(*К Пизанио.*)

Прошу тебя: слуга мой там остался,

Он никого не знает, да и робок, –
Найди его.

Пизанио

А я как раз хотел
С ним познакомиться.

Уходит.

Имогена

Что мой супруг? Скажите, он здоров?

Якимо

Здоров, принцесса.

Имогена

Весел или грустен?
Надеюсь, весел?

Якимо

Меж иностранцев первый он шутник
И весельчак. Поэтому его
Прозвали мы повесою-британцем.

Имогена

А здесь он больше склонен был к печа-
ли,

Порою беспричинной.

Якимо

Быть не может!
К печали? Он? Поверить не могу.
Есть в Риме у него француз-приятель,
Влюбленный в девушку своей страны.
Он все вздыхает, а шутник британец –
Ваш муж – над ним хохочет, повторяя:
«Со смеху лопнешь, глядя на мужчину,
Который из примеров, книг, молвы
И собственного опыта узнав,
Что женщина собою представляет,
Во что ей превратиться суждено,
В часы досуга станет тосковать
По прочному ярму».

Имогена

Так говорит он?

Якимо

Да, да, притом смеясь до слез, принцесса!
Быть с ним и слушать шутки над

французом –
Потеха просто! Видит небо, все
Не без греха мужчины.

Имогена

Но не он!

Якимо

О нет! Но за дары небес он мог бы
Признательнее быть. А что до вас,
Доставшейся ему не по заслугам, –
Я столь же удивляться принужден,
Сколь и жалеть.

Имогена

Кого жалеть, скажите?

Якимо

Обоих – от души!

Имогена

Как! И меня?
Вы так глядите… Что во мне такое
Внушает жалость вам?..

Якимо

Весьма прискорбно!
Ах!.. От сиянья солнца отвернуться
И предпочесть ему ночник тюремный…

Имогена

Прошу вас, отвечайте откровенней:
Что вынуждает вас жалеть меня?

Якимо

То, что другие…
Едва не вырвалось – владеют вашей…
Но пусть уж боги разберутся в этом –
Не мне судить.

Имогена

Вам, вероятно, сударь,
Известно что-то обо мне; прошу,
Скажите же. Ведь предвкушенье горя
Порой страшней уверенности в нем;
Коль зло непоправимо – с ним миришься,
Но, вовремя узнав о нем, возможно
Предотвратить беду. Что вас толка-

ет
И сдерживает вместе с тем?

Якимо

О, если б
К такой щеке я мог прильнуть устами,
Взять эту руку, чье прикосновенье,
Одно прикосновенье призывает
Дать
верности обет! Владеть всем тем,
Что жадный взор влечет мой, – неуже-
ли –
Проклятье мне! – слюнявил бы я губы,
Доступные любому, как ступени
У Капитолия; иль руки жал
Шершавые от грязных, лживых ласк,
Как от работы; иль глядел любовно
В бесцветные глаза, чей тусклый блеск
Не ярче, чем мерцанье фитиля,
Чадящего в зловонной плошке с салом?
Достоин был бы я всех адских мук,
Когда бы грех такой свершил.

Имогена

Мой муж
Забыл меня!

Якимо

Он сам себя забыл!
Его б не выдал я, но ваша прелесть
Моей безмолвной совести велела
Открыть его измену языку.

Имогена

Я слушать больше не хочу. Довольно!

Якимо

О чистая душа! Мне ваше горе
Сжимает сердце жалостью до боли!
Жену свою, красавицу такую,
Которая любого из монархов
Могла б возвысить, – приравнять к блудницам,
Продавшимся ему за ваши деньги,
К подлейшим тварям, девкам, что способны
Корысти ради на любую мерзость!
Их гниль опасней яда. Отомстите!

Иль ваша мать была не королевой?

Иль вы забыли род свой?..

Имогена

Отомстить?

Но как же мстить? Будь это даже правда,

Не так легко ушам поверит сердце,

Не так поспешно… Если это правда,

Как мстить ему?

Якимо

Меня бы не заставил

Он жить весталкой меж холодных простынь,

Когда он сам утехам предается

За ваш же счет, смеясь над вами! Мстите!

Я предлагаю вам себя, принцесса,

Взамен того, кто изменил вам низко.

Хранить любовь я обещаю вашу

И тайно и надежно.

Имогена

Что? – Пизанио!

Якимо

Могу ль скрепить обет мой поцелуем?

Имогена

Прочь от меня! Я проклинаю уши,
Тебе внимавшие! – Будь честен ты,
Ты эту сказку рассказал бы мне
Из добрых, а не грязных побуждений.
Порочишь ты того, кто столь же чужд
Всей этой клевете, как сам ты чести,
И смеешь соблазнять его жену,
Которой ты, как дьявол, ненавистен! –
Сюда, Пизанио! – Король, отец мой,
Об этом оскорблении узнает;
Коль он сочтет, что грязный иноземец
Держаться может во дворце его,
Как в Риме у себя, в публичном доме,
И скотские намеренья свои
Нам излагать, – так двор ему не дорог
И дочь не уважает он! – Пизанио!

Якимо

Счастливец Леонат! Скажу одно:
Уверенность в тебе твоей жены
Заслуживает постоянства мужа,
А блеск твоих достоинств отвечает
Ее доверью. – Долгих лет вам счастья,
Супруга лучшего из всех людей
Своей страны! Вы госпожа его,
Достойная достойнейшего мужа!
Молю простить! Я лишь узнать хотел,
Сколь глубоко вы верите в него.
Теперь скажу, что есть на самом деле:
Он чистотою жизни всех затмил;
Он чародей, сердца к себе влекущий…

Имогена

Как! Вы раскаялись?

Якимо

Он словно бог,
Сошедший к смертным. Столько благородства
В душе его, что над людьми высоко

Вознесся он. Великая принцесса!
Не гневайтесь на то, что я дерзнул
Испытывать вас ложными вестями;
Ведь это только подтвердило вам,
С какою мудростью в мужья избрали
Вы лучшего из лучших на земле!
Я испытал вас из любви к нему,
Но вижу, что, в отличье от других,
Соблазну неподвластны вы. Простите!

Имогена

Все прощено. Чем вам могу служить я?

Якимо

Благодарю. Хочу у вас просить
Услуги хоть и небольшой, но важной
Тем, что она имеет отношенье
К супругу вашему; и я с друзьями
Причастен к этому.

Имогена

А что такое?

Якимо

Двенадцать римлян и супруг ваш с на-

ми
(В крыле у нас он лучшее из перьев)
Купить подарок Цезарю сложились.
По просьбе их во Франции купил я
Серебряную утварь и каменья
Огромной ценности. Я здесь чужой
И как сберечь сокровища – не знаю.
Не будете ль добры их взять к себе
На сохранение?

Имогена

О да, охотно!
Я честью поручусь за их сохранность.
А так как и супруг мой тоже в доле,
Их спрячу в спальне.

Якимо

В сундуке они
Под наблюденьем слуг моих. Осмелюсь
К вам на одну лишь ночь его прислать.
Я завтра утром еду.

Имогена

Нет, о нет!

Якимо

Я должен ехать, иль нарушу слово.
Из Галлии я плыл через моря
Лишь потому, что видеть вашу светлость
Желал и обещал.

Имогена

Благодарю.
Но завтра вы не едете?

Якимо

Обязан!
Прошу вас, если можно, напишите
Сегодня же супругу. Я и так
Замешкался, а наш подарок нужно
Доставить вовремя.

Имогена

Я напишу.
Сундук пришлите. Сохранен он будет
И отдан в целости. Желаю счастья.

Уходят.

Акт II
Сцена 1

Британия. Двор перед дворцом Цимбелина. Входят ***Клотен и двое вельмож.***

Клотен. Видел ли кто такое невезение? Мой шар катится прямо к цели, как вдруг налетает второй шар — бац! — ста фунтов у меня как не бывало! А этот ублюдок с обезьяньей рожей еще кричит, зачем я ругаюсь, как будто я беру ругательства у него взаймы и не имею права ругаться, сколько мне вздумается!

Первый вельможа. А чего он добился? Вы проломили ему голову шаром, и делу конец.

Второй вельможа (*в сторону*). Было бы у него столько ума, сколько у тебя, так мозгу не вытекло бы ни одной капли.

Клотен. Пусть знает, что, когда знатному человеку придет охота ругаться, никто из присутствующих не смеет его останавливать.

Второй вельможа. Конечно, принц! (*В сторону*.) Так же как и ты не имеешь права терзать наш слух своей руганью.

Клотен. Сукин сын! Он еще требует удовлетво-

рения! Как бы не так! Вот будь он мне ровней…

Второй вельможа (*в сторону*). То есть будь он такой же круглый дурак, как ты…

Клотен. Чума его возьми! Из-за чего-нибудь другого я бы так не разозлился. Лучше бы уж я не принадлежал к такому высокому роду. Из-за того, что мать моя — королева, никто не смеет драться со мной. Любой мужлан может в свое удовольствие драться с кем захочет и сколько захочет, а я вынужден шагать как петух, к которому никто не смеет подступиться!

Второй вельможа (*в сторону*). Не петух ты, а каплун! Петушиного в тебе только то, что ты петушишься.

Клотен. Что ты сказал?

Второй вельможа. А то, что вам не пристало драться с каждым, кого вы оскорбляете.

Клотен. Конечно! Но мне пристало оскорблять всех, кто ниже меня.

Второй вельможа. Это только вам и пристало, ваше высочество.

Клотен. Вот и я то же самое говорю.

Первый вельможа. Слыхали вы, принц, что ко двору прибыл чужестранец?

Клотен. Как! Прибыл чужестранец, а я этого еще не знаю?

Второй вельможа (*в сторону*). Ты еще, например, не знаешь того, что ты дурак.

Первый вельможа. Он итальянец и, говорят, друг Постума.

Клотен. Друг этого изгнанного подлеца? Значит, он сам тоже подлец! Кто тебе сказал об этом итальянце?

Первый вельможа. Один из ваших пажей.

Клотен. А что, если я пойду и посмотрю на него? Ведь этим я себя не унижу в глазах света?

Первый вельможа. Вам невозможно себя унизить, ваше высочество.

Клотен. Я тоже так думаю!

Второй вельможа (*в сторону*). Ты такой отъявленный дурак и так низок, что ниже тебе уже не стать, как ни старайся.

Клотен. Пойду взгляну на этого итальянца! А то, что я проиграл в шары днем, отыграю у него сегодня вечером.

Второй вельможа. Я следую за вами, принц!

Клотен и первый вельможа уходят.

Второй вельможа

Могла же мать, лукавая как дьявол,
Родить осла такого! Нет преград,
Которых бы она не одолела

Умом своим, а олух, сын ее,
Не может вычесть двух из двадцати,
Чтоб вышло восемнадцать. – О принцесса,
Что терпишь ты, бедняжка, от отца,
Покорного раба своей жены,
Плетущей ежечасно злые козни!
От домогательств жениха – они
Тебе страшнее, чем изгнанье мужа,
Чем с ним разлука… Небо, укрепи
Твердыню чести в ней! Да не падет
Храм разума ее. Пошли ей сил,
Чтоб выстоять могла она в несчастье,
Соединиться с мужем наконец
И царский на главу надеть венец.

Уходит.

Сцена 2

Спальня Имогены. В углу стоит сундук. ***Имогена*** *читает, лежа в постели. В отдалении* ***Елена****.*

Имогена

Кто там? Елена, ты?

Елена

Да, да, принцесса.

Имогена

Который час теперь?

Елена

Подходит полночь.

Имогена

Читаю три часа; глаза устали.
Загни листок вот тут и спать ложись.
Не уноси свечу, пускай горит;
А если ты часа в четыре встанешь,
То разбуди меня. Я засыпаю.

Елена уходит.

Вверяюсь вам, о боги. Охраните
Меня от искусителей ночных
И духов злых, молю!

Засыпает. Из сундука вылезает ***Якимо****.*

Якимо

Трещит сверчок, и дух усталый ищет
Во сне отдохновенья. Так Тарквиний,
Раздвинув полог тихо, разбудил
Невинность оскорбленьем. Киферея!
Ты украшенье ложа своего,
Ты лилий чище и белее простынь.
О, если бы я мог тебя коснуться!
Один лишь поцелуй! Всего один…
Желанные уста ее – рубины,
Ее дыханье аромат струит;
Огонь свечи к ней клонится и хочет
Взглянуть под сень ресниц и увидать
Покровом нежных век прикрытый свет,
Струящийся из глаз ее лазурных…
Но должен я все в комнате запомнить
И записать… вон там окно… картины…
Они изображают… Ах, вот если б
Найти примету у нее на теле…
Ведь это было бы куда важнее,
Чем тысячи предметов обстановки,

Для подтвержденья лжи моей. О сон,
Ты обезьяна смерти, охвати
Ее сильней, чтоб Имогена стала
Бесчувственной, как изваянье в храме.
Стащу-ка я браслет с ее руки!

Снимает с ее руки браслет.

Снимайся же! Так снять его легко,
Как узел гордиев распутать трудно.
Он мой! И это столь же непреложно,
Как то, что муж ее сойдет с ума,
Едва его увидит. А вот здесь,
Под левой грудью, родинка у ней:
Пять пятнышек – как пять пурпурных точек
На венчике у буквиц. Вот улика!
Сильней не нужно даже и в суде.
Поверит Постум, что, сорвав замок,
Клад чести я украл. Чего же больше?
Зачем писать? Запечатлелось все
И в память врезалось. Она читала
Историю Терея; загнут лист
На месте, где сдается Филомела.

Пора опять в сундук. Замкну пружину.
Скорей, драконы тьмы! Не то рассвет
Заставит очи ворона ослепнуть.
Как страшно стало мне… Скорей назад!
Хоть ангел здесь, но в этих стенах ад.

Бьют часы.

Один, два, три – пора, пора мне скрыться.

Прячется в сундук.

Сцена 3

Комната, примыкающая к покоям Имогены. Входят ***Клотен и двое вельмож****.*

Первый вельможа. Вы, принц, поразительно спокойно относитесь к проигрышу. Я никогда не видал такого хладнокровного игрока.

Клотен. Когда проигрываешься в пух и прах, поневоле чувствуешь холод.

Первый вельможа. Но редко кто так мирится с проигрышем. Зато, выигрывая, вы становитесь сущим дьяволом.

Клотен. Еще бы! Выигрыш горячит и бодрит!

Овладеть бы мне только этой дурой Имогеной! Вот тогда бы я набил золотом карманы! — Что это? Светает?

Первый вельможа. Уже утро, принц.

Клотен. Так тащите сюда музыкантов! Мне советовали каждое утро преподносить Имогене порцию музыки!

Входят ***музыканты****.*

Живей! Живей! Настраивайте инструменты! Для начала сыграйте какую-нибудь штучку, а потом великолепнейшую арию с этакими забористыми словечками – вот тогда посмотрим, что будет. Если вам удастся расшевелить ее пальцами, я довершу дело языком. А не захочет, пусть делает что хочет.

Песня

Чу! Жаворонка песнь звончей
Несется с высоты;
Проснулся Феб – его коней
Росой поят цветы.
Открылись ноготков глаза
Златисты и чисты.

Как все прекрасное, вставай,
Любовь моя, и ты!
Вставай! Вставай!

Хватит! Проваливайте! Если это на нее подействует – честь и слава вашей музыке. Нет – так, значит, уши у нее с изъяном и, сколько ни пили конским волосом по бараньей кишке, – не поможешь.

Входят ***Цимбелин и королева***.

Второй вельможа. Король идет!

Клотен. Вот и чудесно, что я не ложился спать. Теперь можно сказать, что чуть свет — я уж на ногах! Король обрадуется, что я так люблю его дочь. С добрым утром, ваше величество, с добрым утром, матушка!

Цимбелин

Суровой нашей дочери ты ждешь
Здесь у дверей? Она не выходила?

Клотен. Я пытался атаковать ее слух музыкой, но она не обратила на меня ни малейшего внимания.

Цимбелин

Грустит она об изгнанном супруге,
Но время неминуемо сотрет
В душе ее печать воспоминаний;
Тогда она – твоя.

Королева

Ты королю
Обязан всем, тебя он превозносит
И хвалит дочери, он твой ходатай,
Но ты и сам пленить ее старайся,
Влюби ее в себя. Ее отказы
Пускай твое усердие умножат.
Пусть мнит она, что жизнь ты посвятил
Служенью ей; не спорь, не ссорься с нею,
Но, если с глаз она тебя погонит,
Стань глух и нем.

Клотен. Что? Глух и нем! Ну нет!
Входит ***гонец****.*

Гонец

Явились, государь, послы из Рима.
Средь них Кай Луций.

Цимбелин

Благородный муж!
Он прибыл к нам сейчас с недоброй целью,
Но в том не виноват и будет принят,
Как сан того, кем послан он, велик.
Он в прошлом нам оказывал услуги,
И мы должны почтить его. – Мой сын,
Поговорив с невестой, возвратись,
Чтоб вместе нам принять посла из Рима. –
Пойдемте, королева.

Цимбелин и королева уходят.

Клотен

Коль проснулась,
Я с ней поговорю, а если нет,
Пускай лежит и грезит.

(*Стучит в дверь.*)

Эй, откройте!
Служанки с ней… А если подкупить
Одну из них? Все двери распахнет

Пред нами золото. Оно заставит
Лесничих изменить самой Диане
И гнать ее оленя прямо к вору;
Невинного убьет, спасет злодея,
А иногда обоих в петлю сунет;
Все золото устроит и расстроит!
Найму-ка я ходатаем своим
Ее служанку. Сам я не мастак
В таких делах. Откройте, эй, откройте!

Входит ***придворная дама****.*

Дама

Кто здесь стучит?

Клотен

Вельможа.

Дама

Как! И только?

Клотен

А также сын весьма вельможной дамы.

Дама

Немногие из тех, кому портной
Обходится так дорого, как вам,
Похвастать могут этим. Что угодно?

Клотен

Принцессу мне. Она готова?

Дама

Да,
Готова в комнате своей остаться.

Клотен

Послушайте, вот золото, берите,
Мне слава добрая нужна.

Дама

Но чья же?
Моя? Иль я должна ославить вас?
Сюда идет принцесса.

Входит ***Имогена****.*

Клотен

Прекрасная сестрица, с добрым утром.
Позвольте ручку.

Имогена

С добрым утром, принц.

Хлопочете вы, право, понапрасну.

Вам в благодарность лишь скажу, что я

Настолько благодарностью бедна,

Что уделить ее вам не смогу.

Клотен

Но я клянусь в любви.

Имогена

Не все равно ли,

Клянетесь вы иль просто говорите –

Я слушать не хочу.

Клотен

Что за ответ?

Имогена

Я с вами говорю лишь для того,

Чтоб вы молчанье не сочли согласьем.

Оставьте наконец меня в покое;

Лишь резкость встретят ваши угожденья.

Ужель такому умнику, как вы,

Отказ мой непонятен?

Клотен

Вы безумны!
В таком безумье вас грешно оставить,
И я не согрешу.

Имогена

На этом свете
Лишь дураки с ума не сходят.

Клотен

Что?
Так я дурак?

Имогена

Раз я безумна – да.
Отстаньте – и пройдет мое безумье;
Мы оба исцелимся. Принц, мне жаль,
Что я приличья из-за вас забыла
И так резка. Раз навсегда поймите:
Я не люблю вас. Говорю открыто,
Свое проверив сердце. До того
Мне чуждо снисхожденье к вам, что вас

До глубины души я ненавижу.
Простите, но, пойми вы это сами,
Я не была бы так дерзка.

Клотен

Но вы
Грешите непокорностью отцу.
Ваш брак с безродным, недостойным нищим,
Которому из милости кидали
Объедки с царского стола, – не брак!
Пусть черни низкой, как и Постум ваш,
Разрешены те узы, от которых
Плодятся только нищие ублюдки, –
Но вы принцесса, вы от уз таких
Ограждены престолом, и не вам
Пятнать свой сан с рабом, отребьем грязным,
Наемником, рожденным для ливреи,
С каким-то приживалом, недостойным
Быть даже свинопасом.

Имогена

Негодяй!
Будь ты потомком солнца самого,
Знай, и тогда ты был бы недостоин
Его рабом назваться. Для тебя
Великой честью было бы служить
Подручным палача в его владеньях,
Где с ненавистью думали бы все,
Что ты не по заслугам вознесен.

Клотен

Чума его возьми!

Имогена

Всего обидней,
Что смеешь ты пятнать хулою низкой
Супруга моего. Его обноски
Дороже мне волос твоих, хотя бы
От каждого из них родился принц
Такой, как ты! – Пизанио, сюда!

Клотен

«Его обноски»!.. Дьявол побери…

Входит ***Пизанио****.*

Имогена

Пришли ко мне служанку Доротею.

Клотен

«Обноски»!..

Имогена

До сих пор еще дурак
Преследует меня, пугает, бесит.
Вели служанке поискать браслет.
Наверно, он упал с моей руки
Во время сна. Пусть перероют все!
Супруг мне подарил его, прощаясь,
И я вовек его не променяла б
На все сокровища любого царства.
Он, кажется, при мне был нынче утром,
А ночью, твердо помню, на руке,
Его я целовала, и надеюсь –
Не побежал он к мужу рассказать,
Что без него другого я целую.

Пизанио

Найдется он.

Имогена

Наверно. Поищите.

Пизанио уходит.

Клотен

Я вами оскорблен! «Его обноски»!

Имогена

Да, то мои слова. Подайте в суд.

Клотен

Я королю скажу.

Имогена

И королеве;
Она меня так любит, что поверит
И худшему. Итак, прощайте, принц,
Я оставляю вас. Беситесь вволю.

Уходит.

Клотен

«Его обноски»! О! Я отомщу!

Уходит.

Сцена 4

Рим. Комната в доме Филарио. Входят ***Постум и Филарио****.*

Постум

Синьор, не бойтесь! Я б хотел так верить,
Что милость короля верну я вновь,
Как верю в честь ее!

Филарио

Что ты предпринял
Для примиренья с ним?

Постум

Да ничего.
Быть может, переменится погода.
Пока что замерзаю я, хоть верю,
Что теплых дней дождусь; благословляю
Я вашу доброту; но, если рухнут
Надежды эти, вашим должником

Умру.

Филарио

Ты обществом своим и дружбой
За все с избытком платишь мне. Наверно,
Король уж принял Августа послов.
Кай Луций выполнит наказ успешно,
Получит дань, сберет все недоимки,
Иль римляне, которых не забыли
Еще в Британии, в нее ворвутся.

Постум

Хоть не политик я и им не стану,
Но полагаю – быть войне. Скорей
Услышит мир, что ваши легионы
В Британию вступили, чем известье,
Что дань платить мы согласились Риму.
Британцы ныне опытней, чем прежде,
Когда ваш Юлий Цезарь потешался
Над неуменьем их, хоть и не раз,
Смущенный их отвагой, хмурил брови.
Теперь же наше ратное искусство

И храбрость явствуют, что наш народ
Шагает в ногу с веком.

*Входит **Якимо**.*

Филарио

Уж вернулись?

Постум

Олени, видно, мчали вас по суше,
А ветры целовали паруса,
Гоня корабль обратно.

Филарио

Мой привет!

Постум

Надеюсь, из-за краткости ответа
Вернулись быстро вы?

Якимо

Супруга ваша
Прелестней всех, кого я в жизни видел.

Постум

И лучше всех. Иначе бы пленяла
Ее краса лишь лживые сердца,

Обманывая их.

Якимо

Вот вам письмо.

Постум

Приятное, надеюсь?

Якимо

Да, быть может.

Филарио

В Британию не прибыл ли при вас
Кай Луций храбрый?

Якимо

Там его все ждали,
Но он не прибыл.

Постум
(*читая письмо*)

Все пока отлично.
Еще сверкает перстень мой? Не стал
Он плох для вас?

Якимо

Что ж, проиграй я перстень,

Я б отдал золото. Но я готов
И вдвое дальше съездить ради ночи
Столь сладостной и быстро промельк-
нувшей,
Какую там провел. Ваш перстень –
мой!

Постум

Взять перстень трудно…

Якимо

Нет! Супруга ваша
Труд облегчила мне.

Постум

Не прячьте, сударь,
За шуткой неудачу. Нам друзьями
Не быть, конечно.

Якимо

Отчего же нет?
Ведь вы условье помните? Вернись я,
Не насладившись вашею женой, –
Мы дрались бы. Но говорю открыто –
Я выиграл и честь ее и перстень

И не обидел ни ее, ни вас,
Раз действовал с согласия обоих.

Постум

Докажете, что с ней делили ложе, –
Дам руку вам и перстень. Если ж нет –
За гнусный наговор на честь ее
Ваш меч иль мой хозяина лишатся,
Иль оба сразу пусть осиротеют
И подберет их кто-нибудь в пыли.

Якимо

Рассказ мой точен, вам придется верить.
Могу дать клятву – впрочем, вам едва ли
Потребуются клятвы…

Постум

Говорите!

Якимо

Итак, во-первых, спальня, где не спал я
(Признаюсь, было от чего не спать),
Коврами сребротканными обита;

Один из них изображает нам,
Как встретились Антоний с Клеопатрой;
Другой – как Кидн из берегов выходит
От спеси иль под тяжестью судов.
Работа так искусна, так богата,
Что спорит мастерство с ценою ткани.
Не мог я надивиться, сколь прекрасно
И ярко вытканo – все, как живое…

Постум

Да, верно. Но могли вы это слышать
От многих.

Якимо

Что ж, подробности иные
Рассказ мой подкрепят.

Постум

Давайте их,
Иль обвиню вас в клевете!

Якимо

Камин

На южной стороне украшен дивной
Фигурою купальщицы Дианы.
Столь совершенных статуй я не видел,
Ваятель просто превзошел природу!
Он дал богине жизнь; ей не хватает
Дыханья и движенья лишь.

Постум

И это
Могли вы слышать от кого угодно:
О ней толкуют много.

Якимо

Потолок
Амурами украшен золотыми.
Чуть не забыл! – Подставками камину
Два дремлющие купидона служат:
Они стоят, на факел опершись.

Постум

А честь ее при чем? Допустим, все
Вы видели, – хвалю я вашу память.
Но описанье обстановки – это
Еще не доказательство.

Якимо

Ах вот как!

Бледнейте, если можете.

Достает браслет.

Смотрите –

Одну вам драгоценность покажу.

Вы видели? Так… А теперь верните:

Ее соединю я с вашим перстнем

И спрячу хорошенько.

Постум

О Юпитер!

Еще раз дайте мне взглянуть… Тот самый?

Подарок мой?

Якимо

Я так ей благодарен.

Она сняла его – я до сих пор

Прелестное движенье это вижу,

Оно превосходило самый дар

И ценность увеличило его.

Браслет мне протянув, она шепнула,

Что прежде он ей дорог был.

Постум

Неправда!
Сняла она его, чтоб мне послать!

Якимо

Она так пишет, да?

Постум

О нет, нет, нет.
Вы правы. Вот, берите перстень мой!
Он ранит взор мне. Он, как василиск,
Убьет меня. Что ж это? Неужели,
Где красота, нет чести? Правды нет,
Где показное все, и нет любви,
Едва появится другой мужчина?
Обеты женщин так же ненадежны,
Как вся их добродетель напускная.
О, лживость без предела!

Филарио

Успокойся!
Возьми кольцо – еще не проиграл ты.
Она браслет могла и потерять,

Иль кто-нибудь служанку подкупил,
И та его украла.

Постум

В самом деле!
И он им завладел. – Отдай мне перстень.
Я требую улик верней. Скажи
Какую-нибудь тайную приметy
На теле у нее. Браслет украден!

Якимо

Юпитером клянусь, я взял браслет
С ее руки.

Постум

Вы слышите, клянется!
Юпитером клянется – значит, правда!
Нет, нет, она браслет не потеряла б;
Служанки все честны и не польстятся
На подкуп, да еще от чужеземца.
Да, ею он владел. И вот улика
Ее паденья. Дорогой ценой
Она купила званье шлюхи. – Вот!

Бери заклад! Пусть дьяволы разделят
Его с тобой.

Филарио

Приди в себя! Опомнись!
Все это недостаточно, не должен
Так слепо верить ты.

Постум

Ни слова больше!
Он ею насладился.

Якимо

Мало вам?
Тогда еще скажу – у ней под грудью,
Достойной ласк, есть пятнышко; гордится
Оно своим пленительным местечком;
Клянусь, я целовал его и голод
Вновь возбудил в себе, хоть был я сыт.
Вы помните то пятнышко?

Постум

О да!
И о другом пятне оно кричит,

Таком большом, что лишь в аду оно
Вместиться может, ад собой заполнив.

Якимо

Еще?

Постум

Брось арифметику свою!
Мне все равно, одна была измена
Иль миллион.

Якимо

Клянусь…

Постум

Нет, не клянись.
Поклявшись мне в противном, ты солжешь.
Убью, коль станешь отрицать, что мне
Рога наставил.

Якимо

Отрицать не стану.

Постум

Я растерзать готов ее сейчас!
Туда отправлюсь. Там покончу с ней
Я на глазах ее отца… Так будет…

Уходит.

Филарио

Он вне себя. Вы выиграли, сударь.
Пойдем за ним. Он в бешенстве способен
На все решиться.

Якимо

Что же, я готов.

Уходят.

Сцена 5

Там же. Другая комната. Входит ***Постум****.*

Постум

Ужель мужчине без участья женщин
Нельзя родиться? Да, мы все ублюдки!
И тот почтенный человек, кого
Отцом я звал, был неизвестно где,

В то время как какой-нибудь молодчик
Меня своим чеканил инструментом,
Фальшивую монету создавая.
И все же мать моя слыла Дианой,
Как и жена слывет. О мщенье! Мщенье!
Она стыдилась ласк моих законных,
Как часто, вся зардевшись, умоляла
Сдержать нетерпеливый пыл страстей
С такою скромностью и так смущаясь,
Что сам старик Сатурн воспламенился б.
Казалось мне, она была чиста
Как снег, не тронутый лучами солнца.
О дьявол! А смазливый итальянец
В один лишь час, да что там в час – в минуту,
И слова не промолвив одного,
Как досыта нажравшийся кабан
Лесов германских, только хрюкнул «хо» –
И взял ее. Не встретил никаких

Препятствий даже, разве лишь подумал,

Что встретит их, и ждал сопротивленья.

О, если б мог я истребить, исторгнуть

Все женское из собственного сердца!

От женщин в нас, мужчинах, все пороки.

От них, от них и мстительность, и похоть,

Распутство, честолюбье, алчность, спесь,

И злой язык, и чванство, и причуды!

Пороки все, какие знает ад,

Частично ль, целиком – да, целиком –

У нас от женщин! И в самих грехах

Они непостоянны!.. Все обман!

Спешат они, одним грехом пресытясь,

Сменить его на тот, что поновее.

Кричать о них я буду, бичевать,

Их проклинать и ненавидеть! Нет,

Чтоб мщение мое насытить вволю,

Молить я буду дать во всем им волю!

Сам дьявол худшей пытки им не сыщет!

Уходит.

Акт III
Сцена 1

Британия. Тронный зал во дворце Цимбелина. Входят с одной стороны ***Цимбелин, королева, Клотен и вельможи****; с другой —* ***Кай Луций со свитой****.*

Цимбелин

Итак, чего желает Август Цезарь?

Луций

Когда Кай Юлий Цезарь, о котором
Пребудет до скончанья века память,
Ваш край завоевал, Кассивелаун,
Твой славный дядя по заслугам чтимый
Победоносным Цезарем самим,
Дал обещанье об уплате Риму
Трех тысяч фунтов дани ежегодно.
Но ты ее не платишь.

Королева

И по праву

Платить не будет.

Клотен

Цезари родятся
В большом числе, но Юлий был один.
Британия сама – отдельный мир.
И за ношенье собственных носов
Платить мы не хотим.

Королева

Все, что у нас
Вы отняли, мы возвратить сумеем. –
Король мой, вспомните о ваших предках!
Наш остров укреплен самой природой;
Как парк Нептуна, окружен и замкнут
Грядою рифов, грозною пучиной,
Песками, что судов не примут вражьих,
Но засосут по мачты их. Сам Цезарь,
Хоть одержал подобие победы,
Не мог, воюя с нами, похвалиться
Своим «пришел, увидел, победил».
Впервые со стыдом он был отброшен

От наших берегов и дважды бит.
Суда его – игрушки в нашем море –
Носились, как скорлупки, на волнах,
Дробясь о скалы, и Кассивелаун,
Успехом окрыленный, был готов
(Изменчива Фортуна!) выбить меч
У Цезаря. Он город Люду ярко
Огнями озарил, вливая бодрость
В сердца британцев.

Клотен. Да что там долго толковать! Не будем мы больше платить дани, и все тут! Государство наше теперь посильней, чем было тогда, да и Цезарей таких больше нет. У нынешних носы, может, и погорбатей, да руки покороче.

Цимбелин. Сын мой, дай договорить королеве.

Клотен. Среди нас найдутся такие, у которых хватка не хуже, чем у Кассивелауна. Не скажу, что я из их числа, но и у меня тоже кулаки здоровые. Какая такая дань? Почему это мы должны платить ее? Вот если бы Цезарь завесил солнце простыней или луну себе в карман сунул — ну, тогда бы мы ему за свет платили. А теперь — дудки, не будет вам никакой дани, понятно?

Цимбелин

Ты должен знать, Кай Луций, что, пока
Нас не заставил дерзкий, хищный Рим
Платить вам дань, свободны были мы.
Но Цезарь в честолюбье безграничном,
Раздувшемся, заполнившем весь мир,
Надел на нас ярмо несправедливо,
С которым мы, воинственный народ,
Не захотим смириться никогда.
И Цезарю мы ныне заявляем:
Мульмуций предком нашим был; он создал
Законы наши. Их изранил Цезарь
Мечом своим – и мы своею властью
Должны восстановить и укрепить их,
Хотя бы Рим и гневался. Мульмуций,
Законодатель наш, из бриттов первый
Короной золотою был увенчан
И королем назвался.

Луций

Сожалею,
Что слышу эту речь. Великий Цезарь,
Под чьею властью больше королей,

Чем у тебя придворных, – ныне враг твой!

От имени его провозглашаю

Британии войну и разоренье.

Знай, беспощаден будет гнев его!

А за прием – благодарю.

Цимбелин

Будь гостем.

В сан рыцаря возвел меня твой Цезарь,

И я служил ему. Он дал мне честь,

Но, прежде чем ее отнимет вновь,

Я за нее сражаться буду насмерть.

Известно, что паннонцы и далматы.

Восстали за свободу. Не последуй

Мы их примеру доблестному, люди

Сочтут британцев трусами. Но трусов

Не встретит Цезарь здесь!

Луций

Война решит.

Клотен. Его величество рад вам. Проведите с нами денек-другой, а погостится, так и дольше. А

вернетесь к нам с иными намерениями, найдете нас на том же острове, опоясанном соленой водицей. Удастся вам выбить нас с острова — ваше счастье, берите его себе! Костьми поляжете — тем лучше, знатная закуска достанется вашим воронам. Другого ничего не скажешь.

Луций. Да, принц.

Цимбелин

Мысль Цезаря я знаю, он – мою.
А в остальном – я рад тебе, Кай Луций.

Уходят.

Сцена 2

Другая комната во дворце. Входит ***Пизанио****, читая письмо.*

Пизанио

Как! Неверна она? Что ж ты не пишешь,
Кто подлый клеветник! О мой хозяин,
Ужель твой слух податливый отравлен
Каким-нибудь коварным итальянцем,

Носящим яд на языке и в мыслях?
Ее в измене ты винишь? О нет!
Скорей за верность мучится она,
Не женщине подобна, а богине,
Снося такие горькие обиды,
Которые могли бы сокрушить
Любую добродетель! Господин мой!
Ты стал душою ниже, чем она,
Как прежде ниже был происхожденьем.
Ты требуешь, чтоб я во имя клятвы
Любви и долга, что я дал тебе,
Убил ее? Чтоб кровь ее я пролил?
Коль это значит хорошо служить,
Так мне усердным не бывать слугою.
Бесчеловечным ты меня считаешь,
Коль думаешь, что я решусь на это.

(*Читает.*)

«Исполни все. Она, прочтя письмо,
Сама тебе поможет». Лист проклятый!
Черней чернил, которыми написан!
Бесчувственный лоскут, и ты участ-

ник

Чудовищного, подлого злодейства,

Хоть с виду чист и бел! – Она идет.

Прикинусь, будто ничего не знаю.

Входит ***Имогена****.*

Имогена

Что нового, Пизанио?

Пизанио

Письмо, от господина моего.

Имогена

От твоего? Мой господин он, мой!

Ах, сколь великим слыл бы меж людьми,

Сколь глубоко грядущее постиг бы

Тот звездочет, который знал бы звезды,

Как почерк мужа знаю я. О боги!

Пусть эти строки о любви твердят,

О том, что он доволен и здоров

И лишь страдает от разлуки. Пусть!

Пусть он грустит из-за нее. Порой

Целительна и скорбь, а скорбь такая
Полезна для любви. Будь всем доволен,
Лишь не разлукой нашей. – Милый воск,
Сниму тебя. Благословенны пчелы
За воск, хранящий тайны. Молят разно
Богов любовники и должники.
Виновным ты грозишь тюрьмою, воск,
Но охраняешь тайны Купидона.
Весть добрую пошлите мне, о боги!

(*Читает.*)

«Ни грозный суд, ни гнев твоего отца, если он схватит меня в своих владениях, не смогут поразить меня, бесценная, если ты бросишь на меня свой животворный взор. Знай же, я нахожусь в Камбрии, в Мильфордской гавани; поступи так, как велит тебе твоя любовь. Я желаю тебе всяческого счастья, любимая, и остаюсь верным своим клятвам и любви, растущей с каждым днем. Леонат Постум».

Коня! Коня! Крылатого коня! –
Он в Мильфорде! Прочти! Дале-

ко ль это?
Коль тащатся из-за ничтожных дел
Туда неделю, я домчусь и в сутки!
Пизанио мой верный, ты ведь тоже
С ним жаждешь встречи, так же как и я?
Ах нет, не так, как я! Я – бесконечно,
Ты – меньше, правда? О, скажи скорей
И громче, громче. Ты, любви наперсник,
Ты должен слух мой радостью наполнить,
Рассудка голос заглушив. Далеко ль
Желанный Мильфорд? Как счастлив Уэльс,
Владея гаванью такой! Но прежде
Скажи, как ускользнуть нам из дворца?
Как объяснить часы отлучки нашей?
Но главное – как выбраться? Да нет!
К чему искать заране оправданий
Проступку, не свершенному еще?
Мы после их найдем. Ответь мне, сколько
Десятков миль проскачем за день мы?

Пизанио

По двадцать миль с рассвета до заката,
И то с большим трудом, принцесса.

Имогена

Что?
Да человек, плетущийся на казнь,
Не медлит так. Быстрей песка в часах,
Я слышала, на скачках кони мчатся.
Ах нет, все это глупости. Иди
Скажи моей служанке, чтоб она
Прикинулась больной и отпросилась
Домой к отцу. Немедленно достань
Простое платье для дороги мне,
Как у крестьянок здешних.

Пизанио

Госпожа,
Обдумать надо…

Имогена

Нет, вперед, вперед!
Все, что кругом, что справа, слева, сза-

ди,

Бледнеет, как в тумане, предо мной.

Беги же. Все исполнить не забудь.

О Мильфорд! Лишь туда ведет мой путь!

Уходят.

Сцена 3

Уэльс. Гористая местность. В скалах пещера. Из пещеры выходит ***Беларий****; за ним* ***Гвидерий и Арвираг****.*

Беларий

День слишком ясен, чтоб сидеть под крышей

Столь низкой. Сыновья мои, нагнитесь.

Вас учит этот вход склонять главу

Пред небесами в утренней молитве.

У королей так кровля высока,

Что и гигант пройдет под ней, не сняв

Чалмы надменной для поклона солнцу.

Так будь благословенно ты, о небо!

В пещере мы живем уж много лет,
Но благодарны более тебе,
Чем жители дворцов.

Гвидерий

Привет, о небо!

Арвираг

Привет!

Беларий

Теперь пора и на охоту –
Вам, легконогим, вон на тот утес,
А мне в долину. И когда я сверху
Вам покажусь с ворону, то заметьте,
Что место, на котором мы стоим,
Нас умалить иль возвеличить может.
Тогда припомните мои рассказы
О принцах, о дворцах, делах военных.
О том, что свет не по заслугам чтит,
А за уменье льстить. И, помня это,
Вы пользу извлечете из всего.
Утешьтесь тем, что жук коротко-крылый

Порой надежней защищен бывает,
Чем воспаривший в облака орел.
Поверьте, дети, наша с вами жизнь
Достойней прозябанья в суете
И вечном униженье. Мы богаче
Подачками живущих вертопрахов
И благородней щеголей нарядных,
Берущих в долг шелка свои; торговец
С поклоном провожает их, однако
Не вычеркнет из списка должников.
Нет! Мы счастливей их!

Гвидерий

Ты видел свет,
А мы еще бескрылые птенцы,
Гнезда не покидавшие; нам даже
Окрестный воздух незнаком. Конечно,
Коль счастье заключается в покое –
Мы счастливы. Ты, знавший столько горя,
Покою рад под старость. Но для нас
Такая жизнь в неведенье – темница,
И мы, как должники, порог ее

Переступить не смеем.

Арвираг

Что мы сможем,

Состарившись, как ты, поведать людям?

Как дни в пещере этой душной, мрачной,

Под шум дождя и злой декабрьский ветер

Мы станем коротать? Мир незнаком нам.

Как звери мы; хитрей лисы в охоте,

Смелей волков в погоне за добычей.

В чем доблесть наша? Затравить бегущих?

Из клетки сделав клирос, мы, как птицы,

Свою неволю сами воспеваем.

Беларий

Что слышу я! Когда б вы только знали

Всю мерзость городов! С придворной жизнью

Расстаться трудно, но еще труднее
Жить при дворе. Путь к славе – путь к паденью;
Так скользок он, что страх упасть страшней
Паденья самого! А ратный труд?
Ты ищешь славы в доблестном бою,
А смерть найдешь – тебя же и помянут
Позорною хулой за славный подвиг.
Как часто доблесть клеветой встречают!
И, что всего ужасней, ты покорно
Несправедливость вынужден сносить!..
О дети! Мир на мне прочесть бы мог
Всю эту повесть. От мечей врага
Я весь в рубцах; я был в зените славы,
Сам Цимбелин любил меня; едва
Речь заходила о храбрейших – тотчас
В устах у всех мое звучало имя.
Я был подобен дереву, что гнется
Под тяжестью плодов; и в ночь одну
Вор или вихрь – зовите как хотите –

Унес мою листву, меня оставив
Нагим под стужей.

Гвидерий

Как превратно счастье!

Беларий

Клянусь, за мною не было вины,
Но два лжеца монарху нашептали,
Что с Римом в тайный сговор я вступил,
И клевета их восторжествовала
Над честностью моей. Меня изгнали.
Уж двадцать лет, как этот лес и скалы –
Мой мир. Здесь на свободе я живу
И небу возношу хвалу усердней,
Чем в дни былые. – Но пора вам в горы.
Охотник быть не должен краснобаем.
Кто первый дичь подстрелит – тот король
На нашем пиршестве, другие двое –
Прислужники. Мы можем не бояться,
Что пищу нам предательски отравят,

Как во дворце. Мы встретимся в долине.

Гвидерий и Арвираг уходят.

Да, трудно подавить в себе природу.
Не знают юноши, что оба – принцы,
А Цимбелин – что живы сыновья.
Они меня своим отцом считают,
Но хоть взрастил я их в пещере низкой,
Где в рост не встать, и в бедности – однако
Они мечтой стремятся во дворец
И царственность природы их видна
Во всем, чему других и не научишь.
Так Полидор, наследник Цимбелина, –
Король его Гвидерием назвал, –
Когда, усевшись на трехногий стул,
Я речь веду о подвигах военных,
С восторгом пламенным внимает мне.
Едва скажу: «Так пал мой враг, а так
Я наступил ему ногой на шею», –
К его щекам кровь царственная хлынет,

Пот выступит, и в страшном возбужденье
Он жестами рассказ мой дополняет.
Брат младший Кадвал – прежде Арвираг –
К моим речам внимателен не меньше,
Свой нрав горячий выдавая… – Чу!
Они спугнули зверя… – О король!
Известно только совести моей
Да небу, что безвинно изгнан я
И потому твоих детей похитил,
Лишив тебя наследников, как ты
Лишил меня всего. А Эврифила,
Кормилица, им заменила мать,
И чтут они досель ее могилу,
Меня ж, Белария, – теперь я Морган –
Отцом зовут. – Да, началась охота!

Уходит.

Сцена 4

Местность близ Мильфорда. Входят ***Пизанио и Имогена****.*

Имогена

Сойдя с коня, сказал ты: «Мильфорд близко».
Сильнее, чем впервые рвется мать
К младенцу своему, я к мужу рвусь.
Пизанио! Где Постум? Что с тобой?
Зачем глядишь так дико? Что за вздохи?
Нарисовать бы так кого-нибудь –
И он казался б воплощеньем скорби.
Ах, измени свой страшный вид, иначе
С ума могу сойти я. Что случилось?
Ты так зловеще подаешь письмо!
В нем вести о весне? Так улыбнись!
Иль о зиме? Тогда твой вид уместен.

Пизанио подает ей письмо.

Рука супруга! Он в беде! Его
В проклятом этом Риме отравили?
О, говори скорей! Твои слова
Смягчат удар, а коль сама прочту –
Умру на месте.

Пизанио

Нет, прошу, читайте.
И вы увидите, как я, несчастный,
Судьбой наказан зло.

Имогена (*читает*). «Твоя госпожа, Пизанио, оказалась потаскушкой и опозорила мое брачное ложе. Сердце мое облилось кровью от доказательств ее измены. Я говорю не о каких-то ничтожных подозрениях; доказательства так же сильны, как мое горе, и так же верны, как, надеюсь, будет мое мщение. Ты должен отомстить за меня, Пизанио, если ее измена не поколебала твоей верности. Лиши Имогену жизни твоей собственной рукой. Эта возможность представится тебе в Мильфордской гавани, куда завлечет ее мое письмо. Если ты побоишься убить распутницу и не уверишь меня в ее смерти, значит, ты сообщник ее бесчестья и изменил мне так же как она».

Пизанио

Мне вынуть меч? Зачем, когда и так
Ей горло перерезало письмо?
Нет, жало клеветы острей меча,
Укус – опасней яда нильских змей;
Дыхание ее на крыльях бури

Летит, все уголки земли пятная,
Черня царей, цариц, и дев, и жен,
И даже тайны склепов отравляет
Ехидна клеветы. – Мой бог! Что с вами?

Имогена

Я – неверна?.. Что значит быть неверной?
Лежать без сна и думать о любимом
И плакать без конца? Глаза смежить,
Когда над горем верх возьмет усталость,
И тотчас в страшном сне его увидеть
И с криком пробудиться? Это значит
Неверной быть? Скажи!

Пизанио

Увы, принцесса…

Имогена

Я – неверна? Будь, Якимо, свидетель,
Когда винил ты Постума в распутстве,
Тебя я подлецом сочла. А ныне

Я вижу, ты не лгал. Он околдован
Какою-нибудь римскою сорокой,
Румянами наведшей красоту.
А я плоха, я – платье не по моде,
Но слишком дорогое, чтоб висеть
На стенке. Ну так режь меня, кромсай!
Предательство для нас мужские клятвы!
О мой супруг! Из-за твоей измены
Все доброе на свете стало злым
И лицемерным – нет добра для женщин,
Все фальшь, приманка!

Пизанио

Госпожа, постойте…

Имогена

Честнейшим людям верить перестали
Из-за лжеца Энея. Плач Синона
К святым слезам других убил доверье
И состраданье к подлинному горю.
Так, Постум, ты людей пятнаешь честных

Своим поступком. Благородство, доблесть –

В предательство, коварство обратились. –

Что ж медлишь ты, Пизанио? Скорей!

Хоть ты будь честным и приказ исполни.

А встретишь снова Постума – скажи,

Покорна я была. Вот посмотри,

Сама я вынула твой меч. Возьми же!

Рази приют любви невинный – сердце.

Не бойся: пусто в нем – одна лишь скорбь;

Там нет того, кто был его богатством.

Исполни же приказ, убей меня.

Был храбрым ты, но, кажется, сейчас

Ты трусишь?

Пизанио

Прочь, презренный меч! О нет,

Руки не оскверню тобой.

Имогена

Должна

Я умереть, и если это будет

Не от твоей руки, плохой слуга ты.

Самоубийство воспрещают боги,

И потому рука моя дрожит.

Скорей! Вот сердце… Грудь прикрыта чем-то?

Прочь! Прочь! Не надо сердцу лат. Пусть будет

Оно мечу послушно, как ножны.

Что это? Письма верного супруга?

Вы – ересь! Вы мою сгубили веру,

Не щит для сердца вы. Хоть может пастырь

Своею ложью обмануть глупцов,

В страданья ввергнув их, но и обманщик

От кары не уйдет!

О Постум, ты, заставивший меня

Ослушаться отца и государя

И предложенья принцев отвергать

С презрением надменным, – ты поймешь,

Что подвигом, какой нечасто встретишь,

Была любовь моя. Мне горько думать,

Что ты, устав от ласк любви продажной,

Вздохнешь с тоскою, вспомнив обо мне. –

Скорей! Торопит мясника ягненок:

«Где нож твой?» Медлишь ты приказ исполнить,

Желанный для меня.

Пизанио

О госпожа,

Я, получив приказ, лишился сна.

Имогена

Исполни – и заснешь.

Пизанио

Пускай я раньше

От бдения ослепну.

Имогена

Так зачем же

Ты взялся выполнить его? Зачем
За столько миль завез меня обманом?
Зачем мы здесь в столь поздний час? Зачем
Ты так старался? Лошадей загнал?
И взволновал моей отлучкой двор,
Куда я больше не вернусь? Зачем,
Настигнув лань, ты тетиву ослабил?

Пизанио

Чтобы, подольше время оттянув,
Уйти от злого дела. Госпожа,
Я план придумал. Выслушать меня
Прошу.

Имогена

Что ж, дай работу языку.
Я потаскушкой названа! Нельзя
Сначала сердце мне пронзить, а после
Перевязать его. Но говори.

Пизанио

Отсюда не вернетесь вы.

Имогена

Конечно;
Ведь ты убьешь меня.

Пизанио

Не потому.
Будь так умен, как честен я, мой план
Счастливым оказался б. Мой хозяин
Введен в обман каким-нибудь лжецом,
Жестоко оскорбившим вас обоих.

Имогена

Распутницей из Рима?..

Пизанио

Нет, клянусь вам!
Я напишу, что вы убиты мною.
Он приказал, и я пошлю ему
Кровавую улику вашей смерти.
Исчезновенье ваше из дворца
Все это подтвердит.

Имогена

А мне что делать?
Где жить? Скрываться? И к чему мне жизнь,

Раз для супруга буду я мертва.

Пизанио

Но стоит вам вернуться во дворец…

Имогена

Нет, ни к отцу, ни во дворец. Там Клотен,
Мучитель мой, ничтожный, грубый, наглый.
Он мне страшней, чем городу осада.

Пизанио

Тогда вам жить в Британии нельзя.

Имогена

Но где ж? А впрочем, разве солнце всходит
Лишь над одной британскою землею?
Британия – часть мира, но не мир –
В пруду большом гнездо лебяжье. Люди
Живут не только в ней.

Пизанио

Я очень рад,
Что мыслью вы в других краях. При-

будет

Посланник Рима Луций завтра в Мильфорд.

Когда б свой облик изменить могли вы,

Скрыв то, что вам при вашей горькой доле

Опасно обнаружить, вы б сумели

Вступить на путь надежд и жить счастливо

Близ Постума, хоть и не видясь с ним,

Но слыша каждый день о нем рассказы

Молвы правдивой.

Имогена

Я на все готова!

Пусть скромности моей грозит опасность,

Лишь бы не чести.

Пизанио

В этом-то и суть.

Забудьте, что вы женщина, отныне.

Пусть робость, нежность – вечные служанки

Всех женщин, а верней – их украшенье –
Уступят место дерзостной отваге,
Находчивости, пылкости; забудьте
О нежном цвете ваших щек – увы,
Иного средства нет, – пусть солнца луч
Целует жадно их. Забыть придется
Изящные наряды, безделушки,
Которым позавидовать могла бы
Сама Юнона.

Имогена

Говори скорее!
Мне ясен смысл твоих речей. Мужчиной
Себя уже я чувствую.

Пизанио

Сначала
Вам надо стать похожей на мужчину.
Я догадался сунуть в свой мешок
Камзол, штаны и шляпу, и другое,
Что будет нужно. Вы переоденьтесь,
Явитесь к Луцию и добивайтесь,

Чтоб взял он вас на службу. Расскажите,

В чем вы искусны; пойте для него;

Коль музыку он любит, то охотно

Возьмет вас. Человек он благородный

И, что всего важнее, строгих правил.

Я дам вам средства к жизни на чужбине

И буду впредь давать.

Имогена

Один лишь ты

Богами послан мне на утешенье.

Идем же. Надо многое обдумать,

Покуда время есть, и все уладить.

Сейчас я воин и на этот риск

Иду с отвагой царской. Но скорее!

Пизанио

Нет, госпожа, простимся. Во дворце

Меня не видя, могут заподозрить,

Что я ваш соучастник. Вот вам ларчик,

Дар королевы. В нем состав бесценный.

Какой бы вас ни одолел недуг,
Один глоток – и все пройдет. Возьмите.
Теперь за дело! Там, в тени деревьев,
Примите вид мужской, и да помогут
Вам небеса.

Имогена

Аминь. Благодарю.

Уходят в разные стороны.

Сцена 5

Комната во дворце Цимбелина. Входят ***Цимбелин, королева, Клотен, Луций и вельможи****.*

Цимбелин

Прощай! Счастливый путь.

Луций

Благодарю.
Мне Цезарь возвратиться повелел.
Поистине скорблю, провозглашая
Тебя врагом его.

Цимбелин

Народ не хочет
Под игом оставаться; а король,
Не поддержавший подданных своих,
Унизил бы свой сан.

Луций

Прошу тебя
До Мильфорда мне дать проводников.
Вам с королевою желаю счастья.

Цимбелин
(*вельможам*)

Вы будете посла сопровождать.
Ни в чем не нарушайте долг почтенья!
Прощай, Кай Луций.

Луций
(*Клотену*)

Вашу руку, принц.

Клотен

Даю ее как друг, но скоро станет
Она рукой врага.

Луций

Покажет время,
Кто победит. Желаю всяких благ.

Цимбелин

Посла до переправы через Северн
Не покидайте, господа. Привет!

Луций и вельможи уходят.

Королева

Ушел он хмурясь; нам гордиться должно,
Что мы причина этого.

Клотен

Тем лучше;
Войны желают храбрые британцы.

Цимбелин

Кай Луций в Рим уже послал известье
О происшедшем здесь. Пришла пора
Готовить всадников и колесницы.
Войска, что в Галлии стоят сейчас,
Пополнит Рим, снабдит необходимым
И двинет их на нас.

Королева

Теперь придется
Нам действовать решительно и быстро.

Цимбелин

Предчувствуя, как дело обернется,
Готовились к войне и мы. Но где,
Скажите, наша дочь? Не появилась
Она перед послом и не почтила
Нас утренним приветом. Как я вижу,
Строптивости гораздо больше в ней,
Чем послушания. – Позвать ее! –
Мы слишком снисходительны к ней были.

Один из вельмож уходит.

Королева

Мой государь! С тех пор как изгнан Постум,
Она к уединению стремится,
И рану эту исцелит лишь время.
Молю вас, резко с ней не говорите;

Чувствительна она; и для нее
Упрек – удар; удар же – смерть.

***Вельможа** возвращается.*

Цимбелин

Где дочь?
Чем непокорность может оправдать?

Вельможа

Ее покои заперты на ключ,
Как ни стучали – не было ответа.

Королева

Когда мы виделись в последний раз,
Принцесса умоляла извинить
Ее затворничество, уверяя,
Что только нездоровье ей мешает
К вам по утрам являться, и просила
Все это передать вам, но, простите,
Я в хлопотах забыла…

Цимбелин

Дверь закрыта?
Ее не видно? Небо, сделай ложным

Предчувствие мое!

Уходит.

Королева
(*Клотену*)

Ступай за ним.

Клотен

Я верного слугу ее Пизанио
Два дня не видел.

Королева

Все узнай. Ты слышишь?

Клотен уходит.

Пизанио – пособник Леоната!
Он взял мой яд. Ах, если б это зелье
Отсутствие слуги нам объяснило…
Ведь он в его целительность поверил.
Но где ж она? Куда исчезла вдруг?
Ах, если бы в отчаянье она
Или в пылу любви умчалась к мужу,
Себе готовя смерть или позор!..
Не все ль равно, каков ее конец?
Мне нужен лишь Британии венец!

***Клотен** возвращается.*

Ну как, мой сын? Узнал?

Клотен

Она бежала!
Король безумствует! Никто не смеет
Приблизиться к нему.

Королева

Ну что ж, тем лучше.
О, если бы, судьбу свою кляня,
Не дожил он до завтрашнего дня!

Королева уходит.

Клотен

Люблю и ненавижу Имогену.
Она красива – истая принцесса;
Другие все, и дамы и девицы,
Пред ней – ничто. Ах, черт, она сумела
Все лучшее соединить в себе!
Она затмила всех, и вот за это
Я и люблю ее. Но, мной гнушаясь
И Постума презренного избрав,
Она свой вкус позорит и теряет

Всю прелесть для меня. Вот потому
Ее я ненавижу, буду мстить ей –
Лишь дураки...

Входит ***Пизанио****.*

Кто здесь? Ах, ты?.. – Приблизься!
Ты, значит, строишь козни, мерзкий сводник?
Ах, негодяй! Где госпожа твоя?
Ну, живо отвечай! Иначе вмиг
Тебя к чертям отправлю.

Пизанио

О мой принц!

Клотен

Принцесса где? Юпитером клянусь,
Спросил в последний раз я! Пес! Мошенник!
Я вырву тайну у тебя из сердца
Иль
сердце вместе с тайной. С кем она?
Неужто с Постумом, с навозной кучей,
Где чести нет и зернышка?

Пизанио

Да что вы!

Как быть ей с ним? Когда ее хватились?

Он в Риме ведь.

Клотен

А где она? Стань ближе!

Свои увертки брось. Ответь мне толком,

Что с ней произошло?

Пизанио

Великий принц!

Клотен

Великий ты пройдоха!

Сейчас же говори, где госпожа?

Немедленно! Без «принцев» и «великих».

Ну? Смертный приговор себе подпишешь

Молчанием своим!

Пизанио

Вот, принц, письмо.

Там все, что о побеге госпожи
Известно мне.

Подает письмо.

Клотен

Посмотрим. Я за нею
До трона Цезаря намерен гнаться.

Пизанио
(*в сторону*)

Что делать мне? Иль это, или смерть.
Она далёко; не опасно ей,
Коль он за ней погонится.

Клотен
(*читая письмо*)

Ага!..

Пизанио
(*в сторону*)

Придется господину моему
Мне написать, что умерла она.
Прощай, о госпожа! Счастливый путь!
Скорей вернись. Благословенна будь!

Клотен

А письмо это не лжет?

Пизанио

Я полагаю, нет.

Клотен. Это рука Постума! Да, я ее знаю! — Эй, бездельник! Если ты перестанешь мошенничать и будешь верно служить мне, будешь точно и честно исполнять все мои приказания, какие бы они ни были бесчестные, то я буду считать тебя честным и можешь рассчитывать на мою помощь. Ты нужды знать не будешь, и я тебя вознесу.

Пизанио. Я согласен, мой добрый принц.

Клотен. Будешь ты служить мне? Ты так терпеливо и преданно служил этому нищему Постуму, что уж из одной благодарности станешь моим верным слугой. Будешь служить мне?

Пизанио. Буду, ваше высочество.

Клотен. Держи руку — вот тебе кошелек! Сохранилось у тебя какое-нибудь платье твоего бывшего господина?

Пизанио. Да, принц, у меня в комнате лежит то самое платье, в котором он прощался с госпожой перед отъездом.

Клотен. Иди и тащи сюда это платье. Пусть это будет твоей первой услугой. Ступай!

Пизанио. Иду, ваше высочество!

Уходит.

Клотен. Мне нужно застать ее в Мильфорде. Эх, черт, забыл спросить его, ну да это не уйдет. Вот так-то, Постум, негодяй ты этакий, я и убью тебя. Принес бы он поскорее платье! Она сказала — до сих пор у меня от этих слов сердце желчью исходит! — что обноски Постума ей дороже моей светлейшей особы, украшенной всеми моими достоинствами. Так вот в этих обносках Постума я насильно овладею ею, но прежде на ее глазах убью его. Вот тут-то она и увидит мою доблесть и раскается в своем высокомерии. Он будет повержен в прах, я надругаюсь над его трупом, а затем утолю свою страсть, но, чтобы еще сильнее поиздеваться над красавицей, проделаю все это в платье, которое она так высоко оценила. А потом пинками погоню ее обратно домой! Тебе доставляло удовольствие презирать меня, а мне радостно будет отомстить тебе.

Пизанио возвращается с платьем.

Клотен. Это то самое платье?

Пизанио. То самое, принц.

Клотен. А давно принцесса отправилась в Мильфорд?

Пизанио. Едва ли она уже успела туда добрать-

ся, ваше высочество.

Клотен. Отнеси платье в мою комнату; это твоя вторая услуга, а третья — никому ни слова не говори о моих намерениях. Будь только верен, и тебе не придется долго ждать повышения. Моя месть ждет меня в Мильфорде! Ах, будь у меня пара крыльев, я бы полетел за ней. Идем со мной и будь мне верен. (*Уходит.*)

Пизанио

Чтоб я тебе дал верности обет,
Предав моих господ? Не выйдет, нет!
Мчись в Мильфорд, там беглянки не найти.
О небо, охрани ее в пути!
Глупцу же ставь преграду за преградой;
Да будут лишь они его наградой!

Уходит.

Сцена 6

Уэльс. Перед пещерой Белария. Входит ***Имоген-на****, одетая мальчиком.*

Имогена

Теперь я знаю – трудно быть мужчиной!

Я так устала. Вот уже две ночи

Моя постель – земля. Не будь мой дух

Так тверд, занемогла бы я. Ах, Мильфорд,

Казался близким ты! Но вижу я,

Дома и те бегут от бедняков,

Лишая крова их. Путь указали

Два нищих мне, я сбиться не могла.

Ужель бедняк, изведавший невзгоды,

Обманет, зная, что обман его

Несет мученье ближним? Мы привыкли,

Что часто лгут богатые, и все же

В богатстве лгать постыдней, чем в нужде:

Ложь королей гнусней, чем ложь бездомных.

И ты солгал, супруг мой дорогой!

При мысли о тебе проходит голод,

А я ведь чуть не падаю. – Что здесь?

В пещеру дикую ведет тропинка?..

Не крикнуть ли? Нет, я боюсь. Но голод

Пред смертью храбрость придает. Довольство

И лень рождают трусов, а нужда –

Мать мужества. – Эй! Кто там? Человек –

Так отзовись! Дикарь – так жизнь мне дай

Иль отними! Эй!.. Тихо… Я войду,

Но выну меч, и если враг боится

Меча, как я сама, едва ль посмеет

Он на меня напасть. Пошли мне бог

Врага такого!

Входит в пещеру. Появляются ***Беларий, Гвидерий и Арвираг.***

Беларий

Ты, Полидор, из нас охотник лучший

И пиршества хозяин. Я и Кадвал –

Слуга и повар: таково условье.

Искусство и старанье погибают,

Не вдохновленные конечной целью!

Идемте же. Приправит голод славно
Обед неприхотливый наш. Усталость
На голом камне спит, зато лентяю –
Перина жестче камня. Мир тебе,
Приют наш скромный, сам собой хранимый.

Гвидерий

Как я устал!

Арвираг

Хоть я и обессилен
От голода, но сам не ослабел.

Гвидерий

Ведь есть у нас еще немного мяса
Холодного. Мы им и подкрепимся,
Пока поспеет дичь.

Беларий

Стой! Не входите!
Когда бы он не ел запасы наши,
Я принял бы его за божество.

Гвидерий

А что случилось там?

Беларий

Нет, это ангел!
Клянусь, что это дух! Воздушный эльф
В обличье юноши.

Имогена *выходит из пещеры.*

Имогена

Молю вас, сжальтесь!
Я звал у двери – никого! Ужасно
Мне есть хотелось. Я не вор. Вот плата,
Клянусь, я даже золота не взял бы,
Рассыпанного по полу…

Протягивает деньги.

Вот деньги.
Еду окончив, я бы на столе
Оставил их и снова в путь пустился
С молитвой за хозяев.

Гвидерий

Деньги, мальчик?

Арвираг

Пусть раньше золото и серебро
В грязь обратятся! Чтят их только те,
Кто грязных чтит богов.

Имогена

Вы рассердились?
Но если вы меня убить хотите
За мой проступок, знайте – я бы умер,
Не совершив его.

Беларий

Куда идешь ты?

Имогена

Спешу я в Мильфорд.

Беларий

Как тебя зовут?

Имогена

Фиделе. Захотел один мой родич
Из Мильфорда в Италию отплыть.
Я шел к нему, но, голодом томимый,

Взял пищу здесь.

Беларий

Мой мальчик, не считай
Нас дикарями; не суди о нас
По грубому жилищу. Будь нам гостем.
Уж поздний час. Мы угостим тебя,
Чем только сможем. Будем благодарны
Коль ужин с нами ты разделишь. – Дети,
Просите же.

Гвидерий

Будь женщиной ты, мальчик,
Я за тобой ухаживать бы начал,
Как за невестою.

Арвираг

А я доволен,
Что ты мужчина. Ты мне мил, как брат,
И я тебя встречаю, словно брата,
С которым был в разлуке. Мой привет!

Развеселись; ведь ты попал к друзьям.

Имогена
(*в сторону*)

Зачем не к братьям? Будь они мне братья,
Я не была б наследницей престола
И, цену потеряв свою тогда,
С тобою равной стала бы, мой Постум.

Беларий

Он чем-то опечален.

Гвидерий

Я хотел бы
Помочь ему.

Арвираг

И я. Ценой любых
Трудов, хлопот, усилий…

Беларий

Вот что, дети…

Беларий, Гвидерий и Арвираг шепчутся.

Имогена

О, если б на земле существовали
Такие короли, под чьим господством
Исчезли б рабство, голод и нужда;
Дворцы такие, где одна лишь совесть
Мерилом бы величия служила,
А не хвала льстецов! О, будь на свете
Такие короли – то и они
Не превзошли б своим величьем этих
Простых людей! Меня простите, боги,
Но, Постума измену испытав,
Хотела б я теперь мужчиной стать
И здесь остаться с ними.

Беларий

Так и будет…

(*Гвидерию и Арвирагу.*)

Пойдем готовить дичь.

(*Имогене.*)

Входи, мой милый,
Что за беседа на пустой желудок?
Мы после ужина тебя попросим

Поведать о себе все то, что сам
Захочешь рассказать.

Гвидерий

Прошу, входи.

Арвираг

Не так приятны жаворонку утро
И ночь сове, как ты приятен нам.

Имогена

Благодарю.

Арвираг

Прошу тебя, войди.

Уходят.

Сцена 7

Рим. Площадь. Входят ***два патриция и трибуны****.*

Первый патриций

Вот смысл указа Цезаря. Внимайте;
Ввиду того что посланы войска
Паннонцев и далматов усмирять,

А легионов, в Галлии стоящих,
Нам будет мало, чтоб начать войну
С мятежными британцами, наш Цезарь
Призвал патрициев принять участье
В походе на Британию. Назначил
Он Луция проконсулом. А вам
Велит немедля же вступить в войска.
Да здравствует наш Цезарь!

Трибун

Командует войсками Луций?

Второй патриций

Да.

Трибун

Он в Галлии сейчас?

Первый патриций

При легионах,
Которые обязаны пополнить
Набором вы. Указывает Цезарь
В приказе и число людей, и сроки
Отправки их.

Трибун

Мы выполним свой долг.

Уходят.

Акт IV
Сцена 1

Уэльс. Близ пещеры Белария. Входит ***Клотен****.*

Клотен. Если Пизанио верно описал мне, то встреча у них назначена где-то поблизости. Платье Постума пришлось мне впору, как по мерке. Отчего бы мне не прийтись по мерке и его возлюбленной? Ведь говорят, что женщине впору тот придется, кто к ней в пору подберется. Вот тут-то я и должен изловчиться. Раз нет ничего зазорного в том, что человек, находясь наедине с зеркалом, любуется собой, то могу признаться, что сложен я нисколько не хуже Постума. Я не моложе его, но сильнее; состояние мое не меньше, а положение повыше. Я знатнее его родом, искусен в делах государственных, а в поединке мне равного не найти. И все-таки эта взбалмошная дура, мне назло, любит его. Вот она, человеческая жизнь! Голова твоя, Леонат, все еще сидит на плечах, но через час слетит; возлюбленную твою я обесчещу, платье на ней изорву в клочья. А как покончу со всем этим, погоню красавицу пинками домой к отцу. Он, может быть, и посердится немножко за

такое грубое обращение с дочкой, но моя матушка умеет прибирать его к рукам, и все обернется так, что он еще меня и похвалит… Лошадь я привязал надежно. Ну, меч, вон из ножен! Трудная тебе предстоит работа! Эх, Фортуна, только отдай их в мои руки! По описанию это как раз похоже на то место, где у них назначена встреча; обмануть меня этот Пизанио не посмел бы.

Уходит.

Сцена 2

Перед пещерой Белария. Из пещеры выходят ***Беларий, Гвидерий, Арвираг и Имогена****.*

Беларий
(*Имогене*)

Ты нездоров? Останься здесь, а мы
Придем после охоты.

Арвираг
(*Имогене*)

Брат, останься;
Мы братья, правда ведь?

Имогена

Все люди братья.

Но зачастую, знатностью кичась,

Себя возвысить хочет плоть над плотью,

Хоть после смерти все лишь прах. Я болен.

Гвидерий

Охотьтесь без меня, я с ним останусь.

Имогена

Зачем? Не так опасно болен я

И не из тех, кто, прихворнув немного,

Уж видит смерть перед собой. Прошу вас,

Трудом своим обычным занимайтесь;

Привычку раз нарушить – все нарушить.

Да, болен я, но вы, со мной оставшись,

Помочь не в силах. Вид людей не может

Утешить тех, кто от людей бежит.

Не так мне плохо, если я об этом

Судить могу. Я дом стеречь останусь

И ничего не украду, поверьте,
Уж разве только самого себя,
А коль умру – невелика потеря.

Гвидерий

Люблю тебя, мой мальчик. Повторяю,
Люблю тебя не меньше, не слабее,
Чем своего отца.

Беларий

Как? Что такое?

Арвираг

Коль это грех – грешны мы оба с братом;
Пришелец этот стал мне странно близок.
Ты говорил – любовь необъяснима!
Да, если встанет у порога смерть,
Спросив, кто должен умереть, отвечу:
«Отец мой, а не мальчик!»

Беларий
(*в сторону*)

Вот она,

Кровь королей! Природное величье!
Ничтожество – отродие ничтожеств;
Рождает труса трус. В природе есть
Мука и отруби, позор и честь.
Пусть им я не отец, но отчего же
Для них стал мальчик ближе и дороже?.. –
Уже девятый час.

Арвираг

Брат, до свиданья!

Имогена

Успеха вам!

Арвираг

Тебе – здоровья. В путь!

Имогена
(*в сторону*)

О, как они добры! А мне казалось,
Что вне дворцов лишь дикари живут,
Но я совсем иное вижу тут.
Родит чудовищ глубина морей,
А вкусную форель – простой ручей.

Но мне все хуже. В сердце боль… Пизанио,

Приму твое лекарство.

Гвидерий
(*Беларию и Арвирагу*)

Ничего

Я не узнал: ответил мальчик только,

Что знатен он и честен, но бесчестно

Преследуют его.

Арвираг

И мне поведал

Он то же самое, но обещал,

Что позже все расскажет.

Беларий

Нам пора!

(*Имогене.*)

А ты здесь отдохни.

Арвираг

Мы ненадолго.

Беларий

И не хворай; ведь ты хозяйку должен
Нам заменить.

Имогена

Больной я иль здоровый,
Служить вам рад.

Беларий

Навек останься с нами.

Имогена уходит в пещеру.

Хоть юноша и бедствует, но видно –
Он знатен родом.

Арвираг

Он поет, как ангел.

Гвидерий

А стряпает как славно! Как умеет
Коренья резать, приправлять похлебку,
Как будто для стола больной Юноны.

Арвираг

Вы видели, как мило у него
Улыбка сочетается со вздохом?
Горюет вздох, что не улыбка он,

Улыбка ж потешается над вздохом,
За то что он мечтает улететь
Из храма своего и слиться с бурей –
Грозою моряков.

Гвидерий

Переплелись
Корнями в нем терпение и скорбь.

Арвираг

Расти, расти, терпение, а ты,
Сорняк негодный – скорбь, умри скорей
И виноградных лоз глушить не смей!

Беларий

Уже
светло. Поторопитесь! – Кто там?

Входит ***Клотен****.*

Клотен

Бродяг я этих так и не нашел.
Пизанио, подлец, надул меня.
Я изнемог!

Беларий

Бродяг? Уж не о нас ли?..

Он мне знаком как будто… Это Клотен,

Сын королевы. Нет ли здесь измены?

Его узнал я, хоть давно не видел.

Мы вне закона. Скрыться надо нам.

Гвидерий
(*Беларию*)

Он здесь один. Вы с братом посмотрите,

Не прячется ли кто еще в лесу.

Меня оставьте с ним.

Беларий и Арвираг уходят.

Клотен

Стой! Ты куда?

Бежать? Ты кто такой? Разбойник мерзкий?

Я знаю вас! Эй, низкий раб, ты кто?

Гвидерий

Не столь я низок, чтобы не проткнуть

Тебя своим мечом за это.

Клотен

Вор,
Грабитель, негодяй! Сдавайся, пес!

Гвидерий

Кому? Тебе? Ты кто? Иль у меня
Рука слабей твоей? Душа слабее?
Слова твои наглее, это верно,
Но не во рту ношу я свой кинжал.
Ты кто? Зачем тебе я сдамся?

Клотен

Раб!
Ты не узнал меня по платью?

Гвидерий

Нет!
Нахал! Твой дед, наверно, был портняжка;
Тебе он платье сшил, и лишь по платью
Ты человеком стал.

Клотен

Ах ты мерзавец!
Не мой портной мне это платье шил.

Гвидерий

Так убирайся и скажи спасибо
Тому, кто подарил тебе его.
Болван! Мне даже бить тебя противно.

Клотен

Ах, висельник, подлец, узнай, кто я,
И трепещи!

Гвидерий

Ну, кто же ты такой?

Клотен

Я Клотен, негодяй!

Гвидерий

Будь, Клотен, ты хоть дважды негодяй,
Я не боюсь. Будь ты паук иль жаба,
И то бы я скорей смутился.

Клотен

Знай
И цепеней – сын королевы я!

Гвидерий

Срамишь ты, значит, свой высокий род.

Клотен

Как, ты не испугался?

Гвидерий

Нет, нисколько!
Боюсь и почитаю я лишь умных!
А дурни мне смешны.

Клотен

Тогда умри!
Убью тебя своей рукой, а после
И тех двоих; на городских воротах
Повешу ваши головы. Сдавайся,
Дикарь несчастный!

Уходят, сражаясь. Входят ***Беларий и Арвираг****.*

Беларий

Ни души вокруг.

Арвираг

Нет никого. Ты, видимо, ошибся.

Беларий

Боюсь сказать. Прошли года, но время

Не изменило черт его лица;
Отрывистая речь и грубый голос
Все те же. Нет, конечно, это принц –
Уверен я.

Арвираг

Они вдвоем остались.
Дай бог, чтоб с братом он не начал ссоры…
Ты говоришь, опасен принц?

Беларий

Настолько
Он туп и недалек, что часто глупость
В нем гасит чувство страха, и не знает
Он удержу ни в чем. Но вот твой брат.

Входит ***Гвидерий****, в руках у него голова Клотена.*

Гвидерий

Дурак был этот Клотен, пустозвон!
Не мог бы выбить из него мозгов
Сам Геркулес – их не было в помине.

Не уничтожь его я, этот дурень
Мне б голову отсек своим мечом,
Как я сейчас ему.

Беларий

Что ты наделал!

Гвидерий

Я знаю что – снес Клотену башку.
Назвал себя он сыном королевы,
Кричал, что я разбойник, вор, бродяга,
Клялся своей рукой нас уничтожить,
Нам головы срубить, повесив их
На городских воротах!

Беларий

Мы погибли!

Гвидерий

Но почему, отец? Что нам терять?
Хотел он погубить нас. Ведь закон
Нам не защита – так ужель мы станем
Сносить его угрозы малодушно
Иль ждать, чтобы кусок спесивый мя-

са
Судьею нашим стал и палачом
Лишь потому, что вне закона мы?
А вы нашли кого-нибудь в лесу?

Беларий

Нет, ни души. Но вряд ли он явился
Сюда без свиты. Хоть непостоянен
Он был всегда и рвался от худого
К тому, что вдвое хуже, – ни причуда,
Ни полное безумье не смогли бы
В наш лес завлечь его. А может быть,
Слух во дворце прошел, что здесь живут
Опальные бродяги, что из них
Со временем собраться может шайка;
Вспылил он – это на него похоже –
И нас поймать поклялся. Но не верю,
Чтоб он один пошел. Не так он смел,
Да и пустили бы его навряд ли.
Боюсь, у нас есть основанье думать,
Что хвост у этой гадины, пожалуй,
Опасней головы.

Арвираг

Пускай свершится,
Что небом суждено, но брат мой прав.

Беларий

Сегодня мне не до охоты, дети;
Меня болезнь Фиделе беспокоит.

Гвидерий

Мечом, которым угрожал мне Клотен,
Отсек ему я голову. Я брошу
Ее в залив за нашею скалою;
Пускай плывет и хвастается рыбам,
Что красовалась на плечах того,
Кто был при жизни сыном королевы.
Мне дела нет!

Уходит.

Беларий

Боюсь, вам будут мстить.
Ах, лучше бы не ты его убил,
Мой храбрый Полидор!

Арвираг

Я должен был
Его убить и быть один в ответе.
Брат, я люблю тебя, но этот подвиг
Свершил ты мне на зависть. Пусть же кара,
Какой она ужасной ни была бы,
Падет на нас обоих.

Беларий

Что сделано, того не воротить.
Охотиться сегодня мы не будем.

(*Арвирагу.*)

Не стоит рисковать. Ступай в пещеру,
Хозяйничай с Фиделе, я же здесь
Ждать буду Полидора и приду
К обеду с ним.

Арвираг

Иду. – Ах, мальчик бедный!
Чтобы вернуть щекам твоим румянец,
Готов я сотню Клотенов убить
И не сочту себя бесчеловечным.

Уходит.

Беларий

Великая природа! О богиня!
Как дивно в этих юношах державных
Себя явила ты! Они нежны,
Как легкий ветерок, когда ласкает
Фиалку он, цветок едва колебля.
Но чуть вскипит в них царственная кровь.
Как оба станут схожи с буйным вихрем,
Который гнет вершины горных сосен
И клонит их в долину. Просто чудо,
Как возникают в них непроизвольно,
Без поучений, царственные чувства;
Как честь и долг без наставлений крепнут;
Учтивость – без примеров. Доблесть в них
Хоть и дика еще, но даст плоды,
Как при посеве тщательном. Однако
Зачем сюда явился этот Клотен
И что сулит нам смерть его?

Входит ***Гвидерий****.*

Гвидерий

Где брат?
Я вплавь отправил во дворец гонцом
Башку пустую Клотена, а тело
В залог оставил здесь.

Торжественная музыка.

Беларий

Что слышу я?
Заветный инструмент мой! Он звучит!..
Но почему привел в движенье струны
Твой брат?

Гвидерий

Он дома?

Беларий

Да, пошел туда.

Гвидерий

Молчала лютня с матушкиной смерти.

Я не пойму… Торжественные звуки

Сопутствуют торжественным событьям.

Что с ним? Пустой восторг, пустая скорбь –

Забава для детей и обезьян.

Не помешался ль Кадвал?

Возвращается ***Арвираг****, неся на руках бесчувственную* ***Имогену****.*

Беларий

Вот идет он

И объясненье скорбное несет

Вины своей.

Арвираг

Скончалась наша птичка,

Отрада наша. Лучше бы мне стать

В шестнадцать лет шестидесятилетним,

На костылях ходить, чем видеть это!

Гвидерий

Прекрасная, нежнейшая из лилий,

Ты вдвое краше на стебле была,
Чем на руках у брата!

Беларий

Горе, горе,
Кто глубину твою измерить может?
Где мера всем страданиям земным?
Прекрасный отрок! Знали только боги,
Кем стать ты мог! Увы, скончался ты
От злой тоски в расцвете юных лет…
Каким его застал ты?

Арвираг

Бездыханным.
С улыбкой на устах, как будто их
Не смерть стрелой, а бабочка коснулась;
Лежал щекой он правой на подушке…

Гвидерий

Где?

Арвираг

На полу; я думал, он заснул,
И даже обувь снял, чтобы шагами

Его не разбудить...

Гвидерий

Да, он заснул
Последним, вечным, непробудным сном.
Постелью гроб я сделаю ему,
Слетаться будут феи на могилу
И не посмеет червь в нее вползти.

Арвираг

Коль буду жив, Фиделе, я все лето
Печальную твою могилу стану
Цветами украшать. Увидишь ты
Подснежник белый, как твое лицо,
И колокольчик, голубее жилок
Твоих; и розы, аромат которых
Не сладостней дыханья твоего.
Их будут реполовы приносить
Тебе, к стыду наследников богатых,
Не ставящих надгробия отцам.
Когда ж цветов не будет, я укрою
Могилу мхом от стужи.

Гвидерий

Хватит, брат,
По-женски причитать. Слезам не время.
Час похорон настал! Не нарушай
Наш скорбный долг своим бесплодным воплем.
Давай же выроем могилу.

Арвираг

Где?

Гвидерий

Близ Эврифилы, матери любимой.

Арвираг

Пусть будет так. Послушай, брат, хоть голос
С годами погрубел у нас, споем
Ту песню, что над матерью мы пели.
Слова оставим те же и мотив,
Лишь «Эврифилу» сменим на «Фиделе».

Гвидерий

Нет, Кадвал, не могу.

Рыдания расстроят нашу песню,

А в скорбном пенье фальшь звучит ужасней,

Чем слово лжи в устах жреца во храме.

Арвираг

Тогда мы просто скажем их.

Беларий

Я вижу,

Большое горе – меньшее целит;

Забыли мы о Клотене совсем.

Он враг наш и наказан по заслугам,

Но он – сын королевы; и хотя

В могиле нищий и вельможа равны,

Но долг почтенья, суетный, как мир,

Предать земле по-разному велит их.

Раз Клотен – принц, хоть он убит, как враг,

Должны мы схоронить его, как принца.

Гвидерий

Терсита труп Аякса трупу равен.

Неси его сюда.

Арвираг

Ступай, отец,
Мы песнь свою прочтем.

Беларий уходит.

Брат, начинай!

Гвидерий
(*укладывают Имогену*)

Нет, положи его лицом к востоку,
Как нас учил отец.

Арвираг

Да, да, ты прав.

Гвидерий

Так повернем его.

Арвираг

Теперь начнем.

Гвидерий

Для тебя не страшен зной,
Вьюги зимние и снег,
Ты окончил путь земной
И обрел покой навек.

Дева с пламенем в очах
Или трубочист – все прах.

Арвираг

Все прошло – тиранов гнет,
Притеснения владык.
Больше нет ярма забот,
Равен дубу стал тростник.
Царь, ученый, врач, монах
После смерти – все лишь прах.

Гвидерий

Не страшись ни молний ты…

Арвираг

Ни раскатов громовых…

Гвидерий

Ни уколов клеветы.

Арвираг

Радость, скорбь – не стало их.

Оба

Кто любовь таил в сердцах,
Все, как ты, уйдут во прах.

Гвидерий

Злобных сил не знай ты…

Арвираг

Духам не внимай ты…

Гвидерий

Ада не страшись ты…

Арвираг

К небу вознесись ты.

Оба

Спи среди цветов и трав,
Память вечную снискав.

***Беларий** возвращается с телом Клотена.*

Гвидерий

Обряд свершен. Сюда положим тело.

Беларий

Вот им цветы. Еще достану в полночь.
Омытые ночной росой прохладной,
Они подходят больше для могил.
Прикроем их тела. – Вы как цветы;
Увяли вы, они увянут тоже. –

Идем. Помянем мертвецов молитвой.
Земля дала их и взяла к себе;
Конец их горю, счастью и борьбе.

Беларий, Гвидерий и Арвираг уходят.

Имогена
(*просыпаясь*)

Да, в Мильфорд, сударь. Как туда пройти?
Благодарю… Тем лесом?.. А далеко?
О небеса! Ужель еще шесть миль?
Я шла всю ночь… Прилягу тут…

(*Видит тело Клотена.*)

Ах нет,
Никто не нужен мне на ложе. Боги!
Цветы передо мной – земная радость!
И тут же скорбь земная – труп. Я сплю…
Казалось мне, я стерегла пещеру
И честным людям стряпала обед…
Но нет, не так… То был обман… Стрела,
Летящая из ничего в ничто,

Пустое порождение мечты.
Наш взор, как и рассудок, часто слепы.
Дрожу… боюсь. Но если в небесах
Еще осталась капля состраданья,
Такая малая, как глаз у пташки,
Частицу мне, о боги, уделите!
Я сплю еще… Проснусь – и длится сон
Внутри и вне меня… Вернулись чувства!..
Безглавый труп!.. Ах, Леоната платье!
Его нога… Рука его… Нога
Меркурия и стан, достойный Марса…
И плечи Геркулеса… Где ж лицо?
Лицо Юпитера? Иль убивают
И небожителей? Он обезглавлен?
На голову Пизанио обрушьтесь,
Проклятия Гекубы и мои!
С ним сговорившись тайно, дьявол Клотен
Убил здесь мужа! Пусть отныне будут
Предательством и чтение и письма! –
Проклятый раб! Письмом своим под-

ложным
У лучшего на свете корабля
Сломал ты мачту, негодяй! – Увы,
Где голова твоя, мой Леонат?
Мог в сердце поразить тебя Пизанио,
Но голову оставить… Кто ж убийца?
Пизанио, да, это он и Клотен!
Виной всему корысть и злоба. Ужас!
Он дал питье живительное мне…
Уж не оно ль все чувства умертвило?
Еще улика! Клотен и Пизанио!
Убийцы! Милый, дай твоею кровью
Окрасить щеки бледные мои,
Чтоб мы страшнее показались тем,
Кто нас найдет. О Постум! Властелин мой!
(Припадает к трупу.)

Входят ***Луций, военачальник, несколько римских офицеров и прорицатель****.*

Военачальник

По вашему приказу легионы
Из Галлии приплыли. Вас они

Ждут вместе с флотом в Мильфорде. Войска
Готовы к бою.

Луций

Есть из Рима вести?

Военачальник

Патрициев и жителей границ
Сенат призвал. Их рвенье и отвага
Успех нам предвещают. Брат Сиенны,
Отважный Якимо ведет войска.

Луций

Когда вы ждете их?

Военачальник

С попутным ветром.

Луций

Такая быстрота – залог победы.
Теперь мы смотр войскам произведем.
Отдай приказ.

(*Прорицателю.*)

А что, скажи, мой друг,

Нам сны твои вещают о войне?

Прорицатель

Постился долго я, моля богов,
И прошлой ночью было мне виденье:
Орел Юпитера сюда, на запад,
Летел с далеких южных берегов
И скрылся в золотом сиянье солнца,
А это значит – коль не помрачили
Грехи мой дар провиденья, – что римлян
Победа ждет.

Луций

Пусть будут сны такие
Нелживыми
и частыми. – Но что тут?
Безглавый труп?.. О, судя по обломкам,
Строенье было славное. Кто это?
Паж? Мертв он или спит? Скорее мертв.
Чуждается природа ложа смерти,
Не спят живые с мертвыми. Взглянуть

Хочу я мальчику в лицо.

Военачальник

Он жив.

Луций

Тогда он скажет, кто убит. – Эй, мальчик,
Поведай о судьбе своей. Она
Достойна любопытства. Кто служил
Тебе кровавым изголовьем? Кто
Разрушить смел творение природы?
Иль ты причастен к этому убийству?
Как все произошло? Кто он такой?
Ответь нам. Кто ты?

Имогена

Я ничто. Вернее,
Хотел бы стать ничем. То господин мой,
Британец храбрый, добрый человек,
Убитый жителями гор. Увы!
Таких господ, как он, на свете нет!
Пусть обойду я запад и восток,

Пусть я найду себе других хозяев,
Пусть буду верно им служить – нигде
И никогда такого господина
Не будет у меня.

Луций

Ты славный мальчик,
Твоей печалью тронут я не меньше,
Чем смертью господина твоего.
Кто он, дружок?

Имогена

Ричард дю Шан.

(*В сторону.*)

Я лгу,
Но в этом нет вреда. Надеюсь, боги
Простят мне ложь.

Луций

Как звать тебя?

Имогена

Фиделе.

Луций

Да, это имя по тебе. Оно
Достойно верности твоей, а верность
Достойна имени. Служить мне хочешь?
Хоть я не так хорош, как твой хозяин,
Но я тебя любить не меньше буду.
И если бы в письме ко мне сам Цезарь
Достоинства твои превозносил,
Он больше о тебе сказать не мог бы,
Чем ты сейчас сказал. Идем со мной.

Имогена

Но прежде господина я зарою
В могилу так глубоко, как смогу;
Листвой ее засыплю и цветами.
Произнесу над нею сто молитв,
Слезами орошу, вздыхая тяжко,
А там уж к вам пойду, коль вам угодно
Принять меня.

Луций

Я для тебя, мой милый.
Скорей отцом, чем господином, стану. –

Друзья!

О долге мальчик нам, мужам, напомнил.

Среди цветов мы выроем могилу

Мечами. Поднимите труп. – Мой мальчик,

В знак уваженья и любви к тебе

Почтим мы господина твоего,

Как воина, похоронив его.

Утешься же, утри глаза. Подчас

Паденье может и возвысить нас.

Уходят.

Сцена 3

Комната во дворце Цимбелина. Входят ***Цимбелин, вельможи, Пизанио и слуги****.*

Цимбелин
(*слуге*)

Узнай, что с королевой.

Один из слуг уходит.

С той поры

Как принц исчез, она в безумье впала.
О небеса, какая злая кара
Ниспослана мне вами! Дочь моя,
Моя отрада, скрылась. Королева –
На ложе смерти. Нам война грозит,
И принц, столь нужный мне сейчас, пропал.
В отчаянье я от ударов этих!

(*К Пизанио.*)

Ты, раб лукавый, знаешь, где она!
Не лги, что ты здесь ни при чем. Иначе
Заговоришь под пыткой.

Пизанио

Государь.
Казните, но, клянусь вам, я не знаю,
Где госпожа, зачем она ушла,
Когда вернется, – ничего не знаю.
Я ваш слуга покорный, государь.

Первый придворный

Он вам не лжет. Когда принцесса скрылась,

Его видали здесь. Слуга он верный,
А принца ищут всюду и найдут.

Цимбелин

Тревожные настали времена.

(*К Пизанио.*)

На этот раз ты вывернулся, раб,
Но ты на подозренье!

Первый придворный

Повелитель!
Уж легионы галльские на берег
Сошли, а в подкрепленье к ним сенат
Прислал отряд патрициев из Рима.

Цимбелин

Как нужен мне совет жены и принца!
Я стал в тупик…

Первый придворный

Но, государь великий,
Нам хватит войск, чтоб встретиться с врагом.
Не только к ним – и к нам придет подмога,

Лишь прикажите действовать. Давно мы

Приказа ждем.

Цимбелин

Благодарю. Ну что ж,

Судьбу мы смело встретим. Угнетает

Меня не то, что Рим готовит нам,

А горести семейные. – Идем!

Уходят.

Пизанио

Не пишет господин мой – нет ответа

На весть о смерти Имогены. Странно!

Не слышно и о ней, а ведь хотела

Она писать мне часто. Что могло

Случиться с принцем? Я в большой тревоге.

Но справедливость есть еще на небе!

Во имя верности я изменяю

И лгу, чтоб честным быть. Война докажет,

Как верно я служу своей отчизне,

Иль пусть паду в бою. Рассеет время

Сомненья остальные. Иногда
Без кормчих в порт судьба ведет суда.

Уходит.

Сцена 4

Уэльс. Перед пещерой Белария. Входят ***Беларий, Гвидерий и Арвираг****.*

Гвидерий

Тревога поднялась.

Беларий

Уйдем подальше.

Арвираг

Нет смысла в жизни, если избегать
Опасных подвигов.

Гвидерий

К чему таиться?
Нас, как британцев, римляне казнят
Или свои, сочтя за бунтарей,
Служить заставят, а потом убьют.

Беларий

Уйдемте, дети, в горы. Там спокойней.

Нам путь к своим закрыт. Безвестны мы

И в списки войсковые не попали.

Смерть принца может привести к расспросам,

Кто мы, где жили, и признанье вырвать,

А наказание за это – смерть

Под пыткою.

Гвидерий

Отец мой, не к лицу

Тебе в такое время опасенья;

И нас не убедишь ты, нет!

Арвираг

Едва ли,

Услышав ржанье римских лошадей

И увидав костры врага вблизи,

Британцы в ожидании сраженья

Решатся тратить время, выясняя,

Кто мы, откуда здесь.

Беларий

Но ведь знаком
В войсках я многим. Клотена не видел
Я много лет, но все ж его узнал я.
Король не стоит ни моих услуг,
Ни преданности вашей.
Изгнание мое виной тому,
Что воспитанья вы не получили,
Что жили в бедности, лишившись счастья,
Которого вы вправе были ждать;
Что летом вы палящий зной терпели
И, как рабы, тряслись зимой от стужи.

Гвидерий

Нет, лучше смерть, чем эта жизнь! Отец,
Молю, идем к войскам. Никто не знает
Ни брата, ни меня; тебя забыли;
Ты постарел и стал неузнаваем.

Арвираг

Клянусь блистаньем солнца, я иду!
Я не видал, как смерть встречает воин

В сражениях. Я видел только кровь
Трусливых зайцев, горных коз и ланей.
Коней не знал я, кроме жалких кляч,
Удил и шпор не ведавших. Под стать
И всадник им такой, как я. Мне стыдно
Смотреть на солнце, жить его теплом
И пребывать в ничтожестве безвестном.

Гвидерий

Клянусь, и я пойду. Благослови
Меня, отец. Тогда в бою не стану
Я рисковать напрасно. А не пустишь –
Я все равно пойду; и ты судьбою
Наказан будешь тем, что я в сраженье
Умру от рук врагов.

Арвираг

И я. Аминь!

Беларий

Коль юной жизнью вы не дорожите,
Зачем же старость мне тогда беречь?

Да будет так! Иду я с вами, дети,
И, если суждено вам пасть в бою,
Я вместе с вами смерть приму свою!
Вперед! Вперед! Сказалась кровь царей,
Кипит она и рвется в бой скорей!

Уходят.

Акт V
Сцена 1

Британия. Римский лагерь. Входит ***Постум*** *с окровавленным платком в руках.*

Постум

Я сберегу тебя, платок кровавый, –
Я сам хотел тебя таким увидеть.
Мужья! Когда б вы все так поступали,
Любой проступок мог бы погубить
Вернейшую из жен. – Нет, мой Пизанио,
Не все приказы нужно выполнять,
А только справедливые. – О боги,
Зачем меня не покарали вы
И дали мне дожить до этой пытки?
Зачем вы Имогену не спасли
Для жизни, полной горести? Зачем
Меня, злодея, не сгубили? Ах,
Любя иных, вы их к себе берете
За малый грех, от большего спасая;
Другим же позволяете свершать

Грех за грехом, один другого хуже,
И те живут, в чудовищ превращаясь.
Она теперь у вас! Так дайте, боги,
Мне силу покориться вашей воле.
Сюда из Рима прибыл я сражаться
С отчизною своей. – О нет, Британия,
Довольно и того, что я убил
Твою принцессу. Ран тебе я больше
Не нанесу. – Внимайте, боги, мне:
С себя сниму я римскую одежду,
Крестьянином простым переоденусь,
Сражаться буду против тех, с кем прибыл,
И смерть в бою приму за Имогену!
Ведь жизнь сама и каждый вздох – мне смерть!
Не узнанный никем, ни в ком не вызвав
Ни злобы, ни участья, ни любви,
Себя предам я смерти. Пусть узнают
О доблести моей, хоть и таилась
Она под рубищем раба. О боги!
Пошлите вновь мне силу Леонатов!

Надменный мир хочу я научить
Не внешний блеск, а силу духа чтить.

Уходит.

Сцена 2

Поле сражения между британским и римским лагерями. Входят с одной стороны ***Луций, Якимо и римское войско****, с другой стороны —* ***британское войско****. За ними следует* ***Постум*** *как простой воин. Они проходят через сцену. Затем входят, сражаясь, Якимо и Постум. Постум побеждает Якимо, обезоруживает и уходит, оставив его одного.*

Якимо

Великий грех отяготил мне душу
И мужества лишил. Оклеветал
Я женщину, британскую принцессу,
И воздух здешний, словно мстя за это,
Все силы отнял у меня. Иначе
Как мог меня, искусного в бою,
Сразить простой мужлан? Мой сан и званье –

Стыда источник ныне и страданья.

Британия! Коль рыцари твои

Еще сильней, чем этот раб убогий,

То мы ничтожны, а британцы – боги!

Уходит.

Битва продолжается. Британцы бегут. Цимбелин захвачен в плен. Входят, спеша ему на помощь, ***Беларий, Гвидерий и Арвираг.***

Беларий

Стой! Все назад! За нами поле битвы!

Теснина – наша! Нам страшна лишь трусость!

Позор бегущим! Стой!

Гвидерий и Арвираг

Назад! Сражайтесь!

Входит ***Постум*** *и бьется на стороне британцев; они освобождают Цимбелина и уходят. Входят* ***Луций, Якимо и Имогена.***

Луций

Прочь с поля битвы, мальчик, жизнь спасай!

Свои своих разят, полны смятенья;

Бой ослепляет разум.

Якимо

Подошло
К ним подкрепление.

Луций

Как странно бой
Вдруг обернулся! Если помощь к нам
Не подоспеет – отступать придется.

Уходят.

Сцена 3

Другая часть поля сражения. Входят ***Постум и британский вельможа****.*

Вельможа

Оттуда ты, где наши бьются?

Постум

Да.
А вы из беглецов, как видно?

Вельможа

Да.

Постум

Винить вас трудно. Нам конец пришел бы,
Не помоги нам небо. Сам король
Уже отрезан был; ряды смешались;
В теснине узкой можно было видеть
Лишь спины отступающих британцев.
Резню противник начал, кровь почуяв
И видя пред собою больше жертв,
Чем он имел мечей; кто был изрублен,
Кто ранен, кто перепугался насмерть.
В теснине выросла гора убитых
И трусов, в спину раненных, которых
Позорный ждал конец.

Вельможа

Где та теснина?

Постум

Близ поля битвы, между двух откосов.
В теснине этой вдруг старик явился –
Отважный воин, подвигом своим,
Свершенным для отчизны, доказавший,

Что дожил он недаром до седин.
С ним было двое юношей, которым
Пристало бы скорей играть в пятнашки,
А не участвовать в бою кровавом;
Их лица, словно девичьи, скрывать
От холода должна была бы маска –
Они ж загородили вход в теснину,
Крича бегущим: «Жизнь спасает бегством
Олень, а не солдаты! К черту трусов!
Назад! Не то мы римлянами станем
И, как скотов, вас будем бить за то,
Что вы бежите, как скоты. Назад!
Лицом к врагу! Спасенье только в этом!»
Да, эти трое стоили трех тысяч.
Три смельчака таких в бою дороже,
Чем рать бездельников. И с криком «Стой!»,
Проходом узким пользуясь искусно,
Еще искусней доблестью своей,
Способной прялку превратить в ко-

пье, –
Они зажгли огонь в погасших взорах;
Проснулся у бегущих стыд, а с ним
И мужество вернулось и отвага;
И те, кто струсил, глядя на других
(Будь проклят тот, кто первым дрогнет в битве!),
Вернулись вновь и бросились, как львы,
На вражьи копья. Дрогнул неприятель,
Нарушил строй, и началось смятенье;
И те, кто прежде шли вперед орлами,
Теперь назад бежали, как цыплята.
Переменилось все в одно мгновенье –
Вдруг стали победители рабами.
К сердцам бегущих отыскал дорогу
Зов, брошенный им вслед, и трус недавний,
Воспрянув духом, стал полезен нам,
Как иногда сухарь в походе тяжком.
О небо! Как ударили британцы
На мертвых, раненых, живых, своих же,
Напором смятых! Если раньше десять

От одного бежали, то теперь
Один гнал двадцать. Кто предпочитал
Погибнуть, но не драться, тот теперь
Был для врага грозой.

Вельможа

Однако странно:
Теснина… двое юношей и старец…

Постум

Вам странно это? Склонны вы скорей
Дивиться подвигам, чем их свершать?
Хотите, зарифмую этот случай
Вам на потеху? Слушайте мой стих:
«Старик и два юнца, заняв теснину,
Нам счастье принесли, врагу – кончину».

Вельможа

Ты сердишься?

Постум

Нет, я дружить готов
С тем, кто бежит трусливо от врагов;
В согласии с привычкою своей,

Он и от дружбы убежит моей… –
Вы довели меня до виршеплетства.

Вельможа

Прощай. Ты сердишься.

Уходит.

Постум

Опять бежишь? –
Вельможное ничтожество! Быть в битве
И у меня расспрашивать о ней!
Иной, спасая шкуру, честь позорил,
Иной бежал – и все ж погиб, а я,
Хранимый горем, словно чародейством,
Смерть не обрел там, где она царила.
Смерть, страшное чудовище, таится
Порой в бокалах, в ласковых речах,
На мягком ложе – много слуг у смерти
Помимо тех, кто носит меч. Нет, я
Найду ее. Сражался я за бриттов,
Но больше я не бритт. Надену платье,

В котором прибыл. Воевать не стану
И сдамся первому, кто руку мне
Положит на плечо. Был враг жесток,
Но будут мстить жестоко и британцы.
Мне искупленье – смерть. О ней мечтал,
На той, на этой стороне искал;
Но, где ее ни встречу, здесь иль там, –
За Имогену жизнь свою отдам!

Входят ***два британских военачальника и воины.***

Первый военачальник

Хвала богам! Взят Луций в плен. А старца
И юношей считают за богов.

Второй военачальник

Там был еще один – иль раб, иль нищий;
Он бился как герой.

Первый военачальник

Да, говорят;

Но он исчез куда-то. – Стой! Ты кто?

Постум

Я римлянин!
И не блуждал бы тут, когда бы все,
Как я, сражались.

Второй военачальник

Взять его! Собака!
Ты не вернешься в Рим, чтоб рассказать,
Как вороны клевали вас. Ты дерзок
И, видно, знатен. К королю его!

*Входят **Цимбелин, Беларий, Гвидерий, Арвираг, Пизанио и пленные римляне**. Военачальники подводят Постума к Цимбелину, который знаками велит тюремщику взять его, после чего все уходят.*

Сцена 4

*Британская тюрьма. Входят **Постум и два тюремщика**.*

Первый тюремщик

Тебя уж не угонят, ты стреножен.
Пасись, пожалуй, коль найдешь траву…

Второй тюремщик

…И есть захочется.

Тюремщики уходят.

Постум

Привет вам, цепи!
Вы путь к освобожденью моему!
А все же я счастливей, чем подагрик,
Который предпочел бы век стонать,
Чем исцеленным быть наверняка
Врачом надежным – смертью, тем ключом,
Что отмыкает все замки. О совесть,
Ты скована теперь намного крепче,
Чем эти щиколотки и запястья. –
Даруйте искупленье мне, о боги,
И обрету я вечную свободу.
Иль моего раскаянья вам мало?
Печаль детей смягчает гнев отцовский,

А боги милосерднее людей;
Отрадней каяться в цепях желанных,
А не надетых на тебя насильно.
Возьмите жизнь в расплату за свободу!
Я знаю, вы добрей ростовщиков,
Берущих с должников в уплату долга
Лишь четверть, треть или шестую часть.
Чтоб те могли, дела свои поправив,
Платить им вновь. Мне этого не нужно!
За Имогены жизнь – мою возьмите;
Она хоть и не так ценна, но все же
Дана мне вами, боги. Человек
Не взвешивает каждую монету
И легкую берет, чеканке веря;
Возьмите жизнь мою – я ваш чекан,
О всеблагие силы! Если вы
С таким согласны счетом – рад я жизнью
Свой долг вам уплатить. – О Имогена,
К тебе без слов взываю я!

Торжественная музыка. Появляются призраки: ***Сицилий Леонат, отец Постума, величавый старец*** *в одежде воина; он ведет за руку пожилую женщину,* ***мать Постума****; перед ними идет* ***музыкант****. Затем, позади другого музыканта, следуют* ***два молодых Леоната, братья Постума****; на груди у них раны, от которых они погибли на поле битвы. Они окружают спящего Постума.*

Сицилий

О громовержец, не карай
Презреньем нас, людей,
Будь с Марсом крут, с Юноной строг,
Чей гнев неверностью своей
Ты распалил.
В чем грешен сын? Не довелось
Его мне повидать.
Я умер, а дитя еще
Носила в чреве мать.
Но ты – ведь на земле зовут
Тебя отцом сирот, –
Ты должен оградить его
От всех земных невзгод.

Мать

Не помогла Люцина мне;
Скончалась я, родив.
В чужой и бесприютный мир
Явился, сиротлив,
Мой бедный сын.

Сицилий

Подобно предкам славным, он
Был мудр, красив и смел
И, как наследник мой, хвалу
Везде снискать сумел.

Первый брат

Когда созрел он, возмужал –
В Британии во всей
Кто мог сравниться с ним? Кто был
Достойней и милей?
Он мужем Имогены стал,
Как лучший из мужей.

Мать

За что же брак его теперь
В насмешку превращен?

За что он изгнан и за что
Навеки разлучен
С женой своей?

Сицилий

Зачем ты Якимо, шуту
Из Рима, разрешил
Бесчестной клеветой разжечь
Его ревнивый пыл,
Чтоб в жертву подлости людской
Заклан мой Постум был?

Второй брат

Из обиталища теней
Отец его, и мать,
И братья, павшие в бою,
Явились в мир опять.
Чтоб грудью за права и честь
Тенанция стоять.

Первый брат

За Цимбелина в битве брат
Свой обнажил клинок.
За что ж, Юпитер, царь богов,

Ты так к нему жесток?
Ты не воздал ему хвалу,
А горестям обрек!

Сицилий

Открой хрустальное окно,
Взгляни на нас с высот;
Не изливай свой страшный гнев
На доблестный наш род.

Мать

Коль прав наш сын, избавь его
От горя и забот.

Сицилий

Покинь свой мраморный дворец,
Сверши свой правый суд,
Иль тени к сонму всех богов
Свой голос вознесут.

Оба брата

И жалобу им на тебя,
Юпитер, принесут.

Среди раскатов грома и сверканья молний на орле спускается ***Юпитер*** *и бросает огненную*

стрелу. Призраки падают на колени.

Юпитер

Довольно, о бесплотный рой видений,
Терзать наш слух! Умолкни, жалкий род!
Тому ль бояться ваших обвинений,
Кто молнией разит мятеж с высот?
Прочь, призраки Элизия! Покойтесь
Среди его невянущих лугов
И за живущих на земле не бойтесь;
Заботиться о них – удел богов.
Кого люблю, тому преграды ставлю;
Победа тем дороже, чем трудней.
Утешьтесь! Скоро я его прославлю
И возвеличу после черных дней.
Он родился под нашею звездою,
И в нашем храме брак его свершен.
Прочь, сгиньте! Постум свидится с женою;
Счастливее, чем прежде, станет он.
Оставьте свиток на его груди вы –
В нем скрыт грядущих радостей залог.

Итак, рассейтесь! Будьте терпеливы,
И помните, что в гневе я жесток. –
Лети, орел, в хрустальный мой чертог.

Улетает.

Сицилий

Слетел он с громом, серою дыша.
Казалось, что орел его священный
Нас растерзает. Но отлет их ввысь
Был сладостней, чем ароматы рая.
Орел, расправив крылья, чистил клюв,
Как будто нам он показать хотел,
Что бог доволен.

Все

Слава громовержцу!

Сицилий

Пол мраморный сомкнулся. Он взлетел
Под свод лучистый. Скроемся сейчас!
Мы выполнить должны его наказ.

Призраки исчезают.

Постум
(*просыпаясь*)

Ты, сон, мне деда заменил: ты дал
Мне мать, отца и братьев. О насмешка!
Родились и исчезли навсегда
Они, как сновиденье, – без следа,
А я проснулся. Те, кто уповает
На милость свыше, грезят, как и я,
Но пробужденье отрезвляет их.
Увы! Отвлекся я. Порой судьба
Вдруг возвеличит жалкого раба,
Хоть благ он недостоин и не смел
Мечтать, чтоб стал иным его удел.
Так счастье золотое в этом сне,
И сам не знаю, как пришло ко мне.
Не фей ли видел я? – Что здесь? Пергамент?
О дивный дар, не будь как царедворец:
Снаружи блеск и пустота внутри, –
Исполни, что сулишь.

Читает.

«Когда львенок, сам не ведая, кто он такой, найдет то, чего не искал, и будет объят струей нежного воздуха; когда отсеченные ветви величественного кедра, много лет считавшиеся мертвыми, вновь оживут, прирастут к старому стволу и зазеленеют на нем, тогда окончатся бедствия Постума, а в счастливой Британии вновь процветут мир и изобилие».

Я сплю еще иль это бред безумца?

Одно из двух: иль это предсказанье –

Бессмыслица, иль в нем так много смысла,

Что не постичь рассудком. Будь что будет!

Но это так на жизнь мою похоже,

Что сберегу его.

Входит ***тюремщик****.*

Тюремщик

Идем, приятель. Готов ли ты к смерти?

Постум

Давно готов; пожалуй, даже пережарился.

Тюремщик. Виселица — вот что тебя ждет! Если ты готов для нее, значит, хорошо приготовлен.

Постум. Выходит, если блюдо придется по вкусу зрителям, оно оправдает расходы.

Тюремщик. Тяжелая для тебя расплата, приятель. Но утешайся тем, что больше тебе платить не придется. Да и трактирных счетов можешь не бояться, а ведь они напоследок отравляют полученное удовольствие. Входишь туда — голова кружится от голода, выходишь — от вина, и злость тебя разбирает, что ты и лишнее перехватил, и переплатить пришлось. И кошелек и голова у тебя пусты. Голова тяжела, потому что ты был легкомыслен, а кошелек легок, потому что освободился от тяжести. Отныне ты будешь избавлен от всех этих противоречий. Веревка, хоть и стоит грош, ценна своим милосердием! Она мгновенно подводит все итоги — лучшего счетовода, пожалуй, не найдешь. Она сразу сводит к нулю все прошлые, настоящие и будущие расходы. Твоя шея, приятель, для этого счетовода — и перо и счетная книга: не успеешь моргнуть, расчет готов.

Постум. Для меня смерть бо`льшая радость, чем для тебя жизнь.

Тюремщик. И в самом деле, дружище, кто спит, тот зубной боли не чувствует. Но человек, которому предстоит уснуть твоим сном, да еще улечься спать с помощью палача, я думаю, охотно поменялся бы с ним местами. Не угадаешь ведь, что за дорога предстоит тебе после смерти.

Постум. Представь себе, я ее вижу, друг мой.

Тюремщик. Значит, у твоей смерти есть глаза во лбу, хоть я и никогда не видел, чтобы ее изображали зрячей. Обычно после смерти идешь себе за проводником, который уверяет, что ему все пути известны, либо плетешься наугад. Так или иначе, а обратно ты не вернешься, чтобы рассказать нам, как дошел до конца своего пути.

Постум. Говорю тебе, друг мой, у каждого есть глаза, чтобы разыскать дорогу, по которой пойду я. Только многие предпочитают закрыть их и не смотреть.

Тюремщик. Ну не насмешка ли это: выходит, человеку глаза нужнее всего, чтобы различить дорогу к слепоте! Впрочем, виселица закроет глаза кому угодно.

Входит ***гонец.***

Гонец. Сними со своего узника цепи и отведи

его к королю.

Постум. Ты пришел с добрыми вестями! Меня зовут к королю, чтобы даровать свободу.

Тюремщик. Пусть меня раньше повесят!

Постум. Тогда ты станешь свободнее всякого тюремщика. Для мертвеца не существует никаких замков.

Постум и гонец уходят.

Тюремщик. Даже тот, кто желал бы жениться на виселице и народить малюток, не стал бы так стремиться к своей нареченной, как этот парень. Хоть он и римлянин, но, скажу по чести, на свете есть немало негодяев похуже его, которые цепляются за жизнь; тем не менее многим из них приходится умирать. Во всяком случае, я бы так поступил, будь я на его месте. Хотел бы я, чтобы по этому вопросу все мы держались одного мнения, притом мнения хорошего. Тогда худо пришлось бы только виселице и тюремщикам! Я говорю против своей выгоды, но желание мое, если осуществится, всем принесет счастье.

Уходит.

Сцена 5

Шатер Цимбелина. Входят ***Цимбелин, Беларий, Гвидерий, Арвираг, Пизанио, вельможи, офицеры и слуги****.*

Цимбелин

Приблизьтесь, вы, что волею богов
Спасли наш трон! Печалюсь я душою,
Что не разыскан неизвестный воин,
Сражавшийся так славно, что затмил
Сверканье лат лохмотьями своими.
Он голой грудью шел на вражьи копья.
Нашедшего его я осчастливлю,
Коль счастьем нашу милость можно счесть.

Беларий

Таким пылал он благородным гневом,
Какого я досель еще не видел.
По платью жалкий нищий, он в бою
Героем был.

Цимбелин

Вестей о нем все нет?

Пизанио

Его искали средь живых и мертвых,
Но не нашли следов.

Цимбелин

Я, к сожаленью,
Наследником наград его остался.

(*Беларию, Гвидерию и Арвирагу.*)

Их вам отдам, спасители страны,
Земли британской мозг, душа и печень.
Но мне пора спросить, кто вы? Ответьте!

Беларий

Из Камбрии мы родом и дворяне.
Иным хвалиться было бы нескромно,
Но мы честны.

Цимбелин

Колени преклоните.
Так! Встаньте, рыцари мои! Отныне
Вы в свите нашей будете, и вам

Почет согласно сану воздадут.

Входят ***Корнелий и придворные дамы****.*

Что вижу я? На ваших лицах скорбь!
Встречать победу так? Вы не похожи
На победивших бриттов.

Корнелий

Государь,
Я омрачаю радость грустной вестью:
Скончалась королева.

Цимбелин

Не пристала
Такая весть врачу. Однако знаю:
Лекарства могут жизнь продлить, но смерти
И врач подвластен. Как она скончалась?

Корнелий

Как и жила – ужасно, и в безумье.
Жестокая, она рассталась с жизнью
В жестоких муках. Передать позвольте

Предсмертные признания ее.
Коль я солгу, пусть уличат меня
Те дамы, что у ложа королевы
В слезах стояли.

Цимбелин

Говори.

Корнелий

Она
Призналась в том, что не любила вас,
Что лишь стремилась к власти и величью
И с вами в брак вступила для того,
Чтоб королевским троном завладеть.

Цимбелин

То знала лишь она одна. И если
Она пред смертью в этом не призналась,
Я б не поверил. Дальше.

Корнелий

Ваша дочь,
Которую она ласкала лживо,

Была, как скорпион, ей ненавистна;
И, если бы принцесса не бежала,
Дала бы ей отраву королева.

Цимбелин

Чудовищно! О, кто постигнет женщин? –
И это все?

Корнелий

Есть кое-что похуже.
Она для вас смертельный яд хранила,
И, если бы вы приняли его,
Он медленно точил бы вашу жизнь.
Она ж намеревалась в это время
Заботой, лаской, просьбами, слезами
Всецело подчинить вас и потом
Заставить вас наследником престола
Назначить Клотена. Но планы эти
Нарушило его исчезновенье.
Тогда она в отчаянье бесстыдном,
Прокляв людей и небеса, открыла
Все замыслы свои, жалея горько,

Что не свершила их. Вот так, в безумье,

Она и умерла.

Цимбелин
(*к придворным дамам*)

Вы все слыхали?

Придворные дамы

Да, государь.

Цимбелин

Мой взор винить нельзя –

Она была прекрасна. Невиновен

И слух, плененный льстивостью ее,

И сердце, верившее ей во всем, –

Преступным было бы не верить ей.

И все же, Имогена, дочь моя,

Ты вправе называть меня безумцем,

Пройдя все испытания свои.

О небо, помоги мне зло исправить!

Входят ***Луций, Якимо, прорицатель и другие римские пленники*** *под стражей; позади всех* ***Постум****.*

Ну, Кай, теперь уже не требуй дани:
Ее мечом сложили мы с себя,
Утратив многих храбрецов, чьи души
Нас родственники успокоить просят,
Обрекши смерти пленных; мы на это
Согласье дали. Умереть готовься.

Луций

Но ты учти превратности войны.
Помог вам только случай. А достанься
Победа нам – грозить бы мы не стали
Так хладнокровно беззащитным пленным.
Что ж, если боги только нашу жизнь
Берут, как искупительную жертву, –
Мы, римляне, достойно встретим смерть,
Но Цезарь жив, и он запомнит это.
Что до меня, прошу лишь об одном:
Со мной здесь юный паж, британец родом;
Позволь мне выкуп за него внести.
Пажей таких не знал я; кроткий, вер-

ный,
Усердный и заботливый по-женски.
Достоинства его – поддержка просьбе,
В которой ты, надеюсь, не откажешь.
Служил он римлянину, но отчизне
Не причинил вреда. Спаси его,
А нас казни.

Цимбелин

Его я где-то видел.
Лицо мне так знакомо… – Мальчик милый,
Твой взгляд меня пленил – не знаю чем.
Теперь ты мой. Я жизнь тебе дарю!
Ты почему-то сразу стал мне дорог.
Живи! Проси что хочешь у меня –
Все дам, что положенью твоему
И нашей милости пристало. Хочешь –
Знатнейшему из римлян дам свободу?

Имогена

Благодарю смиренно, государь.

Луций

Моей не требуй жизни, мальчик. Знаю,
Что ты о ней попросишь.

Имогена

Нет, увы!
Тут есть другое что-то… Мне оно
Страшнее смерти. Ваша жизнь сама
Сумеет отстоять себя.

Луций

Он предал,
Отверг меня. Недолго счастлив тот,
Кто молодым всю душу отдает.
Но чем он так смущен?

Цимбелин

Чего ты хочешь?
Все больше ты мне нравишься, мой мальчик.
Подумай лучше. Может быть, попросишь
Спасти его? Тебе родня он? Друг?

Имогена

Он римлянин, и мне родня не больше,

Чем я вам. Нет, я ближе; я – британец.

Цимбелин

Так что же ты так смотришь на него?

Имогена

Наедине скажу, коль вы меня
Благоволите выслушать.

Цимбелин

Охотно.
Как звать тебя?

Имогена

Фиделе.

Цимбелин

Ты мой паж.
Твой господин я. Говори смелее.

Цимбелин и Имогена беседуют в стороне.

Беларий

Воскрес из мертвых мальчик наш!

Арвираг

Песчинки

Не схожи так, как этот милый паж
И бедный наш Фиделе. Что ты скажешь?

Гвидерий

Усопший ожил!

Беларий

Тсс… Погодите… Ведь порою сходство
Обманчиво… Он подошел бы к вам,
Будь он Фиделе. А ведь этот даже
Не обернется.

Гвидерий

Умер наш Фиделе!

Беларий

Молчи… Посмотрим.

Пизанио
(*в сторону*)

Это госпожа!
Ну ладно, будь теперь что будет – благо
Она жива.

Цимбелин и Имогена *подходят.*

Цимбелин

Стань подле нас и громко
Вопросы задавай.

(*К Якимо.*)

Ты подойди
И отвечай правдиво нам, иначе –
Клянусь венцом своим – жестокой пыткой
Отделим мы от правды ложь.

(*Имогене.*)

Спроси!

Имогена

Пусть скажет, от кого он получил
Свой перстень.

Постум
(*в сторону*)

Для чего им знать об этом?

Цимбелин

Как стал твоим алмаз, который носишь
На пальце ты?

Якимо

Мне пыткой ты грозил за ложь, но правда
Твоею будет пыткой.

Цимбелин

Что? Моею?

Якимо

Пора открыть мне душу наконец!
Молчать – мученье! Перстень этот добыл
Обманом я. Владел им Леонат,
Тобою изгнанный, а он – пусть это
Тебя терзает больше, чем меня, –
Достойнейший из всех людей на свете.
Желаешь слушать дальше, государь?

Цимбелин

Все знать хочу я.

Якимо

Ангел – дочь твоя…
Лишь вспомню – сердце кровью истекает

И лживый дух скорбит… Прости… Мне дурно…

Цимбелин

Дочь? Что с ней? Овладей собой. Скорей
Согласен я, чтоб до седин ты дожил,
Чем умер, промолчав. Так говори же!

Якимо

Однажды – будь он проклят, этот час, –
Я в Риме пировал – будь проклят дом,
Где был я! Ах, зачем отраву в яства
Не подложили мне… Достойный Постум… –
Что мне сказать? – он слишком был хорош,
Чтоб жить с дурными; он из самых лучших
Был наилучшим… – Он печально слушал,
Как мы своих красоток восхваляли
И самое искусное витийство
Бледнело перед нашим хвастовством.

Венера и Минерва рядом с ними
Дурнушками казались, хоть в природе
Никто богиням красотой не равен.
Хвалили мы возлюбленных своих,
Все прелести приписывая им,
Которые нас в женщинах пленяют
И позволяют им ловить мужчин
На удочку свою.

Цимбелин

Скорее к делу!
Я словно на горячих углях.

Якимо

К делу
Я скоро перейду, и ты узнаешь,
Что значит скорбь. Тут Леонат достойный,
Возлюбленный принцессы, речь повел.
Тех не хуля, кого мы расхвалили,
Он, добродетели самой подобный,
С такою скромностью, но вдохновенно
Живописал достоинства жены,

Что стало ясно каждому из нас:
Мы дуралеи, а красотки наши
Не лучше прачек.

Цимбелин

Ближе, ближе к делу.

Якимо

Превозносил он чистоту принцессы –
Вот тут-то все и началось, – сказал,
Что по сравненью с ней сама Диана
В греховных сновидениях повинна,
Что лишь одна жена его чиста,
А я, несчастный, усомнился в этом
И золото поставил против перстня,
Который он носил; я похвалялся,
Что Имогену я склоню к измене
И выиграю перстень. Верный рыцарь,
Он, веря в честь ее (в чем убедился
Потом и я) в заклад поставил перстень.
Конечно, мог он смело сделать так,
Будь то карбункул с колесницы Феба,

Ценой превосходящий колесницу.
Я поспешил в Британию. Быть может,
Вам памятен приезд мой? Ваша дочь
Мне разницу сумела показать
Меж похотью и подлинной любовью,
Лишив меня надежд, но не желанья
Верх в споре одержать. Мой хитрый ум
Придумал план один… позорный, низкий.
Он удался вполне. Я в Рим вернулся
С такою цепью ложных доказательств,
Что Леоната свел с ума, разрушив
Уверенность его в своей жене.
Я описал ковры, картины в спальне.
Браслет, добытый дьявольским коварством,
Ему я предъявил. Я перечислил
Приметы тайные у ней на теле.
Не мог он не поверить, что со мной
Его жена нарушила обет,
И вот теперь я вижу – словно он

Передо мной...

Постум
(*выступая вперед*)

Да, итальянский дьявол,
Он пред тобой! – О горе мне! Глупец я,
Чудовищный убийца, вор и все,
Чем свет клеймит злодеев, мне подобных. –
О, дайте мне веревку, нож иль яд!
Назначьте суд! – Король, придумай пытки!
Страшней я, хуже всех чудовищ мира!
Я – Постум, умертвивший дочь твою!
Нет, лгу, я приказал убить ее
Другому негодяю святотатцу.
Она была святыней чистоты,
Нет, чистота сама. В лицо мне плюйте,
Кидайте камни, грязь, травите псами.
Пусть впредь любой злодей зовется Постум –
И все же будет лучше он, чем я.

О Имогена, жизнь моя, принцесса!
О Имогена!

Имогена

Стой, супруг мой! Слушай…

Постум

Над горем издеваешься моим?
Прочь, дерзкий паж!

Наносит Имогене удар. Она падает.

Пизанио

На помощь госпоже! –
О Постум, господин мой! Лишь теперь
Убили вы ее. – Скорей на помощь! –
О госпожа…

Цимбелин

Иль свет перевернулся?

Постум

В уме ли я?

Пизанио

О госпожа, очнитесь!

Цимбелин

Коль так, то боги радостью хотят
Убить меня.

Пизанио

Принцесса, лучше вам?

Имогена

Прочь с глаз моих!
Ты дал мне яд. Не смей дышать, преступник,
Близ королей.

Цимбелин

То голос Имогены.

Пизанио

Принцесса! Порази меня Юпитер,
Коль не считал я тот состав целебным.
Его мне подарила королева.

Цимбелин

Что? Что?

Имогена

Он отравил меня.

Корнелий

О небо!
Забыл я передать вам, государь,
Еще одно признанье королевы.
Он им оправдан. «Если даст Пизанио, –
Она сказала, – мой состав принцессе,
Который я лекарством назвала,
Он так услужит этим ей, как крысе
Я услужила бы».

Цимбелин

Что это значит?

Корнелий

Мой государь, нередко королева
Заказывала яды мне, твердя,
Что ей они для опытов нужны,
Что травит только псов она и кошек
И тварей бесполезных. Но, боясь,
Что преступленье совершит она,
Я сделал для нее такой состав,
Который вместо смерти вызывает
Подобье смерти – сон, а после снова

Приходит жизнь.

(*Имогене.*)

Вы приняли его?

Имогена

Наверно, если я была мертва.

Беларий

Вот это нас и обмануло, дети.

Гвидерий

Фиделе! Да, конечно, это он!

Имогена
(*Постуму*)

Зачем ты оттолкнул свою жену?
Представь, что мы с тобою на Скале,
И вновь толкни меня.

(*Обнимает его.*)

Постум

Пока я жив –
Как плод на дереве, держись на мне.

Цимбелин

Дитя мое! Родная плоть моя!

А что же я, по-твоему, – лишь зритель?

Ты для меня и слова не найдешь?

Имогена

Благословите нас, отец.

Беларий
(*Гвидерию и Арвирагу*)

Понятно,

Что мальчика вы сразу полюбили, –

Была причина.

Цимбелин

Для тебя, дитя,

Святой водой мои пусть будут слезы…

Скончалась мать твоя.

Имогена

Мне жаль ее.

Цимбелин

Нет, нет, она жестокою была.

Из-за нее мы встретились так странно.

Но сын ее исчез.

Пизанио

Теперь и я
Скажу без страха все. Явился принц
Ко мне, когда исчезла госпожа,
И с пеною у рта грозил меня
Убить мечом, коль скрою, где она.
При мне письмо случайно оказалось
От господина. Он прочел; узнал,
Что в Мильфорд, в гавань, госпожа помчалась,
И, в гневе приказав отдать ему
Одежду господина моего,
Он кинулся туда с нечистой целью –
Принцессу обесчестить. Что с ним сталось,
Мне неизвестно.

Гвидерий

Я могу сказать:
Его убил я.

Цимбелин

Смилуйтесь, о боги!

Я не хотел бы за твои заслуги
Обречь тебя на смерть. Скажи скорее,
Что это ложь.

Гвидерий

Я сделал, как сказал.

Цимбелин

Он принцем был!

Гвидерий

И наглецом! Ругательства его
Отнюдь не царственно звучали! Если б
Ревело море так, я и ему
Отсек бы голову; и очень рад,
Что не стоит он, похваляясь тем же,
Пред нами здесь.

Цимбелин

Мне жаль тебя, но вынес
Ты смертный приговор себе. Умри же!

Имогена

Я приняла за мужа этот труп
Без головы!

Цимбелин

Преступника связать
И увести!

Беларий

Нет, погоди, король;
Он выше принца родом и не ниже,
Чем ты. И ты ему обязан больше,
Чем сотне принцев.

(*Страже.*)

Рук его не троньте –
Они не для оков.

Цимбелин

Зачем ты, старец,
Еще не получив награды, губишь
Свои заслуги, гнев наш вызывая?
Нам равен он?

Арвираг

Перехватил отец!

Цимбелин

За это ты умрешь!

Беларий

Мы все умрем,
Но прежде докажу я, что они
Так знатны, как сказал я. – Дети, должен
Открыть я тайну. В ней моя беда
И ваше счастье.

Арвираг

Но твоя беда –
И наша!

Гвидерий

Счастье наше – и твое.

Беларий

Внимайте! У тебя, король великий,
Был подданный Беларий.

Цимбелин

Ну и что же?
Изменник, изгнан он.

Беларий

Моих он лет

И вправду изгнан, но за ним доселе
Не знаю я измены.

Цимбелин

Взять его!
Пощады нет ему.

Беларий

Не горячись!
За воспитанье сыновей твоих
Сначала уплати мне, а потом
Взыщи, что дал.

Цимбелин

За сыновей моих?

Беларий

Я слишком дерзок, но с колен не встану,
Пока высокий сан им не верну,
А там – казните старца. О король!
Меня считают юноши отцом,
Себя – моими сыновьями. Нет!
Они твое потомство, повелитель,
В них кровь твоя.

Цимбелин

Они – мое потомство?

Беларий

Да, это так же верно, как и то,
Что ты, король, сын своего отца.
Я, старый Морган, – изгнанный Беларий,
И твой каприз – вот вся моя вина
И вся моя измена. Мой проступок –
В моих страданьях. Принцев – это принцы!
Растил я двадцать лет, их обучил
Всему, что знал, – тебе, король, известна
Моя ученость. Няньке Эврифиле
Велел я их украсть, когда был изгнан,
И в благодарность я на ней женился.
Ты наказал меня несправедливо
За грех, который позже я свершил.
За верность был я изгнан, и тогда
Я стал изменником. Ты горевал,
А я был рад, своей достигнув цели.

Но дети вновь с тобой, а я, несчастный,
Двух лучших в мире потерял друзей.
Благословенье неба да падет
На их главу росой. Они достойны
Сиять средь звезд.

Цимбелин

Ты говоришь и плачешь.
Но помощь ваша мне еще чудесней,
Чем твой рассказ. Я потерял детей,
Но, если это сыновья мои,
Я лучших не желаю.

Беларий

Погоди.
Вот этот юноша, который прозван
Мной Полидором, – старший твой, Гвидерий;
А Кадвал – Арвираг, твой младший сын.
Он был тогда завернут в одеяло,
Рукой царицы вытканное дивно.
Его, как доказательство, отдам.

Цимбелин

Постой! Был у Гвидерия на шее
Знак наподобье звездочки кровавой –
Чудесная примета.

Беларий

Сохранилась
Она доныне. Мудрою природой
Отмечен он, чтоб легче можно было
Признать его.

Цимбелин

Итак, я словно мать,
Родившая троих. Но никогда
Не радовалась детям больше мать!
Благословенны будьте и, вернувшись,
Навек останьтесь с нами. – Имогена,
Но ты престол теряешь.

Имогена

Ах, отец,
Зато два мира мне возвращены. –
О дорогие братья, как пришлось
Нам свидеться! Но я правдивей вас;
Меня, сестру свою, вы звали братом,

А я вас, братьев, братьями звала.
И вправду мы родные!

Цимбелин

Вы встречались?

Арвираг

Да, государь.

Гвидерий

Мы с первых встреч любили
Ее, пока умершей не сочли…

Корнелий

От яда королевы.

Цимбелин

Перст судьбы!
Когда ж узнаю все? Событий столько
Сплелось чудесных, что рассказ короткий
Не объяснит их. Где и как вы жили?
Как пленник наш тебя на службу взял?
Как братьев ты нашла, как потеряла?
Зачем бежала из дворца? Куда?

И многое еще спросить мне нужно.
Событий поразительную связь
Хочу скорей постичь я. Но сейчас
Не время и не место для расспросов.
Смотрите: Постум подле Имогены
Вновь бросил якорь. Как зарница, взор
У ней сверкает, озаряя мужа,
Меня и братьев радостью. И каждый
Ей взгляд ответный шлет. Пойдемте в храм,
И дым от жертв пусть вознесется к небу!

(*Беларию.*)

Отныне ты навек мне будешь братом.

Имогена

А мне – отцом: ты мне помог дожить
До счастия такого.

Цимбелин

Кроме пленных,
Все счастливы. Пусть и они ликуют:
Их милость ждет!

Имогена
(*Луцию*)

Мой господин! Теперь
Хочу я услужить вам.

Луций

Будь счастливой!

Цимбелин

Когда бы тот исчезнувший герой
Был с нами, отблагодарить его
От полноты души я смог бы.

Постум

Этот воин –
Я, государь. Я вместе с ними бился
В простой одежде. – Якимо, скажи,
Кто воин тот. Тебя я победил
И мог убить.

Якимо
(*опускаясь на колени*)

Я вновь у ног твоих.
Теперь меня повергла наземь совесть,
Как прежде мощь твоя. Тебе обязан

Я жизнью – так возьми ее; но раньше
Возьми свой перстень и браслет принцессы,
Вернейшей в мире.

Постум

Не склоняй колен.
Я властен лишь прощать и зло забыть.
Вся месть моя – прощение. Живи
И стань честней!

Цимбелин

Достойные слова!
Великодушию нас учит зять.
Прощенье всем!

Арвираг
(*Постуму*)

Ты нам помог как брат,
И счастлив я, что мы и в самом деле
С тобою братья.

Постум

Готов служить вам, принцы. – Римский воин,

Здесь прорицатель твой. Во сне сегодня
Ко мне слетел Юпитер на орле
И призраки родных моих. Проснувшись,
Я на груди нашел пергамент этот,
Но был не в силах разгадать писанье.
Пусть он свое искусство нам покажет,
Его растолковав.

Луций

Где Филармон?

Прорицатель
(*выходя вперед*)

Я здесь.

Луций

Прочти и растолкуй нам смысл.

Прорицатель. «Когда львенок, сам не ведая, кто он такой, найдет то, чего не искал, и будет объят струей нежного воздуха; когда отсеченные ветви величественного кедра, много лет считавшиеся мертвыми, вновь оживут, прирастут к старому стволу и зазеленеют на нем, тогда окончатся бедствия Постума, а в счастливой Британии вновь процветут мир и изобилие».

Ты львенок, Леонат. Ведь по-латыни
Ты Leonatus, то есть львом рожденный;
А ласковая воздуха струя –
То дочь твоя, король; ведь mollis aer –
Нежнейший воздух; это схоже с mulier,
А по-латыни mulier – супруга
Вернейшая. Не лживы письмена.

(*Постуму.*)

Нежданно ты овеян ею был,
Как воздуха нежнейшею струею.

Цимбелин

Здесь есть глубокий смысл.

Прорицатель

Могучий кедр –
Ты, Цимбелин, а ветви – сыновья,
Которых у тебя украл Беларий.
Они считались мертвыми, но ныне
Вновь приросли к могучему стволу,
Суля стране и мир и процветанье.

Цимбелин

Прекрасно! С мира и начнем. – Кай Луций,
Хоть победили мы, но добровольно
Власть Цезаря и Рима признаём
И обещаем дань платить, как прежде,
От коей отказались мы по воле
Супруги злобной нашей. Но ее
И сына справедливо покарало
Судилище богов.

Прорицатель

Персты небесных сил коснулись струн
Гармонии и мира. То виденье,
Которое перед кровавой битвой
Я Луцию поведал, стало явью.
Орел наш римский, с юга воспарив,
На запад полетел и, уменьшаясь,
Исчез там в свете солнца. Это значит,
Что царственный орел, могучий Цезарь,
Свою любовь с великим Цимбелином,
Сияющим на западе, сольет.

Цимбелин

Хвала богам! Пусть дым от алтарей
Несется к небу! – Возвестить о мире
Всем подданным! – Идем! Пусть реют вместе
Британские и римские знамена!
Так мы пройдем по городу во храм
Великого Юпитера, где с Римом
Скрепим союз и празднество устроим.
Хотя еще с мечей не стерта кровь,
Но мир царит; войне не вспыхнуть вновь!

Уходят.

Троил и Крессида

Действующие лица

Приам, царь троянский.

Гектор, **Парис**, **Троил**, **Дейфоб**, **Эллен** — сыновья Приама.

Эней, **Антенор** — троянские вожди.

Калхас, троянский жрец, сторонник греков

Пандар, дядя Крессиды.

Маргарелон, побочный сын Приама.

Агамемнон, греческий полководец.

Менелай, брат его.

Ахиллес, **Аякс**, **Улисс**, **Нестор**, **Диомед**, **Патрокл** — греческие вожди.

Терсит, безобразный и непристойный грек.

Александр, слуга Крессиды.

Елена, жена Менелая.

Андромаха, жена Гектора.

Кассандра, дочь Приама, пророчица.

Крессида, дочь Калхаса.

Троянские и греческие солдаты, **слуги** и **народ**.

Действие происходит частью в Трое, частью в греческом лагере.

Пролог

Арена – Троя. Гневом благородным
Охваченные, к гавани Афин
Шлют корабли властители Эллады.
На кораблях – войска, орудья битв.
Все – для войны. И вот, шестьдесят девять
Увенчанных царей дают обет
Разрушить Трою и от волн афинских
Пускаются к далеким берегам.
Там нежится за крепкими стенами,
Похищена Парисом и в его
Объятиях – супруга Менелая –
Предмет раздора. Греки пристают
К Тенедосу. Тяжелые суда
На берег груз воинственный спустили,
И бодрые, не смятые борьбой,
На царственных равнинах дарданийских
Разбили греки пышные шатры.

Все шесть ворот у города Приама:
Тимбрийские, Троянские ворота,
Антеноридские, Дарданские, Хетские
И Илионские, – скрывая за собой
Питомцев Трои, замкнуты вплотную
Железными засовами внутри,
Входящими в огромнейшие скобы.
Надежда на себя так разжигает
Тех и других, что греки и троянцы
Равно рассчитывают только на удачу.
И если я, Пролог, являюсь здесь
Вполне вооруженным, то, конечно,
Не с тем, чтобы актеров защитить
Иль автора перо, а лишь поведать,
О зрители почтеннейшие, вам,
Облекшись в плащ,
Достойный представленья,
Что, опустив начало той войны,
Все действие начнется с середины
И оборвется там, где надо. Вы
Хвалите представленье иль браните,
Все в вашей воле. Здесь, как на войне.

От случая зависит все вполне.

Акт I
Сцена 1

Троя; перед дворцом Приама. Входит вооруженный Троил, с ним Пандар.

Троил

Зови слугу. Я вновь сниму доспехи,
Зачем мне биться вне троянских стен,
Когда во мне, во мне самом ужасней
Кипит война! Пусть с греками уж тот
Сражается, кто сам над сердцем властен.
Троил, увы, утратил эту власть.

Пандар

Ты нянчиться с собой намерен долго?

Троил

Умеют греки силою своей
Распорядиться. Ловкость их доходит
До лютости, а лютость – до геройства…
Я ж женских слез слабее, я пугливей

Ночного сна, глупее, чем незнанье.

Геройства же во мне не больше, чем

У девушки в полночи. Ловкость! Ловкость!

Любой ребенок превзойдет меня.

Пандар. Ладно. Достаточно у нас с тобой было говорено об этом. Больше я не намерен вмешиваться в это дело. Кто желает получить пшеничный пирог, пусть подождет, пока смелют пшеницу.

Троил. Разве мало я ждал!

Пандар. Да, пока мололи. Подожди, пока просеют.

Троил. Разве мало я ждал!

Пандар. Да, пока просеивали. Подожди, когда взойдет тесто.

Троил. Ждал и этого.

Пандар. Да… теста! Но это не все. Еще надо замесить тесто, сделать пирог, затопить печь и посадить в нее пирог… Да и этого еще мало. Надо дать пирогу простыть, а не то неравно губы обожжешь.

Троил

Терпенье – бог, но даже он едва ли

Сносить страданья может так, как я!
Когда порой за трапезой Приама
В моих мечтах возникнет как-то вдруг
Чарующий и светлый лик Крессиды –
Возникнет! О, как смею я так лгать!
Да есть ли миг, когда он не со мною!

Пандар. Надо сознаться, вчера вечером она мне показалась особенно красивой. Вряд ли могла соперничать с нею какая-нибудь другая женщина.

Троил

О да! Я также видел. В целом мире
Прекрасней нет. А сердце! Ах, оно
От вздохов то грозило разорваться,
То выскочить из груди. Но, боясь,
Чтобы отец иль Гектор не постигли
Заветной тайны, я ее скрывал
Улыбкою. Так солнце поглощает
Своим сияньем тучи. Но печаль,
Прикрытая притворною улыбкой,
Подобна счастию: блеснет
И вдруг во тьме страданья пропадет.

Пандар. Не будь ее волосы немного потемнее,

чем у Елены, по-моему, их и сравнивать было бы немыслимо. Впрочем, она мне родственница, и я вовсе не желаю нареканий в том, что, как говорится, восхваляю ее. Однако я желал бы, чтоб кто-нибудь вчера подслушал, как я, ее разговор. Конечно, я нисколько не умаляю ума твоей сестры Кассандры, но…

Троил

О, Пандар, замолчи! Когда тебе
Я говорю, что все мои надежды
Потоплены навек… – ты измеряешь
Всю глубину пожравшей их пучины!..
Как другу, доверяюся тебе,
Что от любви к Крессиде я сгораю,
Схожу с ума, – а ты терзаешь мне
Сердечную, мучительную рану
То царственною поступью ее,
То чудными глазами, то щекою,
То волосами. О ее руке
Ты говоришь, в сравнении с которой
Все белое – чернила, лишь к тому
И годные, чтоб в этом расписаться.

Лебяжий пух тяжел и груб с ней рядом.
А нежное дыхание Зефира –
Шершавее ладони землепашца.
Хоть говоришь бесспорную ты правду,
Но для чего она, когда я сам
Одно и то же вечно повторяю:
«Люблю! Люблю безумно!» И взамен
Целебного бальзама, ты мне в рану
Вонзаешь нож любви.

Пандар. Что ж, правду не перерастешь.

Троил. Ты не сравнишься с правдой.

Пандар. Ладно. Если так, мое дело сторона. Пусть она будет такой, как ей заблагорассудится. Хороша — тем лучше для нее. Нехороша — средство помочь беде у нее под руками.

Троил. Ну полно, Пандар, добрый мой Пандар.

Пандар. И вот награда за все мои старания. Из-за нее — твое пренебрежение ко мне, из-за тебя — ее пренебрежение. Я-то мечусь от одной к другому, и вот — благодарность!

Троил. Неужели ты обиделся, Пандар? Это на меня-то!

Пандар. Если она мне родственница, так, значит, и не может быть хороша, как Елена. А не будь

родственницей — о, тогда ее и в пятницу можно признать столь же красивой, как Елена в воскресенье. Да мне-то что за дело! Будь она так же черна и дурна, как арапка, не все ли мне равно!

Троил. Да разве я говорю, что она нехороша?

Пандар. Не все ли мне равно, говоришь ты или нет. Дура она, что остается здесь без отца. Отправилась бы к грекам. При первой же встрече я ей это внушу. Ну а я? Мое дело — сторона. Не стану я в это мешаться.

Троил. Пандар!

Пандар. Ни в каком случае!

Троил. Славный мой Пандар…

Пандар. Сделай милость, не приставай. Я, как все застал, так и оставлю. Кончено.

Уходит. За стеной трубят тревогу.

Троил

Умолкни, гул противный! Замолчите
Вы, звуки возмутительные! Все,
Все вы глупцы, и греки и троянцы!
Пусть хороша Елена, если вы
Здесь каждый день своею кровью в этом
Расписываетесь. Но я

Не в силах воевать за это: повод
Ничтожный здесь для моего меча.
Но, Пандар! Пандар! Как вы беспощадны
Ко мне, о боги! Без него, увы,
Мне не проникнуть никогда к Крессиде.
А он! Лишь только речь зайдет о ней,
Становится таким же беспощадным,
Таким же грозным, как она сама,
Когда свою невинность защищает
От пламенных намерений моих.
О Аполлон! Хоть ради Дафны только
Скажи мне, что Крессида? Пандар? Я?
Ей Индия и ложе и отчизна,
Жемчужина бесценная она…
Меж ней и мной и нашим Илионом.
Как бы кипит мятежный океан.
Я против волн плыву за ней, и Пандар
Мой утлый челн, мой кормчий, якорь мой,
Маяк надежд, обманчивый в туман.

Снова трубят тревогу. Входит ***Эней****.*

Эней

Зачем ты здесь, а не на поле битвы?

Троил

Затем, что здесь. Ответ, конечно, бабий,
Но кстати он. Не правда ль? Быть не там,
Уместно бабе. Но скажи скорее,
Что нового на поле битвы?

Эней

То,
Что раненый Парис домой вернулся.

Троил

Кем ранен?

Эней

Менелаем.

Троил

О, пускай
Струится кровь. Забавна только рана:
Ее нанес рогами Менелай.

Тревога.

Эней

Ты слышишь ли, какая за стенами
Идет потеха?..

Троил

Я бы предпочел
Ее в стенах, когда б в одно слилися
Хотеть и мочь. Но время. Дело к спеху.
Идешь?

Эней

Сейчас.

Троил

Так вместе на потеху!

Уходят.

Сцена 2

Другая улица в Трое. Входят ***Крессида и Александр****.*

Крессида

Кто это был?

Александр

Елена и Гекуба.

Крессида

Куда ж они?

Александр

На битву поглядеть –

К восточной башне, царственно стоящей

Над полем. Гектор нынче раздражен.

Куда терпенье делось! Андромаху

Он разбранил, прибил оруженосца.

С рассветом, как прилежный земледелец,

Надел доспехи бранные и в поле

Направился, где весь в росе цветок

Как бы слезами горестными плачет,

Несчастие предвидя, как пророк.

Крессида

А что его взбесило так?

Александр

Да слухи,
Что будто в стане греков есть герой,
Троянец – кровью, с именем Аякса…
Племянник Гектора при этом…

Крессида

И затем?

Александр

Он, говорят, весьма своеобразен
И держится всегда особняком.

Крессида. Да и всякий так держится, коли не пьет, не болен и с целыми ногами.

Александр. Этот человек, по отзывам, воспринял все качества зверей: он храбр, как лев, груб, как медведь, неповоротлив, как слон. Природа до того перепутала в нем все эти крайности, что его мужество граничит с глупостью, зато в глупости прорывается истинная мудрость. Нет того порока и добродетели, которые не сказались бы в нем так или иначе. Он без причины бывает печален и ни с того ни с сего весел. У него всего много, но все вразлад; это какой-то паралитик Бриарей: сто рук и не управляется с ними, или Аргус: весь в глазах и ничего не видит.

Крессида. И этот забавный человек мог взбесить Гектора!

Александр. Слышно, вчера в бою он схватился с Гектором и повалил его; оттого Гектор, пристыженный и униженный, перестал есть и спать.

Крессида. Кто там идет?

Александр. Ваш дядя Пандар.

Входит ***Пандар****.*

Крессида. А все же Гектор храбрый человек.

Александр. Во всем мире нет равного ему по храбрости.

Пандар. В чем дело? О чем речь?

Крессида. Доброго утра, дядя Пандар.

Пандар. Доброго утра, племянница Крессида. О чем это вы беседовали? Доброго утра, Александр. Как поживаешь, племянница? Когда из Илиона?

Крессида. Нынче утром, дядя.

Пандар. О чем шла речь, когда я подходил к вам… А Гектор дома был, когда ты шла в Илион, или он уж вооружился и ушел? А Елена, верно, и не вставала еще?

Крессида. Гектор уже ушел, но Елена еще не вставала.

Пандар. Раненько же он ушел сегодня!

Крессида. Об этом-то мы и беседовали, когда ты подошел. Да еще о том, что он был в ярости.

Пандар. А он был в ярости?

Крессида. Да, вот по его словам.

Пандар. Так оно и есть. Я знаю почему. Достанется нынче от него грекам! Да и Троил от него не отстанет. Берегись они Троила! Могу поручиться!

Крессида. Как! разве он тоже сердит?

Пандар. Кто? Троил? Да Троил-то еще позначительнее будет.

Крессида. О Юпитер! Можно ли их сравнивать!

Пандар. Троила с Гектором? Да разве ты не отличишь мужа, раз увидев его?

Крессида. Разумеется, если я прежде видала и отличала его.

Пандар. Вот я и говорю. Троил есть Троил.

Крессида. И я убеждена, что он не может быть Гектором.

Пандар. Но зато Гектор не Троил.

Крессида. Справедливо. Каждый сам по себе.

Пандар. Сам по себе! Увы, бедный Троил! Если бы он мог быть сам по себе.

Крессида. Так он и есть.

Пандар. Если бы было так, я бы с радости босиком в Индию сходил.

Крессида. Однако не стал же он Гектором.

Пандар. Сам по себе! Желал бы я, чтобы он был сам по себе. Но ведь есть же над нами боги! Время все может исправить. Жди, Троил, придет твое время. Желал бы я, чтобы в ее груди было мое сердце. Нет, Гектор ни в коем случае не лучше Троила.

Крессида. Ну, уж извини.

Пандар. Он, во-первых, старше.

Крессида. Извини, извини.

Пандар. А Троил еще не дожил до его лет. Посмотрим, что ты скажешь, когда он доживет. Гектору не мешало бы призанять ума у младшего, но только… не в этом году.

Крессида. Ему и незачем занимать: своего достаточно.

Пандар. Нет у него тех достоинств, какие есть у Троила.

Крессида. Какие это?

Пандар. Во-первых, нет такой красоты.

Крессида. Зачем ему такая красота? Своя к нему больше идет.

Пандар. У тебя недостает вкуса, племянница. Давеча сама Елена клялась, что смуглость Троила для мужчины… он правда смугл… в том нельзя не сознаться… И, однако, не совсем.

Крессида. Совсем смугл.

Пандар. По правде, он и смугл и не смугл.

Крессида. По правде, эта правда — неправда.

Пандар. По ее словам, цвет его лица куда лучше, чем у Париса.

Крессида. По-моему, румянец у Париса достаточно свеж.

Пандар. Достаточно.

Крессида. Значит, Троил не в меру румян. Если Елена говорила, что цвет его лица лучше, чем у Париса, значит он ярче, а так как Парис достаточно румян, он должен быть ярче яркого. Из этого следует, что такая похвала слишком ярка. Пожалуй, так золотой язычок Елены найдет, что у Троила медный нос, и станет его восхвалять за это.

Пандар. Я готов дать клятву, что Елене он нравится больше, чем Парис.

Крессида. О, значит, у этой гречанки прелегкомысленный нрав!

Пандар. Я уверен, что он ей нравится. На днях она приблизилась к нему… Он стоял у оконной ниши… Ты знаешь, ведь у него на подбородке всего три-четыре волоска растут.

Крессида. Да, откровенно говоря, их легко счесть и без математики. Любой трактирный слуга подсчитает.

Пандар. Да, он еще очень молод. И все-таки сила у него такая, что он… ну, может быть, на три фунта меньше вытянет, чем его брат Гектор!

Крессида. Да неужели! Так молод и такая прыть!

Пандар. И вот доказательство, что Елена к нему неравнодушна: она подошла к нему и прикоснулась своей белой ручкой к его раздвоенному подбородку.

Крессида. О сжалься, Юнона! Кто же ему раздвоил подбородок?

Пандар. Не то. У него, знаешь, ямочка на подбородке. По-моему, во всей Фригии ни у кого нет подобной улыбки.

Крессида. О, улыбка у него замечательная!

Пандар. Не правда ли?

Крессида. Как осенняя туча.

Пандар. Ну, говори, говори… Однако, чтобы доказать тебе, что Елена влюблена в Троила…

Крессида. Докажи это Троилу. Ему интереснее.

Пандар. Троилу! Но она для него не интереснее выеденного яйца.

Крессида. Если ты так же любишь выеденные яйца, как пустые головы, то поешь всех невылупившихся цыплят.

Пандар. Вспомнить не могу без смеха, как она

щекотала ему подбородок. Ведь у Елены дивная ручка, надо сознаться.

Крессида. И даже — без пытки.

Пандар. Вдруг она нашла седой волосок на его подбородке.

Крессида. Бедный подбородок! Он может позавидовать многим бородавкам.

Пандар. Сколько тут было смеха! Царица Гекуба хохотала до слез; они выкатывались у нее…

Крессида. Как жернова.

Пандар. И Кассандра хохотала так…

Крессида. Что глаза выкатывались? Или и у нее из глаз катились слезы?

Пандар. И Гектор до того смеялся…

Крессида. Над чем же они, однако, так надрывались от смеха?

Пандар. Да все над тем же седым волоском, который Елена открыла на Троиловом подбородке.

Крессида. Вот если бы зеленый волос она у него нашла, я бы, пожалуй, посмеялась тоже.

Пандар. Их рассмешил еще не столько волос, сколько забавный ответ его.

Крессида. Что же он такое ответил?

Пандар. «Знаешь, — сказала Елена, — у тебя на подбородке всего пятьдесят один волос и один из них поседел».

Крессида. Только и всего?

Пандар. Постой. «Пятьдесят один, — отвечает он, — и один из них поседел. Значит, этот седой мой отец, а остальные — его сыновья». — «О Юпитер! — воскликнула она на это. — Который же из них супруг мой — Парис?» — «Раздвоенный, — отвечает Троил. — Вырви его и отдай ему». Тут все залились смехом, Елена так покраснела, а Парис так разозлился… Ну а все остальные чуть не лопнули от хохота.

Крессида. Довольно. А то лопнет мое терпение от этих пустяков.

Пандар. Дело твое, племянница. Я тебе вчера кое-что сообщил. Подумай об этом.

Крессида. Думаю.

Пандар. Клянусь, это сущая правда. Троил так плачет о тебе, как будто в апреле родился.

Крессида. Так я вырасту от его слез, как майская крапива.

Бьют отбой.

Пандар. Смотри, вот они возвращаются с поля битвы. Станем здесь и поглядим, как они будут проходить в Илион. Не так ли, моя добрая племянница, моя милая Крессида?

Крессида. Пожалуй.

Пандар. Стой здесь. Отличное место! Отсюда

мы прекрасно все разглядим. Я буду называть тебе всех по имени, сообразно с тем, как они будут проходить. Но ты обращай внимание на одного Троила.

Крессида. Не так громко.

*Проходит **Эней**.*

Пандар. Вот Эней. Это ли не дивный мужчина! Могу сказать по совести — один из цветков Трои. Но все же ты обращай внимание на Троила. Вот ты увидишь, каков он.

Крессида. А это кто?

*Проходит **Антенор**.*

Пандар. Это Антенор. Могу по совести сказать — умнейшая голова и очень недурен собой. Однако что же не идет Троил? Увидишь, как только он заметит меня, сейчас сделает условный знак головой.

Крессида. Осчастливит тебя.

Пандар. Увидишь.

Крессида. Велика важность.

*Проходит **Гектор**.*

Пандар. А вот и Гектор. Вон тот… тот самый молодчина. Да, племянница, Гектор мужчина хоть куда! Храбрый, мужественный… Заметь, как он смотрит! Какова осанка! Это величие. Разве не молодчина?

Крессида. Неоспоримо.

Пандар. Не правда ли? Сердце радуется при взгляде на него. Заметь, какие рубцы на его шлеме. Вглядись хорошенько. Видишь? Это не шутка. По этим рубцам видно, что жаркое дело было. Это рубцы!

Крессида. И все от мечей?

Пандар. Не все ли равно, от мечей или не от мечей. Хоть сам черт на него нападай, он не поддастся. Всех богов призываю в свидетели — сердце радуется при взгляде на него. А вон Парис идет. Видишь, вот, вот Парис.

Проходит ***Парис****.*

Смотри на него, племянница. Разве не красив и он! Что же ходили слухи, что он уже возвратился домой и ранен? Ни малейшей раны! То-то обрадуется Елена, когда он вернется домой невредимым! Теперь бы взглянуть на Троила. Что же Троил?

Проходит ***Эллен****.*

Крессида. А это кто?

Пандар. Эллен. Странно, однако, нет и нет Троила. Да… Эллен… Или тот сегодня не выходил на бой?.. Этот… да… Этот — Эллен.

Крессида. А разве Эллен тоже в состоянии сражаться?

Пандар. Эллен-то? Куда ему! То есть так себе…

и в состоянии и не в состоянии… Удивляюсь, куда запропастился Троил? Слушай… Там, кажется, кричат: «Троил»?.. Нет, куда Эллену драться! Эллен — трус.

Крессида. А это что за пигалица переступает там?

Проходит ***Троил****.*

Пандар. Где?.. А, ты не про того! Это — Дейфоб… А вот — Троил. Что, племянница! Каков человек! Да, доблестный Троил. Герой над героями!

Крессида. Тише. Постыдился бы!

Пандар. А ты вглядись в него. Запомни хорошенько. О храбрый Троил! Заметь, как окровавлен меч его. А шлем-то! Шлем-то! Иссечен больше, чем у Гектора. Заметь, какой взгляд! Какая поступь! О дивный юноша! И ему нет двадцати трех лет! Иди своей дорогой, Троил! Иди своей дорогой! Будь у меня сестра грация или дочь богиня, я предоставил бы ему любую. Дивный мужчина! Парис? Парис — тьфу перед ним, Елена с радостью отдала бы за этого — того, да еще собственный глаз в придачу.

Проходят несколько ***простых воинов****.*

Крессида. Вот и еще идут.

Пандар. Ослы! Дураки! Олухи! Труха и солома! Солома и труха! Похлебка после мяса! Я до самой

смерти мог бы, кажется, не сводить глаз с Троила. Ну что ты смотришь еще? Что? Улетели орлы, остались только вороны да галки, галки да вороны. Уж если на кого походить, так я предпочел бы быть Троилом, чем всеми греками вместе с прибавкой Агамемнона.

Крессида. Среди греков есть Ахиллес. Далеко до него Троилу.

Пандар. Ахиллес! Да это ломовой извозчик, носильщик, верблюд… и больше ничего!

Крессида. Полно, полно.

Пандар. Чего полно! Есть у тебя понятие? Есть глаза? Не можешь отличить мужа! Разве порода, красота, статность, красноречие, мужество, образование, воспитание, любезность, добродетель, юность, щедрость и все прочее — не та соль, не те пряности, которые приправляют человека.

Крессида. И не говори! Человек из особенного теста, в которое и фиников класть не надо: без них всходит.

Пандар. Престранная ты женщина. Нет возможности предвидеть твои ответы, на какое слово ты наляжешь и от какого ускользнешь.

Крессида. Я полагаюсь на спину, чтобы защитить живот, на ум, чтобы защитить лукавство, на скромность, чтобы защитить честь. Маской за-

щищаю я красоту, а тобою — все это разом. Вот те слова, на которые я опираюсь при ответах. У меня их не счесть, как и средств для самозащиты.

Пандар. Нельзя ли узнать хоть одно?

Крессида. Ни за что. Лучшее средство для защиты — молчание. Если то, что нуждается в защите, я не сумею сохранить от посторонних рук, то, по крайней мере, я скрою пораженное место. Разве уж если оно вспухнет до очевидности… Тогда уж поздно охранять.

Пандар. Престранное ты существо.

Входит ***мальчик****, слуга* ***Троила****.*

Мальчик (*Пандару*). Мой господин желает сейчас же поговорить с тобою.

Пандар. Где он?

Мальчик. У тебя дома. Он снимает теперь свои доспехи.

Пандар. Передай ему, славный юноша, что я иду.

Мальчик уходит.

Боюсь, не ранен ли он! Прощай, любезная племянница.

Крессида. Прощай, дядя.

Пандар. Я скоро опять увижусь с тобою.

Крессида. С чем тебя ждать, дядя?

Пандар. С доказательством любви Троила.
Уходит.

Крессида. И тем окончательно докажешь, что ты — сводник.

Все жертвы, все дары любви, признанья,
Восторг, печаль и слезы и стенанья
От имени другого он сулит.
Не знает он, что сердце говорит
Мне о высоких качествах Троила –
В сто раз ясней, сильней, чем отразило
Их зеркало напыщенных похвал.
Но не сдаюсь, – как он бы ни желал.
Мы, женщины, мы ангелы, покуда
В мужчинах к нам горит огонь. Но чудо
Становится ничем, когда его
Он вдруг возьмет. Один лишь миг всего –
И смерть любви! Нет, как бы ни любила
Я милого, – уста мои могила!

Уходит.

Сцена 3

Стан греков перед шатром Агамемнона. Трубы. Входят ***Агамемнон, Нестор, Улисс, Менелай и другие.***

Агамемнон

Скажите мне, князья и полководцы,
Какая скорбь туманит ваши лица
Болезненной, зловещей желтизною?
Случалось ли, чтоб все предначертанья,
Все планы человека исполнялись
Согласно с ожиданьями? О нет!
И самые великие деянья
Нередко на пути своем встречают
Препятствия и беды; и они
Нередко развиваются подобно
Уродливым наростам иль узлам
На царственных могущественных кедрах.
Движенье соков в ветках и корнях

Они в себе задерживают жадно,
И стройный ствол кривится. Так, друзья,
Поверьте мне, не стоит огорчаться,
Что все еще надежды не сбылись
На скорое завоеванье Трои
И что пока незыблема она.
Все предприятья славные, насколько
Из прошлого рисует память мне,
Полны таких нежданных отступлений
От ясных начертаний и от форм
Возвышенных и в мыслях совершенных.
Зачем же вы в смятенье и тоске
Взираете на положенье наше?
Неужто эта мелкая задержка
Вам кажется позором? А меж тем
Вы в ней должны провидеть испытанье,
Ниспосланное Зевсом, чтоб узнать
Границы нашей веры и терпенья.
Да, этого металла чистоту
Немыслимо постичь, пока Фортуна

Потворствует нам: храбрый, как и трус,
Силач, как слабый, умный, как и глупый,
Тогда вполне казались бы равны.
Лишь бури жизни мощным дуновеньем
С поверхности срывают пену, муть;
И только то, в чем есть и вес и твердость,
То, что в огнеупорной чистоте
Лежит на дне плавильного сосуда,
Считается металлом благородным.

Нестор

С тем уваженьем, коего достоин
Твой трон божественный,
о вождь Агамемнон,
Твои слова еще дополнит Нестор.
Испытанным вполне считать себя
Лишь может тот, кто стойко перенес
Ниспосланные роком испытанья.
Пока спокойно море, погляди,
Как много там мелькает утлых ло-

док,
Сопутствуя испытанным судам.
Но только лишь разгневанный Борей
Накинется на кроткую Фетиду,
Корабль могучий, крепкоребрый, вдаль
Среди стихий взволнованных несется,
Похожий на Персеева коня,
А утлая и ветхая ладья,
Еще недавно споривша дерзко
С гигантами, она иль стала вдруг
Добычею Нептуна, иль укрылась
В немую гавань. Истинную доблесть
Так отличить легко во время бурь.
Средь блеска и сиянья счастья, овод
Страшнее стаду кажется, чем дикий,
Свирепый тигр. Когда гроза дохнет,
Столетний дуб склоняет вдруг колени,
Под сенью вязов вьется мошкара,
А человек, бесстрашный и могучий,
Грозою вдохновенный, с нею в лад
Ответствует разгневанному року
Такими же громовыми речами.

Улисс

Агамемнон! Великий вождь, душа
И становой хребет Эллады – сердце
И мозг несметных полчищ наших. Ты,
В ком так слились все наши мысли, чувства,
Послушай речь Улисса. Но сперва
Позволь воздать от глубины сердечной
Достойное хваление

(*Агамемнону*)

тебе,
Прославленному доблестью и саном.

(*Нестору.*)

Затем – тебе, своею сединой
Стяжавшему права на уваженье.
О царь, чтоб речь твою запечатлеть,
Ее десница Греции на меди
Должна бы вырезать! А про твою,
Маститый Нестор, я сказать обязан,
Что и ее, как и тебя бы, надо
Оправить в серебро, дабы, как ось,

Вокруг которой небеса вертятся,
Служила связью вечною она
Меж жадным до познанья слухом греков
И языком торжественным твоим –
И все же я молю, благоволите,
Ты, славный вождь, и мудрый старец, ты,
Услышать речь Улисса.

Агамемнон

Царь Итаки,
Тебя готовы слушать мы; давно
Известно нам, что с мудрых уст Улисса
Бесплодных слов нельзя и ожидать,
Как с дерзких уст Терсита невозможно
Ждать мудрости оракула иль песен.

Улисс

Уже давно была б во прахе Троя,
Меч Гектора давно б упал из рук,
Когда бы в стане греков чтилось свято
Величье власти. Но, увы, шатров,

Ветрами раздуваемых, не меньше,
Чем лживых и раздутых самолюбий.
Возможно ль меда ждать, когда сам вождь –
Не матка улья и в раздоре пчелы.
Там, где вождем распущены войска,
Там недостойный и достойный рядом.
Везде свой строй – и на земле внизу,
И в небесах, среди планет горящих –
Законы первородства всюду есть,
Есть первенство во всем, есть соразмерность:
В обычаях, в движениях, в пути
Везде порядок строгий, нерушимый.
Одно светило – солнце, выше всех.
Оно, как на престоле, управляя
По-царски сонмом всех других планет,
Своим целебным оком исправляет
Их вредное воздействие и вид,
И злых и добрых равно наставляя.
Но стоит раз планетам обойти
Порядок свой – о, сколько бед возник-

нет

Чудовищно мятежных! Сколько бурь,

Землетрясений, столкновений грозных

И перемен! Смятенье, ужас, мрак

Цветущих стран разрушат мир блаженный.

Где лестница для величавых дел?

Что, кроме смерти, ждет все предприятья?

Чем держится порядок стройный школ?

Сословья в городах, торговля? Только

Священною охраной прав! Попробуй

Ступени эти вырвать или веру

Поколебать, и скоро вы разлад

Во всем найдете. В мире все к борьбе

Настроено. Недвижимые воды

Мгновенно возмутятся; затопив

Все берега, они и мир затопят,

И станет он похож на мокрый хлеб.

Насилие порабощает слабость,

И изверг сын отца замучит. Право

Заменит сила. А еще верней –
Неправда с правдой, посреди которых
Есть справедливость, – воссольются вдруг,
И сгинут скоро даже их названья.
Все подпадет под иго своеволья,
Сама ж она – под иго грубой силы,
А своеволье – раб чревоугодья.
Чревоугодье – ненасытный волк,
При помощи сподвижников подобных
В конце концов пожрет само себя.
Так вот, о вождь блистательный, что выйдет,
Коль упразднить чиноначалье. Да,
Хаос везде, во всем! Уничиженье
Во время войн ведет лишь к одному:
Все, что вперед не движется, обратно
Должно пойти. Ближайший подчиненный
С презреньем отнесется к полководцу,
А к этому – еще стоящий ниже.
Так, вырастая с каждою ступенью,

Переходя от одного к другому,
Оно влечет соперничество, зависть,
И до сих пор своим спасеньем Троя
Обязана не мужеству защиты,
А роковым раздорам в нашем стане!
Чтоб речь мою пространную закончить
Я повторяю: Троя невредима
Не потому, что мужество в ней сильно,
А потому, что мы бессильны сами.

Нестор

Я признаю – недуг, гнетущий нас,
Определил Улисс премудро, верно.

Агамемнон

Недуг открыт, но чем его лечить?

Улисс

Чем? Ахиллес великий, тот, кого
Молва зовет десницей гордых греков,
В своей палатке, лестью упоен,
Валяется, кичась и насмехаясь

Над нашими стараньями. Патрокл
С ним заодно глумится над врагами
И нас клеймит позорной клеветой.
Что мы! Тебя, Агамемнон великий,
Он не щадит… ни имени, ни сана,
И, как актер бездарный, все таланты
Которого лишь в подколенной жиле,
В беседе ног с кроватью деревянной,
Позорит он твое величье дерзко,
Тем голосом, который дребезжит,
Как колокол разбитый, и словами,
Которые в устах Тифона даже
Казались бы гиперболами злыми!
Смотря на эти пошлости, Ахилл
От грубых плеч до живота хохочет
И громко восклицает: «Ну, совсем
Агамемнон! Отлично! Превосходно!
Теперь представь мне Нестора, как он
Пред каждой речью бороду погладит,
Покашляет…» И представляет тот.
Пускай одно похоже на другое,
Как на Вулкана мощного – жена,

Но Ахиллес все вопит: «Превосходно,
Ну сущий Нестор! А теперь, Патрокл,
Представь, как он в часы ночной тревоги
Вооружается». И вот Патрокл опять
Над немощами старости глумится:
Он кашляет, плюет и с дрожью рук
Как будто бы застегивает латы,
Не попадая в пряжку ремешком.
А тот, герой, катается от смеха,
Крича: «Довольно! Будет! Будет, друг,
А то умру от смеха!» Так все наши
Достоинства, таланты и черты,
Намеренья, успехи, неудачи
И выдумка и правда – все ему
Посмешищем и поруганьем служит.

Нестор

А нечестивцев пагубный пример,
Бог весть за что, – как наш Улисс заметил, –
Возведенных едва не на Олимп
И прочих заражает. Для примера

Взять хоть Аякса. Этот тоже стал
Заносчив, горд, себялюбив, не меньше,
Чем Ахиллес. Он, как и тот, теперь
По целым дням в шатре своем пирует,
С величием оракула глумясь
Над нашими невзгодами. Он даже
Науськивает подлого Терсита,
Бесстыжего раба, чьи желчь и злость
Чеканят, как фальшивую монету,
И клевету и гнусности об нас.
Что до того ему, что подрывает
Он языком своим доверье войск!

Улисс

Они позорят нашу осторожность
И трусостью зовут и на войне
Считают лишней. Там, по их понятьям,
Один кулак полезен. А работу
Ума, который должен вычислять
И взвешивать наличность сил враждебных,
Они не ставят ни во что. Такой

Полезный труд они считают даже
Стратегией постельной, кабинетной.
Они таран за страшный вес его
И гибельную скорость почитают
Достойнее почтенней той руки,
Которой он сработан, или мысли,
Его создавшей.

Нестор

Коль поверить им,
Так этак конь Ахилла в состоянье
Прижить детей с Фетидою.

За сценой трубы.

Агамемнон

Трубят. Мой брат, взгляни, что там!

Менелай

Посол из Трои.

Входит ***Эней****.*

Агамемнон

Зачем, посол, явился к нам?

Эней

Прошу

Ответить: здесь шатер Агамемнона?

Агамемнон

Он здесь.

Эней

Осмелится ль герольд и вождь

Слух царственный его склонить к посланью?

Агамемнон

Не меньше Ахиллесова меча

Мои слова надежны, и порукой

Они, что здесь послание твое

Дойдет к Агамемнону перед теми,

Кто отличил избранием его.

Эней

Достойная порука и любезность.

Но как же мне, простому пришлецу,

Царя царей не знавшему доселе,

От прочих смертных как мне отличить?

Агамемнон

Как отличить?

Эней

Да, свой вопрос тебе
Я задаю, чтоб встать с благоговеньем
Пред взорами царя, чтобы зажглись
Таким румянцем вдруг мои ланиты,
С каким Заря на Феба обращает
Невинный взор. Итак, поведай мне,
Где этот бог по сану и властитель
Сердец и дум? Где царь Агамемнон?

Агамемнон

Над нами насмехается троянец?
Иль царедворцы льстивые они?

Эней

Да, может быть, мы правда царедворцы,
Когда привет и мир несем друзьям,
Но клич войны нас превращает в бурю;
Мечи блестят, как молнии, в руках.
Свидетель Зевс, троянцы не бежали.
Но замолчи, Эней! Троянец, стой!

Перст на уста! Хвала теряет цену,
Когда она относится к тому,
Кто говорит ее. Лишь та хвала прекрасна,
Которая слетает с уст врага.

Агамемнон

Скажи, посол троянский, не Энеем
Тебя зовут?

Эней

Да, так меня зовут.

Агамемнон

С чем ты пришел к нам?

Эней

Я скажу об этом Агамемнону.

Агамемнон

Он не захочет
Послание троянское, как тайну,
Выслушивать.

Эней

Из Трои я пришел

Не с тайною, шептаться я не буду!

Труба со мной, чтоб сонный слух будить

И речь свою начну тогда я только,

Когда его внимание зажгу.

Агамемнон

Троянец! Пусть свободную, как вихрь,

Услышу речь. Теперь Агамемнону

Не время спать. Он сам перед тобой.

Эней

Греми, труба! Греми звончей! Пусть льются

Из глубины могучей медной груди

Живые звуки в вялые шатры!

Пусть каждый грек услышит то, что Троя

В лице моем открыто говорит.

Трубачи трубят.

Ты, царь Агамемнон, слыхал, быть может,

Что в Трое есть царевич Гектор, сын

Достойнейший достойного Приама.

Наскуча долгим перемирьем, он

Мне предложил при трубном звуке громко

Вам возвестить условие свое,

Цари, вожди и воины! Найдется ль

Средь греков благороднейших один,

Кто б честь поставил выше, чем покой.

Кто, добиваясь славы, презирает

Опасности, надеясь на свое

Могущество, совсем не знает страха?

Кто сердцем любит женщину и может

Свою любовь открыто доказать

С оружием в руках при всем народе?

Найдется ль! Пусть услышит вызов мой,

И мужественный Гектор наш докажет

Иль доказать попробует герою

Перед лицом всех греков и троян,

Что в мире знает женщину, красою

И верностью с которой ни одна

Из жен, которых греки обнимают,
Соперничать не может! Если вы
Согласны, – он, Гектор, завтра трубным звуком
Вас известит, что там, на полпути
Меж греческим и меж троянским станом,
Он ждет того, кто может отстоять
Честь ваших жен. Он ждет его с приветом,
А не найдется – всюду разгласит,
Что жены греков все черны от солнца,
Не стоит из-за них ломать копья.
Я кончил.

Агамемнон

Мы передадим все это,
Эней, влюбленным нашим. Коль из них
Никто речей не примет близко к сердцу,
Так, значит, дома дремлют все бойцы.
Но если так, и сам еще я воин!
Пусть прослывет ничтожным тру-

сом тот,

Кто сам влюбленным не был и влюбленным

Не мнил себя. Итак, когда средь них

Объявится такой, что был влюбленным,

Иль мнил себя таким, – ответит он

На вызов Гектора; а не найдется, –

Я отвечаю сам.

Нестор

Скажи ему,

Что есть еще у греков Нестор, воин,

Который мужем был уже тогда,

Когда еще у материнской груди

Кормился дед его, отец Приама.

Пусть Нестор стар, но если в войске греков

Не сыщется способный постоять

За женщину любимую, поведай, –

Я бороду сребристую мою

Под золотым забралом спрячу, руки

Иссохшие я скрою от него

В наручниках и выступлю на битву,
Скажу ему: «Жена моя была
Прекрасней бабки Гектора и чище
Всех женщин в мире! Крови капли три
Во мне осталось. Я готов на встречу.
За святость слов я кровью той отвечу».

Эней

Храни вас Зевс! Ужель бойцов так мало
Средь юношей, что выступит старик!

Улисс

Да будет так.

Агамемнон

Тебе, Эней, я руку
Хочу пожать и лично проводить
К себе в шатер. Твой вызов Ахиллесу
Передадим мы тотчас же, а также
И всем вождям ахейским, из шатра
В шатер. Теперь ты гость наш. Вместе с нами
Пойдем. Тебя гостеприимство ждет,

В гостях у нас и недруг встретит дружбу.

Все уходят, кроме Улисса и Нестора.

Улисс

Ну, Нестор!

Нестор

Что ты скажешь, царь Итаки?

Улисс

Блеснула мысль в уме моем. Она
Еще в зародыше, но ты заменишь
Мне время и придашь ей зрелость.

Нестор

Что
Задумал ты?

Улисс

Послушай: острым камнем
Рассечь нетрудно узел. Гордость ту,
Что словно колос зрелый налилась
В душе Ахилла, надо подкосить,
Не то на землю высыпятся зерна

И среди нас посеют столько бед,
Что мы погибнем.

Нестор

Правда. Только как же
Все это сделать?

Улисс

Дерзкий вызов тот,
С которым Гектор обратился к грекам,
Относится к Ахиллу.

Нестор

Мне расчет
Понятен, как итог несложный. Если
Ахилл услышит вызов, будь мозги
Его бесплодны так, как Ливии пески –
А что бесплодны – знает Аполлон, –
Герой наш мудрый все же угадает
Кому тот вызов.

Улисс

А решится он
Ответить Гектору?

Нестор

Я полагаю.

К тому же это неизбежно. Кто

Поддержит честь победы в поединке

С таким врагом, как Гектор? Лишь Ахилл.

Хотя троянца вызов лишь забава,

Но для молвы победа нам важна.

О, вкусу изощренному троянцев

Хотелось бы объедков нашей славы

Попробовать. И верь, Улисс, хотя

Предложен вызов в очень странном виде,

Он может крупный вред нам принести.

Бой шуточный – исход для нас серьезный:

В нем образ наш, заглавье, что в себе

Таит суть книги. Все решат, что избран

Для поединка с Гектором герой,

Мерило силы, доблести ахейской,

И если Гектор верх над ним возьмет,

Как возгордится весь враждебный лагерь
Своей победой! Как он возомнит
О торжестве своем над побежденным!
Общественному мнению – рука
Такой же друг, как лук иль меч послушный
Для той руки.

Улисс

Прости, что перебью
Тебя я, Нестор. Речь твою я понял.
Так! На борьбу Ахилла не должны
Мы выпускать… Мы, как купцы, поступим:
Товар поплоше выпустим, и с рук,
Быть может, он сойдет. А если этот
Расчет не оправдается, то все ж
Того поднимет цену, что в запасе.
Не надо соглашаться, чтоб Ахилл
Сражался с Гектором. Тогда победа
И пораженье – только грусть для нас.

Нестор

Быть может, так глаза мои ослабли,
Последствий грустных я не разгляжу.

Улисс

Над Гектором блестящая победа
Была б, пожалуй, нашим торжеством,
Когда б Ахилл так горд безмерно не был.
Он и теперь заносчив без границ.
Поверь мне, легче нам стоять под солнцем
Палящей Африки, чем выносить
Надменный взгляд Ахилла при победе;
А если Гектор победит, на нас
Падет позор: сильнейший грек повержен.
Не лучше ль бросить жребий так, чтоб он
Глупцу Аяксу выпал. Так полезный
Урок Ахиллу мы дадим и тем
Излечим навсегда и Мирмидона
Великого от спеси. Пусть скромней
Свой пестрый гребень носит: от хва-

лений
Он у него превыше поднялся,
Чем даже лук сверкающей Ириды.
Когда Аякс безмозглый из сраженья
Вдруг выйдет победителем, его
Мы вознесем до неба. – Если ж будет
Он побежден, останется у нас
Уверенность, что есть бойцы получше.
Удастся ль, не удастся ли наш план,
Мы все ж достигнем цели. Избирая
Аякса, мы избранием таким
Ахиллу перья все расшевелим.

Нестор

Твой план, Улисс, мне по душе, и надо
Его внушить Агамемнону. Пусть
Он и его расшевелит. Пусть оба
Рычащих пса один другого рвут,
И, если гордость крепче всяких пут,
Пусть их она обоих съест, как злоба.

Уходят.

Акт II
Сцена 1

Другая часть греческого лагеря. Входят ***Аякс и Терсит****.*

Аякс. Терсит!

Терсит. О, чтобы волдыри вскочили у этого Агамемнона на всем теле!

Аякс. Терсит!

Терсит. Если бы волдыри эти потом вскрылись и он бы вытек. Что скажешь?

Аякс. Псина!

Терсит. По крайней мере, хоть чем-нибудь проявил бы себя, а то теперь и этого нет.

Аякс. Твои уши оглохли, волчий сын, так я заставлю чувствовать твои бока.

Бьет его.

Терсит. Чтобы греческая проказа тебя взяла, ублюдок с бычачьим мозгом!

Аякс. Поговори еще, поговори. Я тебя буду взбивать, как прокислое тесто, пока красавца из тебя не сделаю.

Терсит. Скорей насмешки мои превратят тебя в умного и благочестивого человека, хотя ло-

шадь твоя и та скорей выучит наизусть любую проповедь, чем ты выучишь наизусть хоть одну молитву. Дерись, дерись, возьми тебя чесотка с твоими лошадиными наклонностями.

Аякс. Говори, поганый гриб, что давеча там провозглашали?

Терсит. Иль, по-твоему, я не чувствую твоих ударов.

Аякс. Что провозглашали, я спрашиваю?

Терсит. Глупость твою, разумеется.

Аякс. Ой, берегись, дикобраз. Берегись! У меня руки раззуделись и без того.

Терсит. Чтобы тебя всего зуд взял, а мне бы разрешили драть тебя. Я бы живо тебя обратил в гнуснейшую греческую язву.

Аякс. Будешь ты говорить, что провозглашали?

Терсит. Известно, что ты беспрестанно лаешь и ворчишь на Ахилла из зависти, как Цербер на красоту Прозерпины.

Аякс. Баба Терсит.

Терсит. Так побей его.

Аякс. Лепешка!

Терсит. Он бы тебя двумя пальцами в порошок стер.

Аякс. Потаскушкино отродье!

Бьет его.

Терсит. Попробуй сунься.

Аякс. Ведьмин помет!

Терсит. Бей, ослиная голова, бей! У тебя мозгу в ней не больше, чем у меня в локтях. Осел мог бы научить тебя храбрости. Ты ведь только и годен давить троянцев, а для умных людей ты дикий хам. Если ты еще будешь меня колотить, я примусь тебя обрабатывать с головы до пят. Так переберу, что любо.

Аякс. Псина.

Терсит. Паршивый герой.

Аякс. Харя! (*Бьет его.*)

Терсит. Бей, Марсов болван, бей, дикий хам, бей, верблюд… бей, бей!

Входят ***Ахилл и Патрокл.***

Ахилл. В чем дело, Аякс? За что ты его колотишь? Да расскажи же, Терсит, как и что?

Терсит. Видели, каков гусь? Видели?

Ахилл. Да в чем суть, однако?

Терсит. Погляди на него хорошенько.

Ахилл. Гляжу, — ну, что ж из этого?

Терсит. Нет, ты получше погляди.

Ахилл. Да гляжу.

Терсит. И все-таки, не как надо, потому что за что бы ты его ни принимал, он останется Аяк-

сом.

Ахилл. Само собою разумеется, дурак!

Терсит. Само собою разумеется для вас, да не для этого дурака.

Аякс. За это я и бью тебя.

Терсит. Ну, вот это образец его плоских острот. У всех его фраз длиннейшие уши. Его мозг пострадал от меня больше, чем мое тело от его кулаков. Мозг его не стоит и воробьиного хвоста, а ведь десятку воробьев грош цена! Словом, Ахилл, тебе сразу стало ясно, что я говорю про Аякса, у которого мозг в брюхе, а кишки в голове.

Ахилл. Что ты говоришь?

Терсит. Я говорю: у Аякса…

Ахилл (*останавливает Аякса, который хочет ударить Терсита*). Полно, добрейший Аякс.

Терсит. Не хватает ума даже…

Ахилл. Прекрати, дурак…

Терсит. Я бы прекратил, да дурак-то не прекращается. Вот этот, видишь.

Аякс. Проклятая собака! Вот я!..

Ахилл. Неужто ты с дураком станешь состязаться в уме?

Терсит. Ручаюсь, что нет: каждый дурак заткнет его за пояс умом.

Патрокл. Сдержись, Терсит!

Ахилл. Да из-за чего у вас загорелось?

Аякс. Я спрашиваю у этого гнусного филина, что вышло сегодня в лагере, а он лается.

Терсит. Я не слуга твой.

Аякс. Хорошо, продолжай, продолжай.

Терсит. Я служу здесь сам по себе.

Ахилл. Однако последняя твоя служба была совсем не такова. Под колотушки сам по себе не полезешь. Тут ведь Аякс действовал добровольно, а ты-то не по доброй воле получал.

Терсит. И то! Иль многие врут, или часть и твоего ума в мышцах. Вот Гектор-то разинет рот, когда, размозжив твою или его голову, увидит, что расколот гнилой орех без признака ядра.

Ахилл. Как? Ты уже и меня задеваешь?

Терсит. Взять Улисса или старого Нестора. У них ум и тогда уже плесенью начинал покрываться, когда у ваших дедов и ногтей еще не росло. Вот они и запрягли теперь вас, как яремных волов в плуг… заставляют пахать поле битвы.

Ахилл. Что? Что?

Терсит. Верно… Гей, гей, Ахилл… Гей, гей, Аякс!.. Гей, гей!

Аякс. Я вырву язык твой!

Терсит. Не беда. Я и без него буду не менее красноречив, чем ты.

Патрокл. Молчи, Терсит. Довольно!

Терсит. Так я и замолчу по требованию Ахиллесовой ищейки.

Ахилл. Вот и тебе попало, Патрокл.

Терсит. Будет с меня. Я приду в ваши палатки разве затем, чтобы увидеть подвешенными пустые головы. Покидаю скопище дурней. Буду только там отныне, где сияет ум.

Уходит.

Патрокл. Счастливого пути.

Ахилл

Коль хочешь знать, Аякс, провозглашали,
Что завтра в пять часов, когда взойдет,
Сияя, солнце, – меж стенами Трои
И нашими шатрами, Гектор сам
При громе труб заявит громогласно,
Что вызывает дерзкого на бой,
Того, кто утверждать при нем посмеет,
А что… не знаю… Глупости!.. Прощай…

Аякс

Прощай. Но кто ж на вызов отзовется?

Ахилл

Не знаю… Слышно, жребием решат…
Найдется…

Аякс

Он не на себя ли метит?
Пойду узнать.

Уходят.

Сцена 2

Троя. Комната во дворце Приама. Входят ***Приам, Гектор, Троил, Парис и Эллен****.*

Приам

Друзья мои, немало
Речей, часов и жизней утекло,
И вот что нам вещает снова Нестор
От имени соотчичей: «Елену
Верните нам, а все иные жертвы:
Труды и честь, утраты, кровь и раны,

Погубленное время и друзья –
Все, что война так алчно поглотила,
Забудется…
Что скажешь, Гектор, ты?

Гектор

Хоть вряд ли кто боится греков меньше,
Чем я, хоть мне средь женщин равной нет
Своим губкоподобным, мягким сердцем,
Чужую скорбь впивающим в себя,
И все-таки, Приам несокрушенный,
Я признаюсь… и закричать готов
Пред целой Троей: «Кто нам поручится
За будущее гибельной войны?
В себя одна лишь безопасность верит:
Плод не войны, а мира. Недоверье
Разумное – и мера – и маяк
В густом тумане будущего; с ними
Мудрец спокойно разбирает все…
Елену отпустите. С той поры,

Как в этой распре обнажен впервые
Был острый меч, не каждая ль из десяти
Погибших душ, а их так много сгибло –
Была, как и Елена, дорога?
Бесстрашно и упорно защищая
Нам женщину чужую, принесли
Мы много жертв кровавых… Я не вижу
Достаточного повода послать
Отказ на эту просьбу греков.

Троил

Стыдися, Гектор. Царственную честь,
Достоинство такого властелина
Великого, как наш родитель, ты
Желаешь взвесить жалкими весами,
Могучих крыльев царственный размах
Сковать ничтожной рамкой рассуждений;
От имени богов я говорю:
«Стыдись, стыдись…»

Эллен

Меня не удивляет,

Что ты, Троил, враг рассуждений… Но
Лишь потому, что нет их у Троила,
Нельзя вменять в обязанность отцу
Их презирать в делах особо важных.

Троил

Эллен, как жрец, к мечтам и грезам склонен;
Перчатки даже подбивает он
Благоразумьем… Например, известно,
Что неприятель нам желает зла,
Что обнажать разящий меч опасно, –
Беду рассудком можно отвратить,
Поэтому легко понять, что стоит
Ему с оружьем грека увидать,
Чтоб прицепить к ногам рассудка крылья
И улететь, как сам Меркурий, вдаль
От грозных глаз разгневанного Зевса,
Иль как звезда, сошедшая с пути.
Итак, друзья, уж если нам нельзя
Бежать рассудка – ворота замкнем
И ляжем спать спокойно. Что нам

честь
И мужество! Пускай они, как зайцы,
Дрожат впотьмах, достойные тебя.
Бледнеет печень, мужество хиреет
От этого благоразумья!

Гектор

Брат,
Сама Елена жертв таких не стоит.

Троил

Своею мерой всякий мерит…

Гектор

Да,
Но ценность-то сильна не произволом,
Достоинство цену определит ей,
Достойный взвесит. Если поклоненье
Преувеличит божество, – оно
Уже зовется идолопоклонством,
Благоговенье ж страстное к тому,
В чем то мы чтим, чего нет даже тени,
Безумие!

Троил

Я ныне изберу
Себе жену. Послушен воле выбор,
А волю вдохновляли и глаза,
И уши, – двое славных кормчих,
Свершающих отважно вечный путь
Между двумя подводными скалами –
Желанием и разумом. Когда ж
Мое желанье сменит отвращенье,
Могу ль я бессердечно отвергать
Ту, на кого пал выбор мой свободный?
Нет, никогда! И с честью примирить
Нельзя такой поступок. Мы не смеем
Запятнанные ткани возвращать
Купцу, который чистыми их продал.
Остатки яств не валим мы в лохань
Лишь потому, что после пира сыты.
Париса подстрекали все, когда
Задумал мстить он грекам. Ты припомни,
Какою бурей дружного согласья
Вздувались паруса его! Моря

И ветры, им враждебные, сошлись
В союзе мирном, в рабском угожденье.
Достиг заветной цели он. Успех
Венчает подвиг брата. Он привозит
Взамен старухи тетки – дивный перл,
Красавицу царицу. Перед ней
Сам Аполлон – старик морщинистый,
Бледна заря… Туманно утро мая.
Зачем ее мы держим? А зачем
В плену еще и ныне держат греки
Старуху тетку? Стоило ль держать
В плену Елену? Да, о да! Конечно.
Бесценный перл! Не тысячи ль судов
За ней моря переплывали дерзко!
Не падали ль венцы к ее ногам
И короли в купцов преображались.
Когда согласны вы, что поступил
Парис благоразумно… А ведь с этим
Не согласиться вам нельзя: не вы ль
Ему кричали: «В путь, Парис! Смелее!»
И если вы бесценною тогда
Его добычу называли, крича:

«О чудо! Чудо!» – и рукоплескали, –
Из-за чего ж порочите теперь
Плоды своих советов и творите
То, что Фортуна сделает едва ль:
Презрением клеймите вы теперь
То, что казалось раньше вам бесценней
Земли и неба! Для чего же красть
То, что боитесь у себя оставить?
Мы наглые воришки и того
Не стоящие, что мы воровали.
Обиду злую грекам нанеся,
Ее мы сами испугались скоро.
О, стыд! О, срам! О, тягости позора!

Кассандра
(*за сценой*)

Плачь, Троя, плачь!

Приам

Кто там кричит так скорбно?

Троил

Ах, то сестра безумная – ее
По голосу узнал я.

Кассандра

Плачь, плачь, Троя!

Входит ***Кассандра*** *в диком возбуждении.*

Гектор
(*при виде сестры*)

Кассандра!

Кассандра
(*прорицая*)

Плачь, плачь, Троя! Дай мне, дай,
Дай десять тысяч глаз мне, чтобы я
Из них лила пророческие слезы!

Гектор

Молчи, молчи, сестра.

Кассандра

О, все вы, все,
И юноши, и девы, и младенцы,
Умеющие только лишь кричать,
И взрослые, и старцы… О, скорее
В мой скорбный вопль вливайте вы свой плач…
Мы выплачем хоть часть тех слез за-

ране,

Которые грядущее сулит…

Плачь, Троя, плачь! Ты так приучишь очи

К слезам! На гибель ты обречена…

Твой Илион сияющий я вижу

В могильном пепле… Нас сожжет Парис –

Он страшный факел!

Плачь, плачь горько, Троя!

Кричите все: Елена и несчастье!

Свободу ей! Свободу! Или грянет

Ужасный гром и Троя пеплом станет!

Убегает.

Гектор

О юный мой Троил, неужто голос

Пророческий сестры твоей в душе

Не пробуждает страшных опасений?

Неужто так пылает кровь твоя,

Что охладить ее уже не в силах

Ни горький вопль рассудка, ни позор,

Преследующий все дела дурные?

Троил

Нет, убежден я, что не может случай
Быть мерой правды или дел… Нельзя
Дух мужества гасить на основанье
Безумных слов Кассандры. Бред ее
Не знаменье, что самый повод к распре
Вдруг измельчал. Не сами ль мы клялись
Считать его священным. Мне он не ближе,
Чем всем другим сынам Приама. Но
Молю я Зевса, он да нас избавит
От тех деяний, где заключено
Сомненье в том, что нам необходимо
Стоять за дело правды до конца.

Парис

О да, должны мы начатое кончить,
Иначе мир осыплет нас хулой,
Упреками: меня за легкомыслье
Моих поступков, за советы вас.
Клянусь самим Олимпом, спасенье
С таким поступком связанное, в прах

Рассеяно согласьем вашим дружным.

Что сделала б одна моя рука!

Что стойкость одного бойца пред силой

И бешеною злобою толпы,

Всех, клявшихся казнить виновных в распре!

И все же я открыто говорю,

Что если бы мне одному пришлося

Преодолеть преграды и мое

Могущество моей равнялось воле,

Я и тогда отречься бы не мог

От сделанного мною и тогда бы

Начатое упорно продолжал.

Приам

Мой сын Парис, блаженством упоенный,

Ты потому и судишь так: подай

Тебе весь мед, другим же – горечь желчи.

Такой отваге честь невелика.

Парис

Родитель наш, не только тем блаженством,
Которое несет нам красота,
Я упоен. Но я еще желаю,
Владея ей, лелея и храня,
Смыть то пятно, которым на нее
Ложится похищенье. И возможно ль
Отдать ее супругу, если так
Желает город! Это ль не бесчестье,
Не злой позор для твоего венца,
А для нее – жестокая обида!..
Не может быть, чтоб мысль такая вдруг
В твоем уме зажглася. Меж слабейших
Найдется вряд ли воин и один,
Чтоб острый меч не поднял за Елену.
Никто из благородных не найдет,
Что посвятить Елене жизнь – паденье,
Что умереть бесславно за нее.
Наш долг стоять с отвагой неизменной
За ту, кому нет равной во вселенной!

Гектор

Я отдаю обоим справедливость –
Тебе – Парис, тебе – Троил. Вы оба
Прекрасно говорили, но коснулись
Вопроса лишь поверхностно. Подобны
Вы юношам, которых Аристотель
Считает неспособными учиться
Моральной философии. Скорей
Все ваши рассуждения могли бы
Кровь разжигать, чем отделять во тьме
Добро от зла, от правды ложь; известно,
Что месть и сластолюбье глухи больше,
Чем скрытая улитка, если речь
Зайдет о том, что называют «право».
Природа всем права распределила,
И ничего нет в мире выше прав
Супружества… Порою страсти дерзко
Закон природы нарушают… Дух,
Заблудшийся, хотя бы и высокий,

Идет ему наперекор... Но есть
Во всяком обществе свои законы,
Чтобы держать в настойчивой узде
Мятежную, безудержную похоть.
Елена, – несомненно, по закону
Жена царя спартанского, и значит
Права природы и законы мира, –
Все требует, чтоб мы вернули мужу
Его жену. Так думает о праве
Сам Гектор. Но, однако ж, невзирая
На это, братья пылкие мои,
Я подаю вам руку: да, Елену
Необходимо удержать, – ведь тут
Замешана не наша только честь,
Но честь всего народа.

Троил

Да, коснулся
Ты именно натянутой струны...
Когда бы лишь разгар страстей безумных
Нас побуждал, а не стремленье к славе,
Я за Елену не дал бы ни капли

Троянской крови. Но она для нас,
Достойный Гектор, воплощенье славы
И чести, вдохновенный зов
К величию и подвигам. Сиянье
Ее очей в нас распаляет дух,
И гибелью грозит он гордым грекам.
Во тьме времен грядущих возвеличит
Оно нас всех и озарит лучом
Бессмертной славы.

Гектор

Доблестная ветвь
Великого Приама! Я послал
В стан греческий свой громоносный вызов…
Привыкшие к сонливой, праздной лени,
Как изумятся греки!.. Стороной
Уж слышал я, что спит их полководец,
А зависть и соперничество там
Свирепствуют… Конец их сладким снам!

Сцена 3

Греческий лагерь, перед палаткой Ахиллеса. Входит ***Терсит****.*

Терсит. Что же это такое, Терсит? Ты совсем потерялся в лабиринте твоего гнева! Неужели слон Аякс всегда возьмет верх? Он меня бьет, а я отвечаю насмешками. Нечего сказать, утешение! Было бы гораздо лучше наоборот: я его бью, а он отвечает насмешками. Ну да стой же! я выучусь вызывать дьяволов в качестве сподручных… Только бы выйти из этого гнусного положения, в котором ничего нет, кроме злости. А тут еще Ахилл! Ах уж и ловко же он ведет подкопы. Стены Трои, коль доживем до этого, скорее разрушатся от ветхости, чем от ухищрений этой парочки. (*Преклоняя колена.*) О великий Олимпа Громовержец, забудь, что ты Юпитер, а ты, Меркурий, простись с жезлом, одухотворенным змеиною мудростью, если вы не отнимете у них ту капельку… менее чем капельку умишка, которым они наделены, при содействии которого, — даже близорукая глупость видит это, — они и муху из сетей не освободят, не разорвав паутины. А потом проклятие и месть всему лагерю! Пусть неаполи-

танская костоеда пожирает их: не эта ли болезнь бичует тех, кто гоняется за юбками! (*Вставая.*) Все мои молитвы кончены. Пусть дьявол зависти изречет: аминь! Ну, гей, герой Ахилл! Где ты?

Входит ***Патрокл.***

Патрокл. Кто там? А, любезный Терсит! Иди сюда и заводи руготню.

Терсит. Если бы мне пришла на ум позолоченная медяшка, я бы остался с тобой. Впрочем, беда невелика: останься с самим собою. Пусть обычное проклятие, тяготеющее над людьми, — глупость и безумие, — будут твоим уделом. Да сохранит тебя небо от всякого разумного совета и да не западет тебе в голову ни одна живая мысль! Пусть похотливая кровь твоя до самой смерти управляет тобою, и если та, которая будет обмывать тебя после смерти, скажет, что ты красивый покойник, я поклянусь чем хочешь, что она не завертывала в саван только прокаженных. Аминь. Где Ахилл?

Патрокл. Как, ты стал ханжой? Ты молился?

Терсит. Да, услышь меня Небо!

Входит ***Ахилл.***

Ахилл. Кто здесь?

Патрокл. Терсит, мой господин.

Ахилл. Где? Где? Ага, так ты пришел. Ну-с, мой сыр, моя желудочная настойка — почему тебя

не подавали к моему столу? Ну-ка, что такое Агамемнон?

Терсит. Твой командир.

Ахилл. А теперь ты, Патрокл, скажи мне, что такое Ахилл?

Патрокл. Твой господин, Терсит. Теперь скажи на милость, что такое ты сам?

Терсит. Человек, который видит тебя насквозь. А теперь скажи мне, Патрокл, как, по-твоему, кто ты таков?

Патрокл. Если ты так хорошо меня знаешь, — скажи сам.

Ахилл. Ну-ка, скажи, скажи.

Терсит. Я просклоняю весь вопрос. Агамемнон командует Ахиллом; Ахилл — господин надо мною; я тот, кто изучил Патрокла, а Патрокл — дурак.

Патрокл. Ах ты, негодяй!

Терсит. Молчи, дурак, я еще не кончил.

Ахилл. Он на особых правах. Продолжай, Терсит.

Терсит. Агамемнон — дурак, Ахилл — дурак, Терсит — дурак и Патрокл — дурак, как уже было сказано раньше.

Ахилл. Изволь объяснить почему.

Терсит. Агамемнон дурак, потому что вздумал

командовать Ахиллом, Ахилл дурак, потому что слушает приказы Агамемнона, Терсит дурак — зачем служит такому дураку? — а Патрокл дурак сам по себе, коренной.

Патрокл. Почему же это я дурак?

Терсит. Спроси об этом Создателя, а с меня достаточно знать, кто ты таков. Смотрите-ка, кто это идет сюда?!

Входят ***Агамемнон, Улисс, Нестор, Диомед и Аякс****.*

Ахилл. Патрокл, я ни с кем не хочу говорить. Иди за мной, Терсит.

Уходит.

Терсит. Все это такая гадость! Вздор! Раболепство! Вся ссора вышла из-за мужа-рогоносца и распутной бабенки. Нечего сказать, славная ссора! Есть от чего враждовать между собою и заниматься кровопусканием. Ах, возьми сухая парша виновных всего этого! Пропади они все от войны и распутства!

Уходит.

Агамемнон*. Где Ахилл?*

Патрокл

В палатке он, но только он не в духе.

Агамемнон

Пойди, скажи ему, что мы пришли.
Он отослал гонцов моих обратно,
И, отложив достоинство свое,
Я сам к нему иду. Но пусть не мнит он,
Что место я ему не укажу,
Или забуду, – кто я!

Патрокл

Я скажу.

Уходит.

Улисс. Мы видели его в дверях палатки — не болен он.

Аякс. Да, болен, львиною болезнью, болен от сердечной гордости: можешь назвать это печалью, если хочешь простить ему. Но, клянусь моей головой, это гордость — только чем, чем он может так гордиться, — пусть бы показал нам! — Агамемнон, одно слово, господин мой. (*Отводит Агамемнона в сторону.*)

Нестор. С чего это Аякс так лает на него?

Улисс. Ахилл переманил у него шута.

Нестор. Кого? Терсита?

Улисс. Его самого.

Нестор. Ну, значит, Аяксу не о чем будет говорить, так как он потерял тему для разговоров.

Улисс. Нет, отчего же! Как видишь, теперь он говорит о том, кто отнял у него эту тему, — об Ахилле.

Нестор. Тем лучше. Раздор между ними желательнее для нас, чем их дружба. Однако крепок же был союз, если дурак мог разорвать его!

Улисс. Дружба, не скрепленная мудростью, легко может быть разорвана глупостью. Вот идет Патрокл.

Нестор. Но без Ахилла.

Входит ***Патрокл.***

Улисс. У слона есть суставы, но не для любезностей. Ноги ему даны лишь на потребу, а не для коленопреклонений.

Патрокл

Ахилл ответить приказал, что он
Душевно сожалеет, если вас
Со свитою влекли иные цели,
Помимо развлеченья… Он вполне
Надеется, что это лишь прогулка
Для твоего пищеваренья.

Агамемнон

Слушай,

Патрокл. Ответы эти нам знакомы.
Презреньем окрыленные, они
Не могут ослепить ни наших взоров,
Ни нашей мысли. Да, в Ахилле есть
Достоинства… мы признаем охотно;
Однако же все доблести его,
Направленные часто не ко благу,
Теряют постепенно яркий блеск…
Так поданные на нечистом блюде
Душистые плоды не возбудят
Желания отведать их и плесенью
Покроются. Ступай, скажи Ахиллу,
Что мы пришли сюда для объяснений.
И ты не погрешишь, когда прибавишь,
Что выше меры горд он, а учтив
Гораздо ниже, что у него гораздо меньше
Почтенных качеств, чем пустого самомненья.
Пусть знает он, что более достойный,
Забыв свое величие и сан,
Презрев обиды, царственно снисходит

К его капризным требованьям. Даже
Считается с его блажною волей
И сторожит приливы и отливы
Смешных причуд и настроений, точно
Он центр войны и главная пружина.
Ступай, скажи… Добавь еще, что, если
Он чересчур высокую себе
Назначит цену, можем обойтись мы
И без него. Пусть, как снаряд тяжелый,
Он пылью покрывается, как хлам,
Мы ж будем говорить: он хоть и славен,
Но для войны негоден. Даже карлик,
Способный двигаться, нам на войне
Дороже осовелого героя…
Так и скажи ему все это…

Патрокл

Так
Все передам и вам ответ доставлю.

Уходит.

Агамемнон

Из уст вторых ответ, однако, вряд ли
Нас удовлетворит. Ведь мы желали
Увидеться с ним лично, так иди
К нему хоть ты, Улисс.

Улисс уходит.

Аякс. Чем же он превосходит всякого другого?

Агамемнон. Только тем, что он о себе воображает.

Аякс. И это так много значит! Не воображает ли он, что во всех отношениях превосходит меня?

Агамемнон. Без сомнения!

Аякс. И ты разделяешь его мнение? Скажешь, он выше меня?

Агамемнон. Нет, благородный Аякс. Ты также силен, так же храбр, так же умен, но разница та, что ты вежливее и обходительнее.

Аякс. Не понимаю, чем иной раз гордятся люди? Откуда эта гордость! Я даже не знаю, что она такое, собственно!

Агамемнон. Твой ум, Аякс, светлее и твои добродетели привлекательнее. Гордец сам себя пожирает. Гордость — его собственное зеркало, собственная его труба, собственная летопись. Всякий, прославляющий себя не только делами, пожирает дела самохвальством.

Аякс. Гордые люди ненавистны мне, как жабье семя.

Нестор (*в сторону*). А себя-то, однако, любит. Не странно ли это!

Возвращается ***Улисс****.*

Улисс

Ахилл не выйдет завтра в бой.

Агамемнон

Причины?

Улисс

Да никаких. Капризно отдался
Он буйному, заносчивому нраву.
Ему совсем нет дела до других;
Его закон – пустое своеволье.

Агамемнон

Но почему на дружный наш призыв
Он из шатра не хочет даже выйти,
Чтоб наслаждаться свежестью дневной!

Улисс

Все отговорки жалкие его

Ничтожны, как ничто. Он просьбу вашу
Не исполняет только потому,
Что это просьба. Он совсем помешан
На собственном величии, и сам
С собою даже говорит, как с богом.
А мнимое величье до того
В нем раздувает спесь и самомненье,
Что порождает явное безумье:
Он сам себя бичует и казнит.
Что в нем еще?.. Его самовлюбленность
Так велика, что выхода ей нет.

Агамемнон

Аякс, сходи к нему, с ним объяснись
Приветливей. Все говорят, что мненья
Он о тебе высокого… Иди,
И, может быть, нелепое решенье
Отменит он.

Улисс

О нет, Агамемнон!
Осмелюсь ли сказать тебе… Напрас-

но…

Не посылай… Напротив, мы должны
Благословлять все то, что отделяет
Аякса от Ахилла. Как! Гордец,
Питающий свое высокомерье
Своим же жиром, презирая все,
Что не в его мозгах перемололось, –
Перед собой увидит вдруг того,
Кто нам дороже всех Ахиллов в мире!
Нет, трижды нет. Герой, боец храбрейший
Излишнею любезностью не должен
Бесславить лавров первенства… Нет, нет!
Я не даю согласья на бесславье
Достоинства высокого! Ему –
Идти – к кому ж! К Ахиллу! Этим только
В Ахилле откормили б мы свинью
Надутой спеси. Ублажать Ахилла,
В созвездье Рака угли подсыпать!
И без того горит оно надменно

Огнем Гипериона. Чтоб Аякс
Пошел к Ахиллу! Да спаси нас Зевс!
Пусть он гремит: «Ахилл, иди к Аяксу!»

Нестор
(*в сторону*)

Вот ловко он его пощекотал!

Диомед
(*в сторону*)

Как льет он лесть!

Аякс

К нему идти готов я,
Но лишь затем, чтоб череп раскроить.

Агамемнон

Ты не пойдешь.

Аякс

А чваниться он станет
Приглажу чванство я… Иду к нему!

Улисс

Нет, никогда, хотя бы весь успех наш
Зависел от того!

Аякс

Он просто негодяй!

Нестор
(*в сторону*)

Как ловко он себя определяет!

Аякс. Неужели он не научится обходиться с людьми как подобает!

Улисс (*про себя*). Ругается над черным цветом ворон.

Аякс. Я выпущу из него кровь.

Нестор (*в сторону*). Сам болен, а хочет быть врачом.

Аякс. О, если бы все думали, как я!

Нестор (*в сторону*). Ум совсем вышел бы из употребления.

Аякс. Он бы не отделался от меня дешево. Я бы заставил его проглотить мой меч. Неужто гордость так-таки и восторжествует!

Нестор (*в сторону*). Если бы восторжествовала, половина победы была бы на твой счет.

Улисс (*в сторону*). Пожалуй, и все десять десятых.

Аякс. Я в муку сотру его и превращу в мякиш.

Нестор (*в сторону*). Подогрейте его похвалами. Он еще не совсем готов. Надо поливать его часто-

любие, пока оно томится жаждой.

Улисс
(*Агамемнону*)

Нет, храбрый вождь, ты эту неприятность
Уж слишком близко принимаешь к сердцу.

Нестор

Великий вождь, забудь о ней.

Диомед

Поверь,
Ахилл не важен нам для поединка.

Улисс

Одно уж имя это раздражает
Великого вождя… Вот человек…
Но что со мной… Не принято, неловко
Хвалить в глаза, и я молчу.

Нестор

Зачем?
Он не Ахилл и нет в нем честолюбья.

Улисс

Пусть знает мир, что он безмерно храбр!

Аякс. Этот проклятый щенок только и умеет поднимать всех на смех! О, как бы я желал, чтобы он был троянцем!

Нестор

Прискорбно было б, если бы Аякс…

Улисс

Был так же горд…

Диомед

Иль к похвалам так жаден!

Улисс

Упрям… сварлив…

Диомед

Самолюбив… надут…

Улисс

Хвала богам за доброе смиренье.

Честь матери, в тебя вдохнувшей жизнь

И грудью благородною вскормившей!

Хвала наставнику, хотя он шел
Лишь за твоей душою одаренной…
Но пусть тому, кто приучил твои
Властительные руки для сражений, –
Пусть, разрубивши вечность пополам,
Марс подарит счастливцу половину!
Что ж говорить о силе! Сам Милон,
Кротонский волоносец, ей уступит
Свои права. Не стану восхвалять
Твой светлый ум: он, как плотина, берег
Иль гребень гор определяет грань
Могучего размаха дарований.
Вот пред тобою Нестор: умудрен
Летами он, таков и от природы,
Иным он быть не может. Но, прости,
Маститый дед, невольное признанье.
Аякса ум, хотя и юн, высок,
Не ниже ты, но и не выше.

Аякс

Дай мне
Назвать тебя отцом.

Улисс

О, милый сын,

Зови, зови!

Диомед

Пусть он и руководит

Тобой, Аякс.

Улисс

Здесь дольше пребывать

Нам нет нужды. Подобно лани, в дебрях

Застрял Ахилл. Угодно ли созвать

Великому вождю совет военный?

Уж новые союзные цари

Примкнули к нам. Все наши силы завтра

Должны быть в полном сборе. Вот боец.

Пусть витязи стекаются с Востока

И с Запада, пусть лучший цвет дружин

Пошлют на бой, – Аякс им не уступит.

Агамемнон

Итак, в совет! Пусть спит Ахилл спокойно:

Когда корабль бездействует средь волн,

Его легко обгонит утлый челн.

Акт III
Сцена 1

Троя. Комната во дворце Приама. Входят ***Пандар и слуга****.*

Пандар. Эй, дружище, на пару слов! Ты, кажется, ходишь за юным Парисом?

Слуга. Да, когда он идет передо мною.

Пандар. Я хотел сказать: ты служишь ему.

Слуга. Я служу Господу Богу.

Пандар. Ты служишь прекрасному Господину — нельзя не похвалить Его.

Слуга. Честь и слава Ему!

Пандар. Ведь ты знаешь меня? Верно?

Слуга. Знаю, да не очень.

Пандар. Так вглядись в меня попристальнее. Я — Пандар.

Слуга. Надеюсь проникнуть тебя вполне.

Пандар. Искренне желаю.

Слуга. Значит, в настоящую минуту вы в полном блеске.

Пандар. В полном блеске? Нет, дружище, покуда далеко не в полном.

За сценой музыка.

Что это за музыка?

Слуга. Музыка как музыка, но я знаю ее не вполне.

Пандар. Но, может быть, знаешь музыкантов.

Слуга. О, их я знаю вполне!

Пандар. Для кого они играют?

Слуга. Для тех, кто их слушает.

Пандар. Для чьего удовольствия?

Слуга. Для моего и для удовольствия всякого любителя музыки.

Пандар. Я имею в виду того, кто приказал?

Слуга. Только не меня.

Пандар. Мы, любезный, не понимаем друг друга. Я слишком вежлив с тобой, а ты не в меру увертлив. А потому опять спрашиваю: кто приказал музыкантам играть?

Слуга. Так бы и сказали! Они играют по приказанию Париса, моего господина, который там своею собственной персоной, а с ним — земная Венера, сердце красоты, воплощенная душа любви.

Пандар. А, значит, там моя племянница Крессида!

Слуга. Не Крессида, а Елена. Нетрудно догадаться по описанным мною ее особенностям.

Пандар. Не видел же ты, пустомеля, Крессиды.

От имени царевича Троила я явился к Парису переговорить с ним. Сейчас я наговорю ему любезностей с три короба. Спеши — дело кипит.

Слуга. Кипит… Воистину — кухонный язык.

Входят ***Парис, Елена и свита.***

Пандар. Привет тебе, о доблестный Парис, и всей твоей блестящей свите! Счастливейшее исполнение всех счастливых желаний, а твоих, царица, в особенности! О, да будут ваши нежные мысли изголовьем вашим!

Елена. Твоя речь, любезный Пандар, полна красот.

Пандар. Только красоты души твоей могут вызвать эти красоты. (*Парису*.) Как жаль, царевич, что прервалась так неожиданно такая прекрасная музыка.

Парис. Не ты ли сам же и прервал ее, дядя, но, клянусь честью, сам же ты и исправишь, — попросту, исполнишь какое-нибудь свое сочинение. Знаешь, Елена, он весь одна гармония.

Пандар. О нет, царица!

Елена. О, сделай милость!

Пандар. Мой голос груб, право, груб.

Парис. Пустая отговорка. Ты капризничаешь.

Пандар. У меня есть дело к Парису, прекраснейшая царица! Угодно тебе, любезный Парис,

выслушать меня?

Елена. Эта уловка, однако, не может лишить нас удовольствия насладиться твоим пением.

Пандар. Ты изволишь шутить со мною, очаровательная царица. Но клянусь, мое дело очень важно. Вот видишь ли, любезный Парис, мой близкий друг, твой брат родной Троил…

Елена. Любезный Пандар, сладчайший Пандар…

Пандар. Сладчайшая царица, продолжай… Царевич, во-первых, свидетельствует тебе свое глубочайшее почтение.

Елена. Хорошо… хорошо… Но тем более ты не решишься оставить нас без песни и таким образом огорчить сладчайшую.

Пандар. Сладчайшая царица… Наисладчайшая!.. Надеюсь…

Елена. Не надейся, а знай, что и наисладчайшую царицу нетрудно превратить отказом в наискучнейшую.

Пандар. Увы, и этим ты меня не тронешь, клянусь, не тронешь! Я глух временами и к таким речам. Я с просьбою к тебе, Парис: если Троила потребуют к столу Приама, извини как-нибудь его отсутствие.

Елена. Слушай, Пандар.

Пандар. Что угодно моей царице, моей наи…

Елена. Нет, Пандар, как угодно…

Пандар. Что угодно наисладчайшей царице?

Парис. Что там у него? С кем ужинает он?

Елена. Не в том дело, царевич, но…

Пандар. Что угодно очаровательной царице? Не допытывайся только об этом. Моя племянница ужасно рассердится, если узнает, что об этом ужине известно другим.

Парис. Головой ручаюсь — дело идет о Крессиде.

Пандар. Нет, нет, не говори этого. Ты не проницателен. Крессида совсем нездорова сегодня.

Парис. Я догадываюсь.

Пандар. Догадываешься? О чем догадываешься? Но довольно! Лютню мне! Лютню! Я иду петь, моя сладчайшая царица!

Елена. Вот это мило.

Пандар. Ах, моя племянница без ума от одной вещи, принадлежащей тебе, сладчайшая царица.

Елена. Эта вещь будет принадлежать ей, если, конечно, речь идет не о Парисе.

Пандар. О нет, нет! Какой там Парис, они теперь в ссоре, они раздвоились.

Елена. Ну, после ссоры так подчас мирятся, что из раздвоения выходит утроение.

Пандар. Полно, полно. Уши бы мои не слышали! Лучше спою-ка я вам песенку.

Елена. Ах, пожалуйста, пожалуйста! А знаешь ли, милейший Пандар, у тебя прекрасный лоб.

Пандар. Приятно слышать хоть до завтра.

Елена. Нет, лучше пой о любви, об одной любви! Знаешь, о той, что погубит всех нас. О, Купидон! Купидон! Купидон!

Пандар. Именно — любовь погубит.

Елена. И все-таки пой любовь, любовь, одну любовь.

Пандар. Песня моя именно так и начинается. (*Поет.*)

Любовь! Одна любовь везде!
Она и стрелы мечет.
Самец и самка с ней в беде.
Она же их и лечит.
«Ах, ах!» – сильнее петуха
Любовник восклицает.
Но скоро счастье в «ха-ха-ха!»
«Ах, ах!» преображает.

Елена. Да Пандар влюблен! Так могут петь только по уши влюбленные.

Парис. Он охотник до голубей, ну а голуби, известно, горячат кровь, горячая кровь возбуждает пылкие мысли, пылкие мысли рождают пылкие дела, а пылкие дела — любовь.

Елена. И это родословная любви! Горячая кровь, пылкие мысли, пылкие дела! Да это все ехидны. Неужели же любовь порождение ехидн? А кто был сегодня в битве, царевич?

Парис. Гектор, Дейфоб, Эллен, Антенор, а с ними и лучший цвет Трои. Я тоже хотел вооружиться и идти с ними, да моя дорогая Елена воспротивилась. Как хорошо, однако, случилось, что и брат Троил также не пошел туда.

Елена. Он прилип к чему-то губами. Тебе это должно быть известно, любезный Пандар.

Пандар. Не знаю, моя наисладчайшая царица, не знаю. Самому хотелось бы знать, что они такое затевают сегодня? (*Парису*.) Так ты не забудешь извиниться за него перед царем-отцом?

Парис. Нет, не забуду.

Пандар. До свиданья, наисладчайшая царица.

Елена. Поклонись от меня своей племяннице.

Пандар. Буду кланяться, очаровательная царица.

Уходит. Вдали бьют отбой.

Парис

Они идут обратно с поля битвы?
Отправимся и мы в дворец Приама
Приветствовать бойцов. Еще хочу
Молить тебя, прекрасное созданье,
Помочь мне снять доспехи боевые
С героя Гектора. Упорные стальные
Застежки их скорее упадут
От нежных рук, чем от мечей враждебных.
Ты превзойдешь здесь силою своей
Всех греческих царей и полководцев.

Елена

О мой Парис бесценный, я горжусь
Подобным порученьем: в нем, быть может,
Залог бессмертной славы я явлю…

Парис

О, милая, как я тебя люблю!

Сцена 2

Троя. Перед садом Пандара. Встречаются ***Пан-***

дар и слуга Троила.

Пандар. А, это ты! Ну, где же теперь твой хозяин? Не у моей ли племянницы Крессиды?

Слуга. Нет, сударь, он ожидает, чтобы вы проводили его туда.

Пандар. А вот и сам он идет.

Появляется ***Троил.***

Что такое? Скажи, что такое?

Троил (*слуге*). Ты, болван, иди отсюда.

Слуга уходит.

Пандар. Виделся ты с моей племянницей?

Троил

Нет, Пандар, нет. Все время я блуждал
Лишь у дверей заветных, как блуждает
Мятежная и грешная душа
У берегов таинственного Стикса
И ждет ладью. О, Пандар мой, молю,
Будь мне Хароном, отвези меня
К полям благоухающим, там страстно
Я упаду на девственное ложе,
Достойное избранника. Сорви
С плеч Купидона вычурные крылья,

И мы на них с тобою полетим
К моей Крессиде.

Пандар

Погуляй по саду.
Я приведу ее к тебе.

Уходит.

Троил

Я весь
Дрожу. Меня волнуют ожиданья,
Воображаемое счастье мне
Так сладостно, что опьяняет чувства.
Что ж будет в тот благословенный миг,
Когда прильну я жадными устами
К ее устам и влажный нектар вдруг
Прольется в грудь!
Боюсь, что смерть мгновенно
Прервет любовь, иль обморок затмит
Сознание, иль знойное блаженство
Могучее и тонкое пронзит
Мой грубый ум. Я трепещу заране…

Я, кажется, утрачу в наслажденье
Способность разбираться, как в бою,
Когда врага смешавшегося гонишь…

Пандар *возвращается.*

Пандар. Она принаряжается и сейчас придет сюда. Царевич, будь смелее. Как будто духи бедную напугали. Она волнуется, краснеет, дышит так тяжело, иду за ней. Сегодня она необыкновенно привлекательна, но это нисколько не мешает ей дышать подобно пойманному воробью.

Уходит.

Троил

И мне до боли страсть стесняет сердце.
Как в лихорадке все оно горит,
Трепещет… Я растерян… Я дрожу,
Как подданный под взглядами монарха.

Входят ***Пандар и Крессида****.*

Пандар. Ну, иди, иди… Что уж краснеть. Стыдливость — младенец. Вот она перед тобой. Рассыпься перед нею в клятвах, как рассыпался предо мной. Ты, кажется, опять намереваешься улетучиться? Значит, тебя следовало бы про-

манежить хорошенько, чтобы сделать ручной. Да, придется-таки прибегнуть к этому. Идем-ка рядом со мною, а вздумаешь артачиться — попадешь в дышло. Ну, ты чего же ничего ей не выскажешь? Поднимай-ка занавес и показывай картину. Ах, этот дневной свет! Вы оба, по-видимому, боитесь оскорбить его. Будь теперь ночь, вы поскорее бы сблизились. Вот так, отлично. Целуй свою владычицу, да так, чтобы поцелуй занял целую вечность. Действуй, строитель. Воздух здесь благотворный… Клянусь, я до тех пор не выпущу вас, пока вы не выскажете друг другу все, что накопилось в сердце. Ну, сокола сегодня можно будет поздравить с соколихой. В этом я готов клясться всеми утками, плавающими в реке.

Троил. Милая! Ты лишила меня языка.

Пандар. Язык тут ни при чем. Долг платежом красен. Плохо, если на дело не хватит сил. Так, так… опять уж нос с носом… Отлично… «Когда обе стороны приходят ко взаимному соглашению…» и прочее… и прочее. Войдите, войдите в двери, а я поищу огня.

Уходит.

Крессида. Угодно тебе войти, царевич?

Троил. О Крессида! Как долго я томился ожиданьем этого счастия.

Крессида. Томился ожиданьем! О, да исполнят боги твое желание, мой властитель!

Троил. «Да исполнят боги твое желание»! К чему такое восклицание! Или в тихом ручье нашей любви моя красавица увидела тину?

Крессида. Более тины, чем светлой любви, если только у предчувствия моего зоркие глаза.

Троил. Их страх способен превратить в демона и херувима.

Крессида. Но все же слепой страх меньше спотыкается, когда поводырем у него зрячий разум, чем слепой разум, без страха. Бояться худшего нередко значит — избегать худшего.

Троил. О, пусть моя красавица забудет о страхе. Чудовища никогда не смеют и проникнуть во владения Купидона.

Крессида. А чудовищное?

Троил. Ничто, кроме наших превыспренних клятв — пролить океаны слез, жить в огне, есть скалы, укрощать тигров, воображая, что нашей возлюбленной труднее придумать для нас тяжкие подвиги, чем нам их выполнить. В любви, моя Крессида, чудовищно только одно: воля безгранична, а действие рабски заключено в оковы.

Крессида. Говорят, влюбленные обещают больше, чем в силах исполнить, и вечно клянутся

натворить дел, которых никогда не совершают. Клянутся свершить десятки подвигов, а не свершают и десятой части одного из них. Разве тот, кто кричит по-львиному, а поступает по-заячьи, — не чудовище?

Троил. Неужто есть такие! Я не из них. Хвали меня по испытании, цени по заслугам, но никогда не осуждай прежде испытания. Голова моя будет непокрыта, пока не заслужит венка. Ни один подвиг в грядущем пусть не встретит похвал в настоящем. Не станем возвеличивать мужество прежде проявления его, а проявится — скромно определим его значение. Вот тебе в нескольких словах мой символ веры. Троил по отношению к Крессиде останется таким, что сама зависть не найдет в нем ничего для насмешки, разве кроме его неизмеримой верности, а верность эта превзойдет самую истину.

Крессида. Угодно тебе войти, царевич?

***Пандар** возвращается.*

Пандар. Как! Все еще продолжает краснеть! Не было вам разве времени сговориться!

Крессида. Хорошо, дядюшка. Отныне все свои глупости я посвящаю вам.

Пандар. Покорно благодарю! Если у тебя от него будет ребенок, ты и его мне посвятишь?

Будь только верна царевичу, а если он станет отбиваться от рук — вини меня.

Троил. Теперь, моя красавица, тебе известны мои заложники: слово моего дяди и моя непоколебимая верность.

Пандар. Прекрасно. А за Крессиду я тебе даю слово. В нашем роду долго не сдаются, но раз сдавшись, остаются навек постоянны. Тебе, царевич, я могу это сообщить. Мы все — точно репьи: куда нас кинут, там и прицепляемся.

Крессида

Теперь ко мне вернулась снова смелость,
А вместе с ней – решимость все сказать.
О мой Троил, царевич мой, послушай:
В теченье долгих месяцев и дней
И днем и ночью я тебя любила.

Троил

Зачем же был так страшно труден путь
К твоей любви?

Крессида

Я долго притворялась,
Что не люблю тебя, а между тем
Я всей душой тебе принадлежала
Едва ль не с той минуты, как впервой
Увидела… Узнав мою любовь,
Ты тотчас обратился бы в тирана.
Люблю тебя, люблю, о мой Троил,
Но и любя, я все ж имею силы
Владеть собой. Нет, нет, неправда, лгу!
Давно, давно все мысли обратились
В балованных детей, и мать, увы,
Бессильна с ними справиться. Вот видишь,
Насколько все мы глупы! Я сейчас
Все разболтала. Как же избежим
Злословья мы, когда и о себе
Все выболтать готовы… Я любила,
Не подавая вида, что люблю,
А втайне сожалела, что не смею
О страсти говорить своей, что я –
Я не мужчина… О Троил, скорее
Мне прикажи молчать, иначе здесь

В чаду любви я выскажу так много,
Что первая раскаюсь. О, смотри!
Смотри – одним молчанием умелым
Из глубины душевных тайников
Исторг ты рой признаний… О, молю,
Замкни уста мои.

Троил
(*целуя ее*)

Я повинуюсь
И заглушаю музыку любви.

Пандар

Вот это ловко сделано!

Крессида

О милый…
Молю тебя, прости меня, поверь,
Я далека намерений бесстыдных
Так поцелуй выпрашивать… Сама
Стыжусь того, что вырвалось. О боги!
Что я сказала! Сделала! Позволь
Мне удалиться… Это так ужасно!

Троил

Как! Покидать меня! Так скоро!

Пандар

Вздор
Покинет до… до завтра на рассвете.

Крессида

Молю, пусти меня…

Троил

Но чем же ты
Оскорблена?

Крессида

Сама собой.

Троил

Так, значит,
Ты от себя не можешь убежать.

Крессида

Молю тебя, вдохни мне эти силы!
Пускай здесь часть останется меня,
Но эта часть так зла, что не допустит
Меня служить игрушкой… Словом, мне

Бежать! Бежать!.. О, где же мой рассудок?

Что говорю? Сама не знаю что!

Троил

О нет, поверь, кто говорит так мудро,

Отлично знает то, что говорит.

Крессида

Так, может быть, я больше проявляю

Находчивости, хитрости ума,

Чем искренней любви. Ты можешь думать,

Что страстные признания мои

Лишь удочки, которыми хотела

Поймать твое признанье я… Слыхал

Ты, видимо, что быть возможно умным

Лишь не любя. Нет, смертным не дано

Любить, блистая разумом… Нет, это

Лишь небожителям одним доступно.

Троил

Я досель

Мечтал, что женщине, и в том числе тебе,

В своей груди хранить доступно вечно

Святой огонь любви и оживлять

С весенней негой силу постоянства,

Чтобы иметь возможность возрождать

Блеск красоты былой воспоминаньем.

О, если бы с сознанием таким

Я верить мог, что страсть моя и верность

Пробудят и найдут в твоей душе

Такой же отзвук ласковый и нежный,

Как и любовь моя… Я весь бы, весь

Наполнился невыразимым счастьем!

Ты видишь, как я детски прост… Поверь,

Моя любовь проста, наивна так же.

Крессида

Я в этом бы поспорила с тобой.

Троил

О дивное, святое состязанье!

Здесь спорит верность с верностью о том,

Кто искренней и глубже… О, я знаю –

Настанет день, когда в своей любви

И верности лишь именем Троила

Влюбленный станет клясться: истощив

Сокровищницу пламенных сравнений

И образов и страстных обещаний,

Наскучив повторять, что их любовь

Крепка, как сталь, дружна, как солнце с утром,

Прилив – с луной, магнит – с седым железом,

С голубкой – голубь, ну а шар земной –

С той силою, что правит им, – придется

Окончить тем, чтоб коротко сказать:

«Я верен, как Троил!»

Крессида

О, если б это

Пророчество сбылось! Мой ненаглядный,

О, если разлюблю когда-нибудь тебя я,
Пусть именем моим зовут измену!
И даже там, в грядущем, пусть, когда
Забвению дряхлеющее время
Предаст себя, – влюбленные, клеймя
Презрением все лживое, как речи
Волков к ягнятам, как мачехи любовь,
Перечисляя все, что скоротечно,
Изменчиво, как ветер, волны, люди, –
И уж в конце, исчерпав все сравненья
Нелестные, – пусть просто скажут: «Лжива,
Как эта ложь по имени Крессида».

Троил целует ее.

Пандар. Дело! Договор заключен. Скрепляйте, скрепляйте его. Я буду свидетелем. Дай мне руку. И ты, племянница, тоже. Если, несмотря на все мои старания вас соединить, вы все-таки окажетесь неверными друг другу, — пусть, пока есть свет на свете, все жалостливые посредники между любящими зовутся моим именем и пусть все обращаются с ними, как с истинными Пандарами! Да! пусть все вероломные любовники зовутся Троилами, все коварные женщины — Кресси-

дами, а все сводники — Пандарами. Говорите: «Аминь»!

Троил. Аминь.

Крессида. Аминь.

Пандар. Аминь. Теперь идемте — я покажу вам вашу спальню. Чтобы кровать не болтала о проказах ваших, давите ее до смерти. Ступайте.

Троил и Крессида уходят.

Всем скромным девам здесь пусть даст Амур
три дара:
И спальню, и постель, и сводника Пандара.

Сцена 3

Греческий стан. Входят ***Агамемнон, Улисс, Диомед, Нестор, Аякс, Менелай и Калхас****.*

Калхас

Цари! Теперь, когда идет все гладко,
Осмелюсь я награду попросить
За важные услуги. Вам известно, –
Благодаря предвидению, я

Покинул Трою; все мое именье
Оставил там и заслужил еще
Название изменника. Немало
Вернейших благ принес я на алтарь
Безвестного грядущего: все связи
Я разорвал, презрел привычки, сан –
Все, что слилось со мною неразрывно,
Для пользы греков родину презрев;
Я всем стал чужд, далек и ненавистен.
Теперь прошу я в счет грядущих благ,
Обещанных за все мои услуги,
Лишь милости, и, право, небольшой.

Агамемнон

Чего ж ты хочешь? Говори!

Калхас

Троянец
Вчера был в плен взят вами; Антенор
Его зовут; он в Трое чтим высоко.
Припомните, не раз готовность вы
Мне изъявляли, – я вам благодарен, –
За дочь мою Крессиду дать взамен

Любого пленника, на это Троя
Отказом отвечала… Час настал.
Для греков важен Антенор; он – сила,
Руководитель их, и за него
Они отдать готовы даже сына
Приамова… Так пусть же Антенор,
О, гордые цари и полководцы,
Идет домой и выкупом живым
За дочь мою послужит, а Крессида
Вполне собой меня вознаградит
За все мои важнейшие услуги.

Агамемнон

Проводит Антенора Диомед
И приведет Крессиду! Я исполню,
Калхас, твое желание. А ты,
Мой милый Диомед, как подобает
Послу царя Агамемнона, будь
На высоте призвания, доспехи
Блестящие надень, да, кстати, там
Узнай, готов ли Гектор к поединку:
Аякс готов.

Диомед

Доверием таким
Я вознесен и все исполню точно.

Диомед и Калхас уходят. ***Ахилл и Патрокл*** *выходят из своих палаток.*

Улисс

Смотри – Ахилл стоит в дверях палатки.
Прими, о полководец, мой совет
И на него не обращай вниманья,
Когда пойдешь ты мимо. И цари
Другие пусть поступят так же, взглянут –
И далее пойдут своим путем.
Последним я пройду. Меня он, верно,
Вопросом остановит: почему
Относятся к нему с таким презреньем?
И я его насмешкой угощу
Холодною и едкой, как лекарством
От гордости. Ему такой урок
Полезен будет. Гордость знает только

Одно лишь зеркало, и это – гордость:
В него взглянуть уместно ей… Когда
Все гордецу потворствуют, – беда!

Агамемнон

Совет хорош, и мы его исполним.
Мы все пройдем, не кланяясь ему,
Как люди незнакомые… Нет, лучше
Иные пусть поклонятся, но так,
Чтоб чувствовал он их пренебреженье;
Его заденет это посильней,
Чем невниманье полное. Пойдемте;
Я – первый.

Ахилл

Как! Со мною говорить,
По-видимому, хочет полководец?
Но я сказал, что больше не хочу
С троянцами сражаться…

Агамемнон
(*Нестору*)

Ахилл там что-то говорит? Чего
От нас он хочет?

Нестор. Мне кажется, прославленный Ахилл, ты хочешь что-то сказать Агамемнону?

Ахилл. Нисколько!

Нестор. Нет, государь.

Агамемнон. Тем лучше.

Уходит с Нестором.

Ахилл (*Менелаю*). Здравствуй!

Менелай. Будь здоров.

Уходит.

Ахилл. Что это! Рогоносец насмехается надо мною?

Аякс. Привет Патроклу.

Ахилл. Доброго утра, Аякс.

Аякс. А?

Ахилл. Доброго утра.

Аякс. До завтра.

Уходит.

Ахилл

Что за дерзкое нахальство!
Иль не хотят они Ахилла знать!

Патрокл

Да, это странно. Все перед Ахиллом
Сгибалися, бывало, – издали
Его улыбкой льстивою встречая

И пресмыкаясь, как пред алтарем.

Ахилл

Да, это странно. Иль за это время
Я обеднел? Давно известно всем:
Когда величье во вражде с Фортуной,
И все к нему враждебны. Кто упал, –
В глазах других прочтет свое паденье.
Ведь люди – это бабочки, они
Раскрашенные крылья распускают
Лишь в теплый день. Они глядят на нас
Не как на человека; чтятся только
Лишь внешние дары: богатство, сан,
Прославленность – все, чем играет случай
С достойными. Капризный пьедестал!
Распался он – и рухнула с ним вместе
Непрочная любовь. Однако я
С Фортуною покуда еще дружен,
Все, чем владел, по-прежнему мое,
Помимо разве только этих взглядов,
Которые открыли вдруг во мне –
Не знаю что – обидное для их

Вниманья. Вот Улисс идет… Я чтенье
Его прерву. – Улисс!

Улисс

Что от меня
Желает сын прославленный Фетиды?

Ахилл

Что ты читал?

Улисс

Да вот, один чудак
Мне пишет вдруг, что как бы ни был смертный
Превознесен, и так и сяк богат, –
Он никогда похвастаться не может,
Что все дары действительно его,
А не живут в его воображенье,
Что чувствует он только их, когда
Отражены в других они, как будто
Лишь озарив и обогрев других,
Он сам живет счастливым отраженьем.

Ахилл

Тут ничего чудного нет, Улисс.
И красота, которою другие
Любуются, – лишь в них отражена;
Глаз самого себя не может видеть,
Он проводник чистейший наших чувств,
И, встретившись с другим таким же глазом,
По отраженью судит о себе.
Самих себя не могут видеть люди,
И о себе доступно им судить
По отношенью к ним других: вот это
Единственное зеркало.

Улисс

Меня
Не самая основа удивляет;
Она стара, и я согласен с ней.
Но следствие… Доказывает автор,
Что никого нет в мире, кто бы мог,
Хоть сто пядей имей во лбу, – похвастать,
Что убежден в себе, пока ему

Не выкажут внимания другие.
Он часто сам не ведает о них,
Пока их в отраженье не увидит,
Иль не услышит их в рукоплесканьях,
Как в звонких сводах собственное эхо,
Как отблеск солнца в стали… Поражен
Так глубоко я был блестящей мыслью,
Что тотчас же подумал об Аяксе.
«Ведь вот осел, – подумал я, – и сразу
Он в честь попал. О, сколько в мире есть
Таких вещей, которые полезны,
Однако их презрением клеймят.
Другие же на взгляд и драгоценны,
А им лишь грош цена. И, может быть,
Мы завтра же увидим, как Аякса
Прославит случай… Боги! О, зачем
Приходится одним свершать деянья,
Когда другие призваны к тому!
Иной в чертог Фортуны своенравной
Ползет себе, в то время как другой
Разинет рот… Иные рвут у славы

Себе куски, другие же ее
Из гордости минуют иль от лени.
Смотреть противно, как везде теперь
Приветствуют Аякса льстиво греки,
Как будто он уж гордо попирал
Грудь Гектора ногой своей, иль Троя
Колеблется могуществом его.

Ахилл

Да, да, я верю этому. Как скряги
Пред нищими, сейчас они прошли…
Вот здесь прошли, – меня не удостоив
Ни словом, ни приветом. Неужель
Все подвиги мои уже забыты?

Улисс

Не забывай, что время за спиной
Несет суму, в которую бросает
Забвению подачки. Это зверь,
Чудовище, – оно неблагодарно,
И как бы ни был подвиг величав –
Забвение пожрать его готово.
Поверь, Ахилл, не подвиги в былом

Опора славы, – мудрость в настоящем.
Что подвиги былые? Лоскуты,
Колеблемые ветром, ржавый панцирь,
Подвешенный на гвоздике для смеха.
Скорее в путь! Узка, тесна тропа,
Проложенная к славе, невозможно
По ней идти двоим. Не уступай
Другому путь. Знай, у соревнованья
Есть тысячи испытанных сынов,
Бегущих неустанно за тобою.
Лишь уступи им первенство в пути,
Отстань на миг – и на тебя все хлынут,
Как волны моря злобные, сомнут
И позади забытого оставят.
Так, впереди всегда привыкший быть,
Горячий конь оступится случайно
И упадет, и чрез него тогда
Проносятся другие, беспощадно
Топча его копытами. Таков
Теперь и ты с своей поблекшей славой.
Пусть далеко героям скороспелым

До подвигов твоих, но ведь зато
Их положенье выгоднее. Время –
Воспитанный хозяин. Руку жмет
Он гостю уходящему небрежно,
Входящему – объятья и почет.
Здороваются люди, улыбаясь;
Прощаются, вздыхая. Не ищи
За прошлые дела вознагражденья.
Все блага жизни: красота, любовь,
Ум, сила, власть, происхожденье, дружба, –
Клеветников завистливых родят,
И время, несомненно, – самый злейший.
Весь мир роднит единая черта:
Всех увлекает новость безделушек,
Хотя на них прошедшего печать.
И золото, облепленное грязью,
Пред грязью позолоченной – ничто.
Дневное к дню приковано, и ты,
Герой великий, не дивись, коль греки
Все поголовно станут обожать
Бездарного Аякса. Что недвижно –

Не так в глаза бросается, как то,
Что движется. Восторги,
Которыми ты прежде встречен был,
Могли бы не умолкнуть и поныне;
Могла бы слава гордая избрать
Своим жилищем постоянным ставку
Того, кто здесь, на этих же полях,
Умел своею храбростью безмерной
Такой восторг всеобщий возбуждать,
Что даже Марс от зависти бесился!

Ахилл

Да, я ушел от дел, но у меня
На это есть разумные причины.

Улисс

Но против них найдутся без труда
И более достойные героя.
Известно всем, что страстно ты влюблен
В одну из дочерей Приама.

Ахилл

Вот как!

Известно всем?

Улисс

Ты удивлен? Но знай,
Правительство все видит и все слышит.
Ему известно все: и золото, что в недрах
Земли хранит Плутос, и тайны
Глубоких бездн. Оно способно вскрыть
Те помыслы, что зреют в колыбели.
В душе любого государства есть
Таинственная сила, и доныне
История ее не поняла,
Ум не постиг, не выразило слово.
Нам так же хорошо, как и тебе,
Известна связь твоя с семьей Приама.
Но слушай: Поликсена, может быть,
Красива – победить, однако,
Почтенней для Ахилла не ее,
А Гектора. Какое горе Пирру
Ты принесешь, когда сто уст молвы
Передадут ему, что дочь Приама

Ты славе предпочел, а рои дев
С насмешкой и укором в хороводе
Вдруг запоют: «Сестру пленил
У Гектора Ахилл,
Но Гектор сам – позор и стыд!
Аяксом был убит».
Прощай – уже стоит на льду глупец, –
Взломай тот лед и вновь возьми венец!

Уходит.

Патрокл

Тебе не раз советовал я то же.
Хоть женщина с ухваткою мужской
Противна всем, не лучше и мужчина,
Когда во время гибельной войны
На женщину походит. Не меня ли
Винят в твоих поступках? Все вполне
Убеждены, что только отвращенье
Мое к войне способно удержать
Тебя средь битв. Стряхни ж любовь скорее,
Как с гривы лев полночную росу, –
И Купидон слепой, сластолюбивый

Падет во прах.

Ахилл

Так неужель Аякс
Сразится с Гектором?

Патрокл

Да, и за трудный,
Отважный подвиг славу обретет.

Ахилл

В опасности моя былая слава –
Я сам нанес ей гибельный удар.

Патрокл

Так берегись. Нет тяжелее раны
Той, что своей рукой нанесена.
Опасности являются нередко
От собственной оплошности; они,
Как лихорадка, часто заражают,
Когда сидим на солнцепеке мы.

Ахилл

О дорогой Патрокл мой, позови
Ко мне Терсита. Я шута отправлю

Послом к Аяксу с просьбой пригласить
Ко мне вождей троянских после битвы.
Пусть это прихоть женская, но я
Горю желаньем Гектора увидеть
Без лат стальных, а в мирном одеянье.
Лицом к лицу хочу с ним говорить…
Но вот Терсит – ты от хлопот избавлен
Идти за ним.

Входит ***Терсит****.*

Терсит. Вот так чудо!

Ахилл. А что такое?

Терсит. Аякс шатается взад-вперед по полю и ищет самого себя.

Ахилл. Как так?

Терсит. Он должен завтра идти на поединок с Гектором, и геройская потасовка, которую он получит, делает его до того пророчески гордым, что он бредит без слов.

Ахилл. Неужели?

Терсит. Верно. Распустил хвост, как павлин. Походит, походит и остановится, как трактирщица, которой негде свести своих счетов, кроме своей головы. Он, как вельможа, кусает себе губу, слов-

но хочет глубокомысленно возвестить: «В этой голове ума палата, да только он из нее выходить не хочет». И точно, он в ней есть, да только не выскакивает, как из кремня искра, покуда его не стукнуть как следует. Малый этот погиб окончательно; если ему Гектор не сломит шеи, то она переломится от тяжелого тщеславия. Меня он не узнает уж! Я говорю ему: «Здравствуй, Аякс!» — а он мне на это: «Благодарю, Агамемнон». Ну, что вы скажете о человеке, принимающем меня за полководца! Он превратился в настоящую береговую рыбу, безгласное чудовище… Велика радость славы! Ее, как кожаную куртку, можно и наизнанку выворачивать.

Ахилл. Я хочу тебя, Терсит, отправить к нему послом.

Терсит. Меня? Напрасный труд. От него теперь ни на один вопрос не добьешься ответа: он выше этого; только ничтожество разговаривает. Он ходит, держа язык в кулаке. Я готов вам представить его. Пусть Патрокл спрашивает меня. Вы увидите живого Аякса.

Ахилл. Хорошо. Ты, Патрокл, подойди и скажи ему, что я прошу покорнейше доблестного Аякса пригласить наихрабрейшего Гектора прийти без оружия в мой шатер и добыть для него пропуск

от великого, дважды, трижды прославленного предводителя греческих войск Агамемнона и так далее. Начинай.

Патрокл. Да благословит Зевс великого Аякса.

Терсит. Гм…

Патрокл. Я пришел от имени достойного Ахилла.

Терсит. А-а-а…

Патрокл. Он покорнейше просит тебя пригласить Гектора в его палатку.

Терсит. Гм…

Патрокл. И добыть ему свободный пропуск от Агамемнона.

Терсит. От Агамемнона?

Патрокл. Да, от него, светлейший Аякс.

Терсит. А-а-а…

Патрокл. Что ты на это скажешь?

Терсит. Да хранит тебя Зевс… От чистого сердца.

Патрокл. А твой ответ?

Терсит. Если завтра будет хороший день с утра, я подумаю и дам ответ; так или иначе, он дорого заплатит, прежде чем одолеет меня.

Патрокл. Твой ответ, дорогой Аякс?

Терсит. Будь здоров… от всей души.

Ахилл. Неужто он поет в таком духе?

Терсит. Напротив, он не в духе. Какая будет из него музыка, когда Гектор завтра выколотит из него мозги, — не знаю. Вероятно, ни малейшей, если Аполлон не вытянет из него жилы и не наделает из них струн.

Ахилл. Ты сейчас же отнесешь ему послание.

Терсит. Давай лучше письмо к его лошади: из них двоих она все же умнее.

Ахилл. Мой ум, как источник, взволнованный бурей, до того смутен, что я сам не вижу его дна.

Ахилл и Патрокл уходят.

Терсит. Ах, если бы источник твоего ума снова просветлел хоть настолько, чтобы мне в нем осла напоить! Лучше бы я желал быть подкожным паразитом у барана, чем таким безнадежно храбрым дураком!

Уходит.

Акт IV
Сцена 1

Улица в Трое. С одной стороны входит ***Эней****, за ним —* ***слуга*** *с факелом, с противоположной —* ***Парис, Дейфоб, Антенор, Диомед и другие****, также с факелами.*

Парис

Эй, кто идет?

Дейфоб

Эней.

Эней

Да, это принц!

Сам принц Парис! Ну, принц, когда бы мне

Такой предлог блаженствовать в постели,

Небесный гнев лишь мог меня б отвлечь

От жаркого, томительного ложа,

От нег и ласк подруги дорогой.

Диомед

Меня бы тоже. А, Эней! Здорово.

Парис

Перед тобою, славный мой Эней,
Грек доблестный. Ты сам тому свидетель:
На поле битвы он немало дней
Преследовал тебя.

Эней

Прими привет мой,
Достойный воин. Счастлив будь, пока
Сияет мир. А встретимся в доспехах –
Жди вызова такого от меня,
Какого никогда не создавала
Ничья вражда и мужество ничье
Не выполняло.

Диомед

Что ж, благодарю
За то и за другое. А пока
Спокойна кровь, тебе такого ж счастья

Желает Диомед. Но вспыхни бой,
Явися случай и – Зевес свидетель! –
Со всею силой, с ловкостью, с отвагой
За жизнию твоею брошусь я!

Эней

Ты бросишься за львом, а он не станет
Ни отступать, ни убегать. С тобой –
Ко глазу глаз – он встретится. Но встреча
Такая впереди, а до нее,
Прошу тебя пожаловать к нам в Трою.
Клянуся головой Анхиза, ты
Желанным гостем будешь в ней. Я даже
Готов рукой Венеры клясться здесь,
Что никогда никто не мог так сильно
Любить того, кого хотел убить.

Диомед

Вполне тебе сочувствую. Юпитер!
О, дай еще лет тысячу прожить
Энею, если смерть его не может
Меня прославить. Если же она

Прославит меч мой – пусть умрет он завтра!

Эней

Друг друга мы узнали хорошо.

Диомед

Но жаждем знать друг друга и похуже.

Эней

Я никогда привета не слыхал
Столь злобного и дружеского вместе,
Столь полного любви и ненависти.

Диомед

Что
Тебя так рано подняло?

Эней

За мною
Сам царь Приам гонца послал. Зачем –
Не знаю.

Парис

Он предупреждает
Твое желанье. Должен проводить

Ты молодого грека в дом Калхаса.
И привести взамен его сюда
Красавицу Крессиду. Если хочешь,
Пойдем со мною вместе, иль, будь добр,
Опереди нас. Мне сдается сильно…
Нет, более! Я убежден вполне,
Что нынче там мой брат Троил ночует.
Предупреди его, скажи, что мы
Идем вослед, да объясни причину,
Заставившую нас не пощадить
Его блаженства. Верно, там нас примут
Не очень-то любезно.

Эней

Да, конечно,
Троилу легче видеть увезенной
Всю Трою в Грецию, чем дочь Калхаса,
Из Трои увозимую.

Парис

Что делать!
Так время повелело. Но скорее

Иди вперед. Мы – за тобою следом.

Эней

Прощай.

Уходит.

Парис

Скажи мне, честный Диомед,
Как следует товарищу, открыто:
Кому по справедливости должна
Принадлежать Елена: Менелаю
Иль мне? Реши.

Диомед

Обоим вам. Ему
За то, что он, презрев свое бесчестье,
Ценою жертв, терзаний и борьбы
Старается вернуть ее. Тебе же
За то, что ты, не чувствуя ее
Позора, все без сожаленья губишь:
Друзей своих, сокровища. Готов
Слезливый рогоносец тот упиться
Подонками из чаши, налитой
Давно напитком выдохшимся. Ты же

Не прочь из недр развратнейших иметь
Наследников. Коль взвесить вас обоих,
Друг другу вы окажетесь под стать.
Но, впрочем, он с рогатым украшеньем
Ей более подходит.

Парис

Ты жесток
К прекрасной соотечественнице.

Диомед

Право,
К отечеству ее жестокость злей.
Послушай: капля каждая ее
Распутной крови куплена ценою
Прекрасной жизни грека. Каждый скрупул
Ее позором вскормленного тела
Оплачен смертью храброго троянца.
С тех пор, как заболтал ее язык,
Она сказала меньше слов разумных,
Чем за нее погибло в схватках шумных
Троян и греков.

Парис

В этом Диомед
Подобен покупателю: желая
Купить предмет, его стремится он
Унизить. Но мы, молча, сохраняем
Заслуженную стоимость… Итак,
Зовет нас путь. Идем.

Уходят.

Сцена 2

Троя. Двор при доме Пандара. Утро. Входят ***Троил и Крессида****.*

Троил

Моя голубка,
Вернись… Опасен утренник сырой.

Крессида

Хочу я кликнуть дядю, о мой милый,
Чтоб отпер нам ворота.

Троил

Нет, оставь.

В постель! В постель! Пусть сон сомкнет ресницы,
Покоем детским чувства оковав.

Крессида

Так добрый день.

Троил

Иди, усни, молю я.

Крессида

Уж я тебе наскучила?

Троил

Молчи!
Крессида! Если б жаворонок звонкий
Не разбудил назойливого дня,
Не поднял всех ворон сластолюбивых,
И если б ночь завесою своей
Мечтательной и темною прикрыла
Блаженство наше, я б не в силах был
Тебя оставить.

Крессида

О, как ночь поспешна!

Троил

Проклятая колдунья! Без конца
С терпеньем адским топчется на месте
Она для злых… А от блаженных ласк
Летит быстрее мысли. Что ж ты медлишь?
Простудишься и проклянешь меня.

Крессида

Молю, позволь хоть миг побыть с тобою!
Не любишь ты, как все мужчины, ждать.
О, глупая Крессида! Будь я тверже,
Не уступи, ты поневоле б ждал…
Но слушай… Там идут…

Пандар
(*за стеной*)

Что это значит?
Все двери настежь.

Троил

Это дядя твой.

Крессида

Ах, пропади он пропадом! Я знаю,
Посыплются насмешки... Что за жизнь!

Входит ***Пандар****.*

Пандар. Ну, как чувствует себя твоя невинность?.. Да где же моя племянница Крессида? Я оставил девственницу, а эта...

Крессида. Отстань, ты, дядя, злой насмешник. Сам же меня подвел и надо мной глумишься.

Пандар. Я подвел? К чему подвел? Ну, скажет пусть он — к чему?

Крессида

Негодный и беспутный человек!
Порядочным никак ты быть не можешь,
Да и других сбиваешь.

Пандар. Ха-ха-ха! О, моя глупенькая бедняжка! Ты всю ночь не спала. Тебе мешали! Верно, все этот несносный человек, забодай его бык!

Стучат в дверь.

Крессида

Я говорила! Право, было б славно,

Когда б стучали в голову его

Вот так, вот так… как в эту дверь. Но кто там?

Пойди, взгляни-ка, дядя… Милый мой,

А ты ко мне вернись… Но ты смеешься,

Как будто здесь дурное видишь.

Троил

Гм…

Крессида

Ошибся, милый. Ничего такого

Я не желала.

Стук сильнее.

Ах, как там стучат!

Пожалуйста, уйдем, уйдем отсюда.

Я – половины Трои не возьму

За то, чтоб здесь тебя сейчас застали.

Крессида и Троил уходят.

Пандар (*подходя к двери*). Кто там? Что случилось? Этак ворота нетрудно выломать. (*Отпирая.*) Да что же, наконец, случилось?

Входит ***Эней****.*

Эней

Здорово. С добрым утром.

Пандар

Что такое?
Эней! Клянусь, я не узнал тебя.
Скажи, зачем так рано?

Эней

Я к Троилу.

Пандар

Какой Троил? Подумай сам, зачем
В такую рань он будет здесь?

Эней

Я знаю,
Он ночевал у вас. Не прекословь,
Веди к нему. То, что сказать я должен.
Глубоко важно…

Пандар. Гм… Так ты говоришь — он здесь… Мне и в голову не приходило. Клянусь! Я сам вернулся поздно. Подумай, что ему здесь делать — ни свет ни заря.

Эней. Что делать ему? Ну, полно… Иди за ним,

не то своим упорством ты повредишь ему: верность иногда хуже измены. Можешь не знать, что он здесь, но все же позови его.

Пандар уходит. Входит ***Троил****.*

Троил

В чем дело?

Эней

Принц… Прости, что не могу
Приветствовать тебя как должно. Видишь,
Сюда за мною следуют твой брат
Парис, Дейфоб, грек Диомед, а также
Явившийся из плена Антенор.
Взамен его, пред жертвоприношеньем
Мы Диомеду выдать здесь должны
Красавицу Крессиду.

Троил

Так решили?

Эней

Приам с советом Трои, и сейчас
Они придут, чтоб выполнить решенье.

Троил

О, счастье! Ты глумишься надо мной!
Я встречу их… А ты, Эней, ты скажешь,
Что мы случайно встретились с тобой –
Не здесь… не здесь… А где-нибудь, где знаешь…

Эней

О, будь покоен. Тайну сохраню
Я глубже, чем хранит ее природа.

Троил и Эней уходят.

Пандар. Вот так штука! бедный малый! Только что добыл и приходится терять! Бедный принц, пожалуй, с ума сойдет. Чтобы проказа поразила этого Антенора! Чтоб он шею себе сломал!

Входит ***Крессида****.*

Крессида

Что здесь за шум и что еще случилось?

Пандар

Ах!

Крессида

Ты вздыхаешь? Где Троил? Ушел?

О дядя! Что случилось? Что случилось?

Пандар. От души желал бы провалиться на два аршина под землю.

Крессида. О боги! Что случилось?

Пандар. Уходи, прошу тебя. Лучше бы тебе, бедняжка, на свет не родиться. Я так и знал, что ты вгонишь его в гроб. О, бедный, бедный! Проклятый Антенор!

Крессида. Дядя, на коленях умоляю тебя, скажи, в чем дело.

Пандар. Ты должна уйти отсюда, о бедная моя девочка! Тебя продали, выменяли на Антенора. Ты должна уйти, покинуть Троила, идти к отцу. Это погубит Троила, уложит его в гроб: он не вынесет разлуки.

Крессида. Боги! Боги! Я не пойду отсюда!

Пандар. Тебя принудят.

Крессида

Нет, не пойду! Я уз родства не знаю!

Забыла я отца. Ни кровных уз, ни чувств,

Ни близких, ни родных и никого на све-

те

И ничего в душе моей! Одна

Любовь к Троилу! Боги! Пусть Кресси-дой

Зовут непостоянство, если я

Когда-нибудь забуду о Троиле!

О время! Смерть! Бичующая сила!

Возьмите тело хрупкое мое,

Терзайте, мучьте! Но основа, зданье

Моей любви прочны, как центр земли…

Пойду к себе и там запрусь, чтоб пла-кать!

Пандар

Плачь, плачь, бедняжка.

Крессида

Я повырву пряди

Моих волос, царапать стану щеки,

Рыданиями голос надорву

И сердце разорву, крича Троила,

Но не уйду из Трои!

Уходит.

Сцена 3

Там же, перед домом Пандара. Входят ***Парис, Антенор, Троил, Эней, Дейфоб, Диомед и другие****.*

Парис

Уж рассвело. Час пробил, и Крессиду
Должны мы сдать с рук на руки красавцу,
Пришедшему из греческого стана.
Спеши, Троил, и объясни Крессиде,
Что предстоит ей.

Троил

Вы войдите в дом.
Я постараюсь вывести Крессиду.
В тот миг, когда ее я греку сдам, –
Знай, что твой брат Троил приносит в жертву
Растерзанное сердце.

Уходит.

Парис
(*в сторону*)

Ах, и мне
Любовь знакома! Я желал бы страстно
Ему помочь, утешить… Но, увы!
Идем, друзья.

Уходят.

Сцена 4

Комната Крессиды. Входят ***Пандар и Крессида****.*

Пандар

Ну, полно, не отчаивайся.

Крессида

Как!
Ужель меня ты хочешь успокоить?
Но безысходно, ядовито горе,
И, как вина его, неумолимо.
Как заглушить отчаяние?! Если б
Могла любовь я подавить, ослабить,
Расхолодить!.. О, я тогда, конечно,

Могла бы горе легче выносить…
Но ни любовь, ни горе не стихают…
Так велика потеря!

Входит ***Троил****.*

Пандар

Вот он сам.
Ах, бедненький цыпленок!

Крессида

Ты? О боги!
О мой Троил!

(*Обнимает его.*)

Пандар. Вот парочка! Точно два стекла в очках, они созданы друг для друга. Дайте мне расцеловать вас. Как это славно сказано в стихах:

О сердце, сердце, почему
Себя ты так тревожишь?
А сердце отвечает:

Увы, ведь горю моему
Ничем ты не поможешь.

Сколько правды в этих стихах. Не надо пренебрегать никаким вздором, пото-

му что и стихи иногда бывают кстати: вы в этом сами можете убедиться. Но как же быть, однако, ягнятки мои?

Троил

Крессида! Я люблю тебя так страстно,
Что сами боги в злобе поднялись,
Завидуя, что холодны и слабы
В сравнении с огнем моей любви
Молитвенные вздохи всех живущих.

Крессида

Ужель богам доступна зависть?

Пандар

Конечно, да! Доказывать не стоит
Того, что очевидно.

Крессида

И неужто
Из Трои я должна уйти?

Троил

Увы!

Крессида

Сказать «прости» Троилу?

Троил

И Троилу
И Трое!

Крессида

Нет, не может быть!

Троил

Так надо.
Нам злобный рок не хочет дать проститься,
Отказывая даже и в отсрочке.
У нас с тобой он грубо отнимает
Блаженство снова слить уста в лобзанье,
В объятиях друг друга сжать, и клятвы
В одно дыханье слить. И оба мы,
Купившие ценой несчетных вздохов
Друг друга, – мы должны продать сегодня
Все счастье мимолетное за вздох,
За тайный вопль страдания. А время,

Как жадный вор, бессмысленно уносит
Сокровища, зарытые в сердцах,
Прощания, несчетные, как звезды,
И каждое с особым выраженьем,
С особым поцелуем. Как в мешок,
В одно «прости» оно забило грубо
И отравило бедный поцелуй
Солеными и горькими слезами.

Эней

Готова ль в путь Крессида, принц?

Троил

Ты слышишь,
Тебя зовут. Не так ли гений смерти
Кричит «иди!» тому, кто предназначен.
Пусть подождут. Она сейчас придет.

Пандар. Где мои слезы? Те слезы, которые подобно дождю должны укротить бурю, или она с корнем вырвет мое сердце.

Уходит.

Крессида

Так я должна, должна вернуться к грекам?

Троил

Да, это неизбежно.

Крессида

О Крессида!
Печальная среди веселых греков!
Когда опять увидимся?

Троил

Послушай,
Будь только мне верна…

Крессида

Что? Я – верна!
Откуда это злостное сомненье?

Троил

В разлуки час не надо ссор и споров.
Не потому сказал я «будь верна»,
Чтоб сомневался… Самой смерти брошу
Перчатку я в защиту чистоты
Твоей души. Я речь свою не кончил…

«Будь только мне верна, – хотел сказать я, –

И я приду».

Крессида

Опасен твой обет,

Но буду я верна.

Троил

Тогда опасность

Я обольщу. Носи наручник мой.

Крессида

А ты – мои перчатки. Так когда же

Свиданья день?

Троил

Сегодня ж подкуплю

Я часовых и буду каждой ночью

С тобой! С тобой! Будь только мне верна.

Крессида

Опять «верна». О боги!

Троил

Но послушай,
Вот почему я это говорю:
У греков молодых достоинств много.
Они любезны все, одарены
Природой щедрой; ловким воспитаньем
Возвышены. Подумать страшно мне,
Что новизна прельстит тебя совместно
С их красотой. Предчувствия змея
Впилась в меня и не дает покоя.

Крессида

Меня совсем не любишь ты, Троил.

Троил

Пусть, если так, погибну я злодеем!
Я не твоей неверности боюсь,
А недостатков собственных. Не знаю
Я тех наук, в которых так сильны,
Искусны греки. Не владею даром
Ни говорить красно, ни петь. Могу,
Однако же, сказать тебе, что дьявол
Под их прельстительной личиною сокрыт,

Чтоб обольщать таинственно и тихо.
Но ты, Крессида, не пленяйся им.

Крессида

Я – дьяволом!.. Ты думаешь?..

Троил

Нисколько
Не думаю. Но с нами иногда
Бывает то, о чем мы не гадаем.
Мы демоны порою для себя,
Когда не зная бедность нашей силы,
Ее мы искушаем…

Эней
(*за сценой*)

Что же принц?

Троил

Целуй меня и разлучимся.

Парис
(*за сценой*)

Брат мой, Троил!

Троил

Войди, о милый мой Парис,

Введи Энея, грека…

Крессида

Ненаглядный

Мой принц, – ты будешь верен мне?

Троил

Кто? Я! Да весь порок мой, весь мой недостаток

В том, что когда другие ввысь идут

То хитростью, то кознями, – я кротко

Довольствуюсь лишь ясной простотой.

Они умеют позлащать искусно

И медные венцы, тогда как я

Ношу венец такой, какой имею.

Не сомневайся в верности моей.

Знай навсегда, что «простота и верность» –

Вот мой девиз.

Входят ***Эней, Парис, Антенор, Дейфоб и Диомед***.

Троил
(*Диомеду*)

Прошу вас. Вот Крессида,
Которую мы грекам отдаем
За Антенора. До ворот Крессиду
Я провожу и по дороге все
Тебе о ней открою. А покуда
Я одного прошу, чтоб обращался
Приветливо ты с нею, и, клянусь,
Прекрасный грек,
когда ты меч мой встретишь, –
Лишь назови Крессиду, – жизнь твоя
Ненарушима будет, как в стенах
Священных Илиона – жизнь Приама.

Диомед

Красавица Крессида, я прошу
Избавь меня от тех благодарений,
Которых принц Троил, я сознаюсь,
Заслуживает… Нет, твоя улыбка,
Твоих очей сиянье и ланит
Пленительный румянец – все внушает
Невольно обожанье. Диомед
Тебя своей властительницей видит,
Себя – рабом восторженным твоим.

Повелевай!

Троил

Блестящий грек, со мною
Ты неучтив. Рассыпав вслух хвалы,
Ты унижаешь мой завет. Запомни,
Сын Греции, еще: Крессида выше
Твоих похвал настолько, что рабом
Ты недостоин быть, но обращайтесь, –
Я требую! – как следует вы с ней
Не только ради красоты ее, но также
И ради просьб моих. Клянусь тебе
Плутоном грозным, – иначе, будь трижды
Сам Ахиллес защитником твоим,
Я горло разрублю тебе.

Диомед

Напрасно
Ты горячишься, принц. Признай за мной
Права посла и знатность. Я свободен
В своих речах. Из города уйду –
И никому в делах не дам отчета.

Не выношу я принуждений, но
Достоинства Крессиды вынуждают
На уваженье. Если ж ты, Троил,
Потребуешь, чтоб я приказ твой слушал, –
Из гордости отвечу я: «Нет! Нет!»

Троил

Идем к воротам. Диомед, запомни:
Я дерзость не прощу тебе, и ты
Из-за нее не раз скрываться станешь.
Крессида, дай мне руку – обо всем
Дорогой мы условимся. Идем.

Троил и Крессида уходят. За ними — Диомед. Вдали трубят.

Парис

То Гектора труба.

Эней

Как пронеслось
Сегодня утро! Гектор вправе будет
Считать меня лентяем. Как нарочно
Я поклялся быть первым на коне.

Парис

Во всем Троил виновен. Но идемте,
Идемте в поле с Гектором.

Дейфоб

Скорей.

Эней

Да, полетим за Гектором с проворством
Влюбленного в невесту жениха.
Ведь от него зависит слава Трои.
Мы иль падем, иль будем с ним – герои!

Сцена 5

Греческий лагерь. Перед ним обнесенное изгородью место для поединка. Входят ***Аякс, Агамемнон, Ахилл, Патрокл, Менелай, Улисс, Нестор и другие****.*

Агамемнон

А, ты уж здесь, Аякс, вооруженный
И полный жизни, свежести! Труби!
Пусть мужество твое ударит громом

И грозный вызов Трое донесет.
Пусть гордый враг воспрянет и на битву
Спешит сюда!

Аякс

Вот кошелек, трубач.
Греми сильнее, не жалея легких
И медных стен трубы своей! Дуй, дуй
В ее жерло, чтоб ветром налилося,
Как чрево Аквилона от натуг,
Чтобы глаза наполнилися кровью!
Ведь ты гремишь для Гектора.

Звук трубы.

Улисс

Никто
На зов не отвечает.

Ахилл

Слишком рано.

Агамемнон

Не Диомед ли там с Крессидой?

Улисс

Он.
Уж видно по походке: он как будто
По воздуху от пылкости скользит.

Входят ***Диомед с Крессидой****.*

Агамемнон

Так вот она – Крессида.

Диомед

Да, Крессида.

Агамемнон
(*целуя ее*)

Прекрасная! Сердечнейший привет
Тебе от греков.

Нестор

Этим поцелуем
Почтил тебя наш предводитель.

Улисс

Но
Хоть искренний привет, а все же личный.

Будь общим, – он значительнее б был.
Не так ли, Нестор?

Нестор

Правда, принимаю
Я твой совет. Вот Нестора привет.

Ахилл

Прекрасная! Печать зимы холодной
Я с уст твоих хотел бы удалить.
Прими привет Ахилла.

Менелай

Ах, имел я тоже
Когда-то право целовать!

Патрокл

Пускай
Из этого не следует, однако,
Чтоб сохранил ты право, и теперь –
Парис зато им пользуется, верь!

Улисс

О, оскорбленье злостное! Вина
Насмешки и глумления над нами.

Он губит нас позорными рогами.

Патрокл

Вот поцелуй… он был за Менелая.
Сейчас тебя целую за себя я.

Менелай

Ведь вот злодей!

Патрокл

С Парисом без стесненья
Мы за него целуем.

Менелай

С позволенья
Красавицы я поцелую сам.

Крессида

Ты поцелуй даешь иль принимаешь?

Менелай

И то и это, если пожелаешь.

Крессида

Нет, целовать себя тебе не дам:
Что ты даешь, совсем неинтересно.
Так, значит, и меняться так – нечест-

но.

Менелай

За твой один тремя я заплачу.

Крессида

Не надо. Я чужого не хочу.
Ты – мот.

Менелай

А кто ж не мот?

Крессида

О том изволит
Твоя жена с Парисом знать.

Менелай

Как колет
Твой язычок.

Крессида

Ты сердишься напрасно.

Улисс

О, с ним шутить, красавица, опасно –
Того гляди наколешься на рог.
А я бы мог рассчитывать?..

Крессида

Да, мог.

Улисс

Молю тебя…

Крессида

Моли.

Улисс

Как только снова
Его жена невинность обретет
И жить к нему вернется без забот, –
О, поцелуй тогда меня!

Крессида

Готова.
Я у тебя в долгу и без труда
Свой долг отдам, когда настанет время.

Улисс

Он за тобой. Не тягостное бремя.
Тем более что срок твой – никогда!

Диомед

Пора к отцу, красавица.

Диомед и Крессида уходят.

Нестор

Девица
Пребойкая.

Улисс

Таких не надо нам.
В ней все: язык, глаза и даже ноги
Без умолку болтают, и сквозит
В движениях, в улыбке – легкомыслье.
Я знаю их, готовых предлагать
То, что у них никто еще не просит,
И раскрывать пред грамотными весь
Нечистый свиток мыслей и желанья.
Игрушки прихоти! Порочные созданья!

Вдали трубят.

Все

Труба троянцев.

Агамемнон

Да. А вот они.

Входит ***Гектор*** *в полном вооружении. За ним —* ***Эней***, ***Троил и другие троянские вожди*** *со свитой.*

Эней

Привет героям Греции. Скажите,
Как победитель должен быть почтен?
Хотите ль вы, чтоб именем счастливым
Гордился мир? Хотите ль также вы,
Чтобы бойцы сражались насмерть или
Расстались – лишь как прогремит труба?
Желает это Гектор знать заране.

Агамемнон

А как желает Гектор сам?

Эней

Ему
Все это безразлично.

Ахилл

Предложенье
Достойно Гектора; в нем все есть: гор-

дость
И самомненье, только уваженья
К противнику не чувствуется.

Эней

Ты сам Ахилл?

Ахилл

Будь я не он, я, значит,
Совсем ничто.

Эней

Так, значит, ты – Ахилл.
Но знай, кто б ни был ты – соединились
И неразрывны гордость с доблестью живой
У Гектора: одна ничтожна так же,
Как велика другая. Ты вглядись
Внимательней в него и угадаешь –
Не гордость то, а вежливость. Аякс
Наполовину той же славной крови,
И Гектор потому на бой принес
Лишь половину Гектора, другая
Осталась в Трое. Ваш боец – Аякс,

Он полугрек-полутроянец родом,
И потому увидит лишь полсилы,
Полсердца Гектора, полмужества его.

Ахилл

Ну, это бабья битва будет. Знаю.

***Диомед** возвращается.*

Агамемнон

Вот Диомед. Будь стороной Аякса.
Ты опытен и заодно с Энеем
Определи условья поединка:
Сражаться насмерть иль для вида только.
Противники родня, и это их
Еще до боя тайно примиряет.

***Аякс и Гектор** выходят на арену.*

Улисс

Они сошлись лицом к лицу.

Агамемнон

Кто там
С таким печальным видом? Он из

Трои?

Улисс

То младший сын Приама. Молод он,
Но воин настоящий и не много
Соперников имеет. В слове тверд
И больше делом говорит, чем словом.
Он сердцем тих, на ссору неподатлив,
Но, вызванный на ссору, помнит зло.
Он добр и щедр. Рука его и сердце
Открыты: он имеет, что дает,
Высказывает то, что думает, но вздорной
Не выскажет он мысли и не даст
Ни гроша зря. Он мужествен, отважен,
Как Гектор, но опаснее его.
И среди боя яростного тот
Способен чувствам женственным поддаться,
А он в разгаре боя тверже, злей
И мстительней любви ревниво-грозной.
На юношу – зовут его Троил –
Надежды смело возлагает Троя,

И их, как Гектор, оправдает он.
Эней о нем поведал нам все это,
Когда мы были в Трое. Он его
Высоко ценит оттого, что знает.

Трубят. Аякс и Гектор сражаются.

Агамемнон

Бой начался.

Нестор

Держись, Аякс!

Троил

Ты, Гектор,
Как будто дремлешь. Так проснись скорей!

Агамемнон

Как ловко он удары направляет.
Держись, Аякс!

Диомед

Довольно.

Трубы умолкают.

Эней

Да, пора
Остановиться.

Аякс

Нет, начнем бой снова;
Я не успел согреться.

Диомед

Если так
Угодно Гектору.

Гектор

Нет. Неугодно.
О доблестный Аякс, ты мне родня,
Ты сын сестры великого Приама,
Двоюродный мне брат, и родственная связь
Не допускает здесь кровопролитья.
Когда бы явно мог ты отличить
В себе троянца кровь от крови грека
И объявить, что эта вот рука
Принадлежит троянцу, эта – греку,
Все в той ноге, помимо нервов, жил, –
Троянское, а прочее от грека.

Иль в той щеке играет кровь отца,
Здесь – матери. Тогда, клянусь Зевесом,
Ты ни один сустав – наследье грека –
Не вынес бы из боя нерушимым:
Печать ожесточенья я б оставил
На них везде. Но небу неугодно,
Чтоб меч мой пролил даже каплю крови,
Дарованной тебе сестрой Приама,
Моею теткой, матерью твоей,
Чью память чту я свято и поныне.
Обнимемся же; Зевсом я клянусь,
Что руки у тебя сильны и ловки,
И я желаю, чтоб они сейчас
Ко мне упали дружески на плечи.
Хвала тебе, Аякс, мой милый брат!

Аякс

О Гектор, правда, ты великодушен
И скромен. Я же с целью шел сюда
Убить тебя и тем снискать себе
Немеркнущую славу.

Нестор

Сам великий
Неоптолем, на чьем челе перстом
Бессмертной славы начерталось: «Чти-
те
Его – то он», – едва ль сравниться мог
Он с Гектором и храбростью и честью.

Эней

Та и другая сторона желают
Знать, как решить.

Гектор

Скажите наш ответ:
Был братский поцелуй исходом боя.
Прощай, Аякс.

Аякс

Когда б я думать мог,
Что просьба увенчается успехом,
Я доблестного брата бы просил
Наш лагерь посетить.

Диомед

О том же просит
Агамемнон, и славный Ахиллес

Сгорает жаждой Гектора увидеть
Вблизи и без оружия.

Гектор

Троилу
Скажи, Эней, что я его зову,
А также передай и всем троянцам,
Сопровождавшим нас, о приглашенье.
Пускай домой вернутся. Дай мне руку,
Любезный брат. Пируя за столом,
Мы с радостью увидим славных греков.

Аякс

Агамемнон великий к нам идет.

Гектор

Ты назовешь мне всех знатнейших греков.
Ахилла я узнаю, верно, сам
По доблестной и царственной осанке.

Агамемнон

Привет тебе, великий вождь, мы рады
Принять тебя, насколько эта радость
Идет к врагу, подобному тебе.

Привет мой вышел не совсем радушным, –

Я выскажусь яснее. Что прошло,

Пусть заметет забвенье сорным прахом,

Грядущее пусть скроется во тьме,

А этот миг свиданья, безусловно,

И искренний и честный. Потому

От всей души, о Гектор именитый,

Прошу тебя пожаловать.

Гектор

Прими,

Агамемнон великий, благодарность

От Гектора.

Агамемнон
(*Троилу*)

Привет мой и тебе,

Прославленный троянец.

Менелай

Добавляю

К приветам брата я и свой привет:

Пожалуйте, воинственные братья!

Гектор

Кого в лице твоем благодарить?

Эней

Да Менелая.

Гектор

О, я рад знакомству
С царем великой Спарты и, клянусь
Перчаткой Марса, очень благодарен.
Над клятвою непринятой моею
Не смейся, царь. Твоя quondat жена[1]
Венериной перчаткою клянется.
Она вполне здорова, но тебе
Приветствий передать не поручала.

Менелай

Воспоминанья эти – острый нож
Моей душе!

Гектор

Ах, я тебя обидел!

---

[1] Сноски: 1
Когда-то (*лат.*).

Нестор

Не раз видал я, доблестный троянец,
Как ты, покорный гибельной судьбе,
Кровавый путь свой пролагал средь греков.
Иль в злом бою, пылая как Персей,
Летел вперед, высоко меч вздымая,
И на скаку фригийского коня
Осаживал, боясь тронуть павших.
Я говорил стоявшим вкруг меня:
«Смотрите, вон Юпитер в вихре битвы,
Властительно дарит он жизнь и смерть».
Видал и то, как в сонме греков мощно
Ты сдерживал горячего коня,
Переводя дыхание. Да, правда,
Не раз я это видел, но лицо,
Твое лицо я под стальным забралом
Не различал. Я деда твоего
Когда-то знал, он был достойный воин,
Но все ж, клянуся Марсом, далеко

Ему до внука было. Так позволь же,
О доблестный воитель, старику
Обнять тебя и с радостным приветом
Сказать: «Добро пожаловать в наш стан».

Эней

Ведь это Нестор!

Гектор

Он? живая память
Минувшего! Позволь тебя обнять.
Ты долго вел в пути с собою время.
Душевно рад прижать тебя к груди.

Нестор

Желал бы я, чтоб эти руки снова
Могли с тобой помериться в бою,
Как вот теперь в объятьях дружбу мерят.

Гектор

Я был бы рад.

Нестор

О, будь возможность, я

С тобой сразился б завтра же… Но ныне
Скажу одно: «Довольно… Было время».
Теперь добро пожаловать в наш стан.

Улисс

Дивлюся я, как не упала Троя,
Когда ее опора здесь, у нас.

Гектор

Я узнаю, Улисс, твою любезность.
Да, мудрый царь Итаки, свершено
Троянами и греками немало
Великих дел с тех пор, как в Илион
Посланником пришел ты с Диомедом
И я тебя увидел в первый раз.

Улисс

Я предсказал тогда ж конец раздора.
На полпути пророчество мое,
Но скоро стены царственные Трои
И башни, что целуют облака,
Разрушатся и поцелуют землю.

Гектор

Не верится. Еще троянцы живы,
И стены их незыблемы, как встарь,
И если гибель Трою ждет, то каждый
Фригийский камень будет смертью греку.
Конец венчает дело; время, старый
Судья, решит когда-нибудь наш спор.

Улисс

Так все ему решить и предоставим.
Ну а пока приветствую тебя,
О храбрый Гектор! Ты Агамемнона
Сначала посетишь, потом меня.

Ахилл

Я перебью, Улисс, твое желанье.
Ну, Гектор, я тобой насытил взор,
Я изучил всего тебя, измерил
Малейшие суставы.

Гектор

Предо мной
Ахилл?

Ахилл

Да, я Ахилл.

Гектор

Постой же,
Прошу тебя – вглядеться дай.

Ахилл

Смотри
Хоть до утра.

Гектор

Я кончил.

Ахилл

Слишком скоро.
А я так вот готов смотреть тебя
Вторично, член за членом, как покупку.

Гектор

Твое желанье – точно интерес
К забавной книге. Но читай ее
Хоть сотни раз, ты встретишь в ней немало
Такого, что вовеки не поймешь.
Что на меня ты так упорно смотришь?

Ахилл

Скажите мне, всевидящие боги,
Куда удар направить, чтоб верней
Его сразить? Я знать хочу то место,
Откуда вылетит его душа.
О боги! Я жду вашего ответа!

Гектор

Тщеславный человек, ответ подобный
Богов стыдом покрыл бы. Или ты
Воображаешь, что довольно место
В своем уме назначить, и меня
Ты поразишь?

Ахилл

Уверен.

Гектор

Нет, едва ли.
Будь даже ты оракулом, и то
Твоим словам хвастливым я б не верил.
Но берегись отныне, потому
Что я искать не стану мест заране –
Здесь поразить иль там – о нет, кля-

нусь
Я кузницей, где Марсу шлем ковали,
Тебя всего я разом поражу
И раскрою потом, как ветошь, в клочья.
Простите мне, мудрейшие из греков,
Такое самохвальство, но оно
Порождено лишь дерзостью безмерной.
Я постараюсь, чтоб мои слова
На деле оправдалися – иначе
Пусть никогда…

Аякс

О мой любезный брат,
Не гневайся. А ты, Ахилл, угрозы
Оставь, пока лицом к лицу вас случай
Или желанья рока не поставят.
Ты, если хочешь, можешь каждый день
Питаться Гектором, коль хватит
Желанья твоего. А впрочем, я
Не думаю, что даже всем советом
Уговорят тебя тягаться с ним.

Гектор

Я рад тебя на поле битвы встретить.
С тех пор, как ты оставил битвы, мы
В войну играем только.

Ахилл

Ты сраженья
Желаешь, Гектор? Что же, я готов
К тебе на бой грознее смерти выйти.
До завтра. А сегодня дружба!

Гектор

Дай
Мне руку в знак взаимного согласья.

Агамемнон

Пусть Греции отважные вожди
Идут вперед в шатер мой. Если ж дальше
У вас желанье будет, у него –
Досуг, к себе вы приглашайте гостя.
При звуке труб и громе барабана
Пройдет наш друг из вражеского стана.

Уходят все, кроме Улисса и Троила.

Троил

Теперь, Улисс, скажи мне, где палатка
Калхаса?

Улисс

Он, светлейший принц, пока
Живет у Менелая. Мне известно,
Что он к себе сегодня приглашал
Красавца Диомеда; тот, утратив
Способность видеть землю, небеса,
Влюбленным взором видит лишь Крессиду.

Троил

Признателен тебе я буду, если
Проводишь ты туда меня, когда
Мы кончим пир в шатре Агамемнона.

Улисс

Я рад служить. Поведай только мне,
Какою славой пользовалась в Трое
Красавица Крессида? Может быть,
В разлуке с ней о ней скорбит любовник?

Троил

Насмешки и презрения достоин,
Кто раной сердца хвастается сам.
Иди вперед… Прошу… Она любила…
Была любима… Любит и любима
И до сих пор!.. Но страсти так тревожны…
А женщины, как волны, ненадежны.

Акт V
Сцена 1

Греческий лагерь перед палаткой Ахилла. Входят ***Ахилл и Патрокл****.*

Ахилл

В нем нынче кровь вином разгорячу я,
А завтра охлажу ее мечом.
Патрокл, готов для гостя пир на славу!

Патрокл

Сюда идет Терсит.

Входит ***Терсит****.*

Ахилл

Что, зависти волдырь,
Позорище природы, что случилось?

Терсит. Вот письмо тебе, вывеска своего ничтожества, кумир идиотов.

Ахилл. Откуда, оскребок человечества?

Терсит. Из Трои, олицетворение дураков, из Трои.

Патрокл. Кто теперь сторожит палатку?

Терсит. Фельдшерская связка инструментов для больного, которому придется перевязывать рану.

Патрокл. Метко сказано, воплощенная бессмыслица, но только бесцельно.

Терсит. Молчи, молокосос. Мне прямой ущерб болтовня с тобой. Ведь ты мужская прислужница Ахилла.

Патрокл. Как мужская прислужница! Что это значит, негодяй?

Терсит. Ну, если хочешь, наложница. Чума, колотья, грыжа, паралич, гниение печени — все сорок черных недугов, все вы набросьтесь на эту сволочь за все ее безобразия и грызите и глодайте, пока не уничижите.

Патрокл. Как смеешь ты, гнусное скопище ядовитой зависти, так ругать и клясться!

Терсит. Где же тут клятвы и ругательства?

Патрокл. А разве нет, треснувший бочонок, выкидыш разврата?..

Терсит. Не клятвы и не ругательства, а истинная правда, потому ты и злишься, скверный моток сырца, лоскут зеленой материи для гнойных глаз, кисточка от кошелька мота. О боги! как заражен воздух смрадными тучами этих мошек,

позорящих самую природу!

Патрокл. Вон отсюда, тварь!

Терсит. Ах ты воробьиное яйцо-болтун.

Ахилл

Мой друг Патрокл. Разбиты все мечты
О завтрашнем сраженье. От царицы
Гекубы я посланье получил.
А в нем приписка дочери, – бесценной
Моей любви: мольбы не изменят
Им данной клятвы. И ее, клянусь,
Я не нарушу! Пусть погибнут греки,
И честь моя, и слава, – я теперь
Подвластен только сердцу. Помоги мне,
Терсит, для пира мой шатер убрать.
Ночь напролет мы будем пировать.
Пойдем, Патрокл.

Ахилл и Патрокл уходят.

Терсит. Да, благодаря обилию крови и недостатку мозга обоим молодцам этим нетрудно спятить с ума. Но пусть я навеки останусь лекарем в доме умалишенных, если они когда-нибудь спятят с ума по обратной причине. А этот Агамемнон! Он

ничего себе парень и большой любитель перепелок, а мозгу у него тоже не больше, чем серы в ушах. А тот — чудесное превращение Юпитера в быка, братец его, Менелай, — первобытный истукан, кривой символ рогоносцев, жалкий рожок для напяливания башмаков, пристегнутый вечно на цепочке к ноге своего брата!.. Где найдет соответствующую посуду для его ума острота, взбодренная злостью, или злость, взбодренная остротой? Осел?.. Нет, он и осел и бык в то же время. Будь я собакой, мулом, котом, хорьком, жабой, ящерицей, селедкой без икры, — куда ни шло, но Менелаем! — нет, слуга покорный! Я возмущусь против судьбы. Не допытывайтесь, чем бы я желал видеть себя, если бы не был Терситом, потому что не называть же вошью паршивца вместо Менелая! А, вот наши остряки идут сюда с огнем.

Входят с факелами ***Гектор, Троил, Аякс, Агамемнон, Улисс, Нестор, Менелай и Диомед****.*

Агамемнон

Мы сбилися с пути.

Аякс

Нет, верно! Свет мелькает.

Гектор

Я беспокою вас.

Аякс

Нисколько!

Улисс

Вот он сам
Идет навстречу нам.

Входит ***Ахилл****.*

Ахилл

Привет, великий Гектор.
Добро пожаловать, достойные вожди.

Агамемнон

Спокойной ночи, царственная отрасль
Могучей Трои! Стражею твоей
Начальствовать я поручил Аяксу.

Гектор

Благодарю властителя и сам
Ему желаю доброй ночи.

Менелай

Гектор,
Спокойной ночи.

Гектор

Также и тебе,
Любезный Менелай, спокойной ночи.

Терсит. «Любезный Менелай»! Не лучше ли сказать: любезное отхожее место, любезная сточная канава, помойная яма…

Ахилл

Спокойной ночи уходящим. Всем
Оставшимся – привет.

Агамемнон

Спокойной ночи.

Агамемнон уходит. За ним Менелай.

Ахилл

Маститый Нестор остается здесь,
И ты останься, Диомед. Вот Гектор.
Мы попируем час-другой.

Диомед

Нет, нет,
Любезный Ахиллес. Я должен
Спешить: дела есть важные… Прощай,

Великий Гектор.

Гектор

Руку!

Улисс
(*тихо, Троилу*)

Прямо следуй
За факелом его. Стремится он
К шатру Калхаса. Я пойду с тобою.

Троил

О царь Итаки, я благодарю
За эту честь.

Диомед уходит, за ним Троил и Улисс.

Гектор

Ну, если так, прощайте.

Ахилл

А мы в шатер.

Уходит с Гектором, Аяксом и Нестором.

Терсит. Этот Диомед — отъявленный бездельник, продувная бестия. Я склонен верить его улыбке не больше, чем ласковому шипенью змеи. Ему обещать так же легко, как собаке ла-

ять на ветер; что касается исполнения, если его предскажут звездочеты, берегись какого-нибудь бедствия: солнце станет заимствовать у луны свой свет и прочее. Лучше уж я откажусь видеть Гектора, а этого выслежу. Говорят, он связался с этой троянской прелестницей и вечно трется под палаткой Калхаса. Пойду за ним. Куда ни плюнь — разврат. Все гнусные развратники.

Уходит.

Сцена 2

Перед шатром Калхаса. Входит ***Диомед****.*

Диомед

Эй, отзовитесь, кто не спит!

Калхас
(*за сценой*)

А кто там?

Диомед

Я – Диомед. Калхас?.. Где дочь твоя?

Калхас

Сейчас придет к тебе.

Входят ***Троил и Улисс****. Останавливаются в отдалении. За ними —* ***Терсит****.*

Улисс

Ты стань подальше,
Чтоб нас не осветило.

Входит ***Крессида****.*

Троил

Вот к нему
Крессида вышла.

Диомед

Ну, мой друг, что скажешь?

Крессида

Мой милый охранитель, я пришла
К тебе на пару слов. Послушай.

Шепчутся.

Троил

Боги!
Такая близость!

Улисс

О, она мужчин

Как книги раскрывает!

Терсит. Ну да и ее раскрыть нетрудно мужчине. Было бы чем! А тогда читай без указки.

Диомед

Будешь помнить?

Крессида

О, буду помнить!

Диомед

Значит, в добрый час.
Лишь бы слова не расходились с делом.

Троил

О чем он просит помнить?

Улисс

Слушай.

Крессида

Нет,
О милый грек, ты вкрадчивою речью
Не соблазняй меня.

Троил

Коварство!

Диомед

Да?

Крессида

О, выслушай.

Диомед

Все, что б ты ни сказала,
Все вероломством будет.

Крессида

Почему?
Что от меня ты требуешь?

Терсит
(*в сторону*)

Э, вздор!
Не на словах согласье дать – на деле!

Диомед

Не ты ль клялась исполнить все?

Крессида

Нет, нет!
Молю тебя, о милый грек, я рада
Исполнить все… не это только. Нет!

Диомед

Коль так – прощай!

Троил

О Небо, ниспошли
Терпенье мне! Терпенье!

Улисс

Что с тобой?

Крессида

О Диомед, послушай!

Диомед

Нет, прощай.
Я не хочу быть в дураках!

Терсит

Однако
Другой и лучше, а остался им.

Крессида

Постой, одно лишь слово.

Троил

О, мученье!

Улисс

Ты так взволнован! Поскорей уйдем.
Боюсь, твой гнев потоком слов прорвется.
Опасное здесь место, да и час –
Зловещий час. Уйдем, уйдем отсюда.

Троил

Постой, прошу тебя.

Улисс

Нет, нет, уйдем.
Ты вне себя.

Троил

Прошу, прошу, останься.
О, адом я клянусь и мукой ада…
Я буду нем.

Диомед

Итак, прощай.

Крессида

Но ты
Разгневанным уходишь?

Троил

Это грустно
Тебе, созданье наглое?

Улисс

А что
Ты говорил недавно?

Троил

Я Зевесом
Клянусь быть терпеливым.

Крессида

О, молю,
Останься здесь, защитник мой.

Диомед

Я вижу,
Лукавишь ты.

Крессида

Нисколько. О, побудь!

Улисс

Ты весь дрожишь. Уйдем. Собой не в силах

Ты овладеть.

Троил

Она его рукой
Ласкает по щеке!

Улисс

Уйдем скорее!

Троил

Нет, подожди! Я Зевсом поклялся
И не скажу ни слова. От кровавой
Моей обиды волю отделяет
Стена терпенья. О Улисс, побудем
Два-три мгновенья здесь!

Терсит (*в сторону*). А демон сладострастья своим жирным, толстым пальцем так и щекочет обоих. Ну, разгорайся, похоть! Хорошенько разгорайся в них!

Диомед

Теперь исполнишь?

Крессида

О, клянусь, исполню.
Иль никогда не верь мне!

Диомед

Дай в залог
Мне что-нибудь.

Крессида

Сейчас.

Уходит.

Улисс

Ты дал мне слово
Быть терпеливым.

Троил

Брось сомненья. Ты
Сейчас увидишь все мое терпенье.
Сознанием я в сердце задушу
Страдания. Я буду весь терпенье!

***Крессида** возвращается.*

Терсит

Посмотрим твой залог.

Крессида

Вот, Диомед,
Мой нарукавник.

Троил

Красота! О где же,

Где верность?

Улисс

Будь же терпелив, Троил.

Крессида

Ты смотришь на подарок мой, красавец?

Он твой!

(*В сторону.*)

О, вероломное созданье!

Троил тебя любил!

(*Диомеду.*)

О нет, отдай

Его назад. Скорей!

Диомед

Чей он был прежде?

Крессида

Не все ль равно. Отдай. Вот так. Я завтра

К тебе не выйду ночью, Диомед.
Не приходи и ты ко мне. Молю я.

Терсит. Теперь она его поджигает. Искусно, надо сознаться.

Диомед

Он будет у меня!

Крессида

Как! Нарукавник?

Диомед

Конечно, он.

Крессида

О, драгоценный дар!
Твой господин покоится на ложе
И страстно вспоминает обо мне,
Вздыхая, он зовет меня, к устам
Перчатку прижимает и целует,
Как я тебя. Не отнимай его.
Кто у меня его отнимет, сердце
Мое отнимет.

Диомед

Сердце отдала
Ты раньше мне и, значит, нарукавник –
Мой!

Троил

Я клялся терпеть!

Крессида

Нет, нет, клянусь!
Я что-нибудь в подарок дам другое.

Диомед

Его! Его! Но чей он раньше был?

Крессида

Не все ль равно?

Диомед

Кому принадлежал он?

Крессида

Тому, кто так любил меня, как ты
Вовеки не полюбишь. Но ты хочешь, –
Возьми его.

Диомед

Чей нарукавник? Чей?

Крессида

Клянусь Дианою и девственною свитой –

Ты не узнаешь этого!

Диомед

На шлем

Нарочно завтра я пришпилю,

Чтоб разозлить того, кто не дерзнет

Его назад потребовать.

Троил

Ошибся!

Будь дьявол ты – и я его сорву

С твоей башкой рогатой.

Крессида

Полно, полно…

Уж то прошло… Нет, не прошло… Нет, нет!

Я не могу исполнить обещанья.

Диомед

Коль так – прощай. Глумиться не тебе

Над Диомедом!

Крессида

Не могу я слова
Произнести, чтоб не сердился ты.

Диомед

Я не терплю ломанья. Помни это.

Терсит (*в сторону*). Я тоже не терплю этого, но теперь готов полюбить, чтобы не сойтись с тобой в чем-нибудь. Клянусь Плутоном!

Диомед

Ну что ж, прийти мне завтра?

Крессида

Да. Я Небом
Молю – приди. Я истерзалась вся.

Диомед

Так до свиданья.

Крессида

Доброй ночи, милый.
А завтра жду тебя в блаженный час.

Диомед уходит.

Прощай, Троил… Еще один мой глаз

Тобою полн, другой же с сердцем скован
И отвернулся. Бедный ты наш пол!
Ошибка глаз – над нами произвол.
И весь наш путь глазами заколдован.
В конце концов – пусть это между нами –
Беда душе, обманутой глазами!

Уходит.

Терсит

Сильней итог трудненько подыскать –
Себя осталось сволочью назвать.

Улисс

Увы, Троил, все кончено!

Троил

Да, вижу.

Улисс

Чего ж мы ждем?

Троил

Хочу я перебрать
В своем уме все, что здесь говорилось,

Все до последней думы. Но ужель,
Все повторив, всю правду этой сцены,
Я не солгу? Нет, все еще горит
В моей душе тоскующая вера,
Сверкает луч надежды, и она,
Безумная, не хочет… больно верить
Своим глазам и слуху! Иль они
Для клеветы лишь созданы?! Иль это
Был только призрак… не Крессида?!

Улисс

Я
Не вызыватель духов.

Троил

Верно, верно…
То не она…

Улисс

Неверная – она!

Троил

Но ведь не бред сомнение мое!

Улисс

Тем более не бред мои слова.
Крессида здесь была.

Троил

О, ради чести женщин,
Всех женщин, дай разрушить это мне.
Иначе в руки мы даем оружье
Всем тем, что женщин презирают. Ведь по ней
По этой… по Крессиде будут вправе
Судить о наших матерях. Скорей
Забудем, что была Крессида!..

Улисс

Полно!
Чем может так жестоко опозорить
Крессида наших матерей!

Троил

Ничем,
Ничем, конечно, если… если только
Ее здесь не было.

Терсит
Он готов опровергать даже свои собственные

глаза.

Троил

О, если правда – здесь была Крессида, –
То не моя, – Крессида Диомеда!
У красоты есть сердце, и, конечно,
То не она! Душа ведет к святыне,
Богов святыня радует, и, если
У самого единства есть законы, –
То не она! О бред, о власть рассудка
Творить и за и против!.. Ум восстал
На возбужденье, заблужденье ж громко
Провозглашает истиной, и ум
Вполне здоров! Здесь и была Крессида
И не была. Я чувствую в душе своей разлад,
И части неотъемлемые так же
Разделены, как небо от земли,
А между тем едва ли между ними
Сумеет Арахнея нить продеть.
О, очевидность! Как врата Плутона,
Ты непреложна. Узами небес

Со мной Крессида связана. Те узы
Разорваны, но грязною рукой
Вновь связаны ничтожные остатки
Любви и верности Крессиды. Диомед
Их завязал с отбросами, с костями
И грязью женской чести в узелок…

Улисс

Скажи, Троил достойный, неужели
Твои слова – правдивый отзвук чувств?

Троил

Да, грек, и я все это начертаю
Огнем, каким пылает сердце Марса,
Зажженное Венерой! Мир не знал
Такого сердца верного, как то,
Которое я в дар принес Крессиде.
Но чем сильней любовь к ней, тем страшней
И ненависть к воришке Диомеду,
Ее любовь укравшему. – На днях
Я подарил Крессиде нарукавник,
Им Диомед украсить хочет шлем.

Будь этот шлем самим Вулканом скован,
Я рассеку в куски его! Тифон,
Гроза морей, рожденный властным солнцем,
Ничто пред тем, как бешен будет меч,
Троилов меч над жалким Диомедом.

Терсит
Он таки пощекочет того за волокитство.

Троил

О лживая, коварная Крессида!
О лживая! О лживая! Едва ль
Все гнусности людские, все пороки
Сравнятся с тенью гнусности твоей!

Улисс

Довольно! Гнев твой явно привлекает
К нам посторонних.

Входит ***Эней****.*

Эней
(*Троилу*)

Уж я давно ищу тебя повсюду.

Вооруженье Гектор надевает
Поспешно в Трое. Твой телохранитель –
Аякс со стражей ждет, чтобы доставить
Тебя домой.

Троил

Идем. Благодарю
Тебя, Улисс внимательный и добрый.
Прощай, о вероломная! А ты,
Ты, Диомед, ты каменную крепость
На голове воздвигни.

Улисс

Я тебя
До самой Трои провожу.

Троил

Спасибо,
Хотя душа подавлена тоской.

Троил, Эней и Улисс уходят.

Терсит. Хотелось бы мне встретить этого каналью Диомеда. Я согласен быть вороном, чтобы накаркать ему какую-нибудь пакость. А ведь Патрокл даст мне что угодно, если я сообщу ему об

этой шлюхе. Попугай и тот не наделает из-за миндалины столько глупостей, сколько Патрокл из-за податливой девчонки. О, сластолюбие, сластолюбие! Только сластолюбие да война постоянно в моде. Чтобы вас черт унес в преисподнюю!

Уходит.

Сцена 3

Троя. Перед дворцом Приама. Входят ***Гектор и Андромаха.***

Андромаха

О, что с тобой, властитель мой? Ты ныне
Так раздражен, не слушаешь моих
Любовных увещаний. Умоляю:
Сними, сними доспехи, не ходи
На поле битвы.

Гектор

Ты на оскорбленья
Меня способна вызвать! Возвращайся
Домой. Клянусь богами, – я иду.

Андромаха

Недобрый день мне злые сны пророчат.

Гектор

Довольно! Я сказал.

Входит ***Кассандра****.*

Кассандра

Где Гектор? Брат!

Андромаха

Вот он, сестра. Вооружен для битвы.
Кровавых дум полна его душа.
Его молить мы станем на коленях…
Зловещие мне ночью снились сны:
Кровавые сраженья да убийства.

Кассандра

Все правда! Правда!

Гектор

Эй, трубить в рога!

Кассандра

О милый брат, иди на бой ты ныне
Без громких труб. Богами я молю.

Гектор

Уйдите! Я поклялся небесами.

Кассандра

О брат, поверь мне: глухи небеса
К упрямым, необдуманным обетам.
Преступные дары! Они богам
Противнее тех пятен, что бывают
На жертвенных животных.

Андромаха

О, внемли
Советам нашим. Небу невозможно
Одним упрямством угодить; оно,
Как воровство для милостыни, – низко.

Кассандра

Лишь только цель дает обетам цену.
Не все обеты надо исполнять.
Сними с себя оружье.

Гектор

Замолчите!
Закон судьбы мне честь моя. Иной

Предпочитает жизнь, мне честь дороже.

Входит ***Троил****, тоже вооруженный.*

А, юноша, и ты идешь в сраженье?

Андромаха

Скорей зови отца сюда, Кассандра.
Пусть Гектора он образумит!

Кассандра уходит.

Гектор

Нет,
О, мой Троил, сними с себя оружье!
Сегодня я героем быть хочу.
Ты слишком молод. Мышцам дай окрепнуть,
Тогда судьбу испытывай в боях.
Иди, сними доспехи, храбрый мальчик.
Поверь мне, я сегодня постою
За нас обоих и за нашу Трою.

Троил

Брат! Есть в тебе природный недостаток –

Великодушье; человеку меньше
Подходит он, чем льву.

Гектор

Скажи мне, как
Я проявляю этот недостаток,
Тогда брани.

Троил

Я видел, и не раз,
Как греки малодушно и трусливо
Валились ниц, лишь меч завидев твой.
Ты говоришь им: «Встаньте и живите».

Гектор

Веселая игра!

Троил

Нет, Гектор, нет,
Преглупая игра!

Гектор

Как?!

Троил

Состраданье
Оставим мы на долю матерей.
А меч в руках, – так пусть пылает мщенье,
Пусть мчится меч на грозные дела,
Пусть разгорается пожаром злоба
И милосердье гибнет под ударом.

Гектор

Стыдись, дикарь, стыдись!

Троил

Тогда к чему
Война?

Гектор

Я не желал бы, брат мой,
Чтоб нынче ты сражался.

Троил

Кто меня
Удержит? Нет, ни рок, ни послушанье,
Ни самый Марс, хотя бы он жезлом
Велел остановиться, ни молящий
Приам, ни плач коленопреклоненной

Гекубы с покрасневшими глазами

От горьких слез, ни даже ты, мой Гектор!

Меня сразить ты можешь смертоносным

Своим мечом, но не отрезать путь!

Возвращается ***Кассандра с Приамом****.*

Кассандра

Отец, отец, держи его сильнее!

Он посох твой, и если только ты

Опору потеряешь в нем – и Троя,

Которой ты опорой, упадет.

Приам

О Гектор! Возвратись домой. Послушай –

Твоей жене приснился мрачный сон,

Недоброе Кассандра сердцем чует.

И твой отец, предчувствием томим,

Тебя с слезами молит: «О, останься!

Вернись домой. Несчастный нынче день».

Гектор

Уже Эней сражается. Я грекам дал
Торжественную клятву нынче быть
В сражении и показать воочью,
Чего я стою.

Приам

Лишь не нынче.

Гектор

Нет!
Я не нарушу клятву. Иль не знаешь
Ты, мой отец, что рыцарь чести я.
О царственный Приам! Родного сына
Не вынуждай отказывать тебе
В повиновенье иль презреть его.
Дай с твоего согласия мне выйти
В кровавый бой.

Кассандра

Не уступай, Приам.

Андромаха

Не уступай, отец мой!

Гектор
(*Андромахе*)

Огорчаешь
Меня ты. Именем любви прошу
В последний раз – уйди, уйди отсюда!

Андромаха уходит.

Троил

Всему виною ты, одна лишь ты,
Трусливая и глупая девчонка.
Но вздор все предсказания твои!

Кассандра

Прощай, о дорогой, о милый Гектор!
Смотри, смотри, как умираешь ты!
Померкли очи, кровь течет ручьями…
Прислушайся, вот стонет Троя!.. вот
Рыдают Андромаха и Гекуба…
Отчаяние, бешенство и ужас
Объяли всех… И общий вопль звучит:
«Где Гектор? Где наш Гектор? Умер Гектор!
О Гектор! Гектор!»

Троил

Замолчи! Уйди!

Кассандра

Прощай… Нет, стой… Мой Гектор,
Прими мое последнее «прости».
Самообманом ты обманешь Трою.

Убегает.

Гектор

О мой отец и царь! Злым предсказаньем
Моей сестры ты поражен. Вернись
Скорей домой и успокой наш город.
Для славных дел мы в грозный бой идем.
О них тебе расскажем мы потом.

Приам

Иди, мой сын, храни тебя, о Небо!

Приам уходит в одну сторону. Гектор — в другую. За сценой шум битвы.

Троил

А, трубы загремели. Это Гектор
В бой ринулся. Иду и я за ним.
Ну, Диомед!.. Иль я паду со славой,

Иль нарукавник мой достанет меч кровавый!

Троил собирается уходить. С другой стороны появляется ***Пандар****.*

Пандар

Принц, принц! На одно слово!

Троил

Что такое?

Пандар

Письмо от этой бедной девочки.

Троил

Прочтем.

Пандар. Решительно, меня мучит эта собачья дочь — чахотка, подлая чахотка. Но не меньше ее мучат нелепые неудачи этой девчонки. Так или иначе, а мне скорехонько придется распрощаться со всеми вами. Ко всему этому у меня глаза слезятся, а кости ломит до того, что я думаю, уж не порча ли это… Что она пишет?

Троил

Слова, слова… Ни искреннего звука!

Вся искренность другому отдана.

(*Разрывает письмо и бросает его по ветру.*)

Лети, лети, о ветреность, по ветру
И вместе с ним кружись и изменяйся.
Со мной она безжалостно играет –
Его дарит любовью и ласкает.

Расходятся в разные стороны.

Сцена 4

Равнина между Троей и греческим лагерем. Шум битвы. Схватки. Входит ***Терсит****.*

Терсит. Кажется, начали лупцеваться. Пойти посмотреть. И этот каналья Диомед — тоже! — прицепил к своему шлему нарукавник этого щуплого, безмозглого троянца. Воображаю, как они схватятся! Я бы желал, чтобы троянский осел, обожающий эту девку, отнял бы у нашего развратника Диомеда свой нарукавник, а его самого отправил к той сладострастной и лицемерной шкуре без признаков мужчины. А эта проделка наших отъявленных мошенников!.. Этот Нестор, покрытый плесенью, изъеденный мышами кусок сыра! Эта помесь лисицы и собаки, именуемая

Улиссом!.. Своими уловками, не стоящими и волчьей ягоды, они натравили ублюдка на такого же пса — Ахилла, и теперь Аякс задрал нос выше Ахилла и объявил, что не пойдет драться — хоть ты тресни. Впросак попали молодцы и все искусство греков низвели до варварства. Но осторожность! Вот настоящий владелец нарукавника, а за ним прошедший.

Вбегает ***Диомед****, преследуемый* ***Троилом****.*

Троил

Стой, Диомед! Напрасные попытки.
Не убежать тебе, и если б даже в Стикс
Ты бросился – я б поплыл за тобою.

Диомед

Ты бегством называешь отступленье.
Я не беглец! Я вырвался в простор,
Чтобы с тобой свободнее сразиться.
Ну, берегись!..

Терсит. Сильнее держись, грек, за свою потаскушку… Троянец… Ну-ну-ну… Хорошенько стой за нарукавник… За нарукавник его!

Диомед и Троил удаляются, сражаясь. Входит

Гектор.

Гектор

Кто ты такой? По крови и делам
Достоин ли ты с Гектором сразиться?

Терсит. Нет, нет, какие там кровь и дела! Я паршивая дрянь, клеветник и бездельник.

Гектор

Живи. – Я верю.

Уходит.

Терсит. Хвала небесам, что поверил. Но пусть возьмет тебя черт за то, что ты напугал меня. Куда же девались эти развратники? Уж не сожрали ли они друг друга? Вот потешило бы меня такое чудо. А впрочем, похоть и так сама себя пожирает. Пойду искать их!

Уходит.

Сцена 5

Входят ***Диомед и слуга.***

Диомед

Пойди сюда. Возьми коня Троила

И отведи к Крессиде. Передай
Ей от меня привет, скажи, что славно
Я проучил Троила и теперь
Вполне ее достоин.

Слуга

Все исполню.

Уходит. Входит ***Агамемнон****.*

Агамемнон

Скорей туда! На помощь, Диомед!
Свирепый Полидам поверг Менона,
Маргарелон, ублюдок, взял Дорея
И, как колосс, ногами попирает
Царей, сраженных насмерть: Епострофа
И Цедия. Погиб наш Поликсен,
И ранены смертельно Анфимах
С Феадом, а Патрокл иль пленник,
Иль также труп. Изрублен Пеламед.
Какой-то разъярившийся Центавр
Войска в смятенье дикое приводит.
Спеши на помощь, Диомед, иль мы

Погибнем все.

Входит ***Нестор****.*

Нестор

За мной! Вы труп Патрокла
К Ахиллу отнесите. Пусть Аякс,
Ленивая улитка, устыдится
И схватится за меч. Там не один
Отважный Гектор – тысячи! То здесь он
На боевом коне своем Галате,
То – пеший – тут. Все перед ним бегут,
Все падают, как мелкая рыбешка пред китом.
Он сразу там и здесь… везде и всюду!
То греков в плен берет, то насмерть бьет,
И ловкостью своей с отвагой спорит.
Он чудеса такие совершает,
Что кажется – все это лишь во сне.

Входит ***Улисс****.*

Улисс

Мужайтеся, ахейские герои.
Я видел сам: великий наш Ахилл
С рыданьями, с проклятьями, с обетом
Губительного мщения схватил
Доспехи боевые. Смерть Патрокла
В нем распалила стынущую кровь,
А вид разбитых жалких мирмидонцев
Кровавых, изуродованных насмерть
И проклинавших Гектора, сильнее
Разжег в нем гнев. Аякс лишился друга
И также с пеной на губах схватил
Оружие и ринулся на битву,
Крича: «Троил! Подайте мне Троила!»
А нынче тот, не менее чем брат,
Прославится кровавыми делами.
Он с удалью и мощью беззаботной
Проносится и дерзко и легко
Над самой смертью, точно счастье нынче
Летит пред ним, наперекор всему.

Входит ***Аякс****.*

Аякс

Где трус Троил?

Диомед

Он там. За ним!

Аякс уходит.

Нестор

Так вместе!

*Входит **Ахилл**.*

Ахилл

Где Гектор! Где детей убийца злобный?
Пусть он покажет подлое лицо
И поглядит, каков Ахилл во гневе.
Где Гектор? Где? Мне нужен только он.

Убегает.

Сцена 6

*Другая часть поля. Появляется **Аякс**.*

Аякс

Где, где Троил? Пусть только нос покажет

Трусишка мне!

Входит ***Диомед****.*

Диомед

Троила! Где Троил?

Аякс

Зачем тебе он?

Диомед

Проучить мальчишку.

Аякс

Будь предводитель я, я б уступил свой сан

Скорей, чем это счастье… Где он скрылся?

Троил! Троил!

Вбегает ***Троил****.*

Троил

Где Диомед? Где он?

Взгляни в глаза мне, лжец, обманщик низкий,

И поплатися жизнью за коня.

Диомед

А, наконец-то ты перед врагами!

Аякс

Товарищ, стой! С ним биться буду я.

Диомед

Нет, нет, моя добыча! Я не только
Свидетель боя!

Троил

Здесь мы не для слов.
Я вас двоих на битву вызываю.

Уходят, сражаясь. Появляется ***Гектор****.*

Гектор

Где мой Троил? Где брат мой? Нынче бьется
Он хорошо.

Входит ***Ахилл****.*

Ахилл

А, наконец-то я
Тебя нашел. Ну, Гектор, берегися!..
Теперь ты мой!

Гектор

Ой, прежде отдохни!

Ахилл

Противна мне твоя любезность, гордый
Троянец! Ты уж счастлив тем сейчас,
Что все мое оружье притупилось.
Бездействие невольное щадит
Жизнь Гектора, но ты меня увидишь!
Теперь живи и жди своей судьбы.

Гектор

Прощай.

Ахилл уходит.

Ну, если б я предвидел встречу,
Сберег бы сил немного для тебя.

Входит ***Троил****.*

Что, милый брат?

Троил

Аякс взял в плен Энея.
Допустим ли мы это! Нет, клянусь

Огнями неба, что его я вырву
Из вражьих рук иль сам паду. О рок!
О грозный рок! Ты слышишь эту клятву?
Не все ль равно, когда ни умирать!

Убегает. Появляется ***воин*** *в великолепном вооружении.*

Гектор

Нарядный грек, ни с места! Ты по виду
Вполне достоин моего меча.
Не хочешь? Мне пришлися так по вкусу
Твои доспехи, что – один удар,
И я собью все пряжки. Нет, не хочешь?
Беги же, если трусишь, негодяй,
А я, свидетель небо, не оставлю
Тебя, покуда шкуру не сдеру.

Оба уходят.

Сцена 7

Другая часть того же поля. Входит ***Ахилл****.*

Ахилл

Сюда, сюда стекайтесь, мирмидонцы,
И слушайте, что я скажу. Меня
Живым кольцом замкните вы средь битвы
И ринемтесь вперед, не нанося
Ни одного удара, вплоть до встречи
С злодеем Гектором. Тогда всю свежесть сил
Вы на него обрушьте! Окружите
Его стеною копий и мечей,
Колите, бейте, режьте беспощадно.
Теперь – за мной, товарищи! Вперед!
Пусть Гектор славен, – нынче он умрет!

Уходит. Появляются ***Парис и Менелай****, за ними —* ***Терсит****.*

Терсит. Эге! Рогоносец сцепился с тем, кто ему приставил рога. Ну, бык! ну, щенок… Живее! Кусай его, Парис… Что же ты… Ой, ой, бык одолевает. Берегись, у него здоровенные рога!

Парис и Менелай удаляются. Входит ***Маргарелон****.*

Маргарелон

Раб, повернись ко мне и защищайся.

Терсит

Кто ты?

Маргарелон

Побочный сын Приама.

Терсит. Я тоже побочный. Побочные мне по душе. Я побочно рожден, побочно воспитан, побочно умен, побочно храбр… Я побочный во всех статьях. И медведи не кусают друг друга, так зачем же станет кусать побочный побочного. А сверх того, ссора не принесла бы нам счастья. Сын распутницы, вступаясь за распутницу, сам вряд ли распутается за это перед богами. Прощай, побочный!

Уходит.

Маргарелон. Черт бы тебя побрал, трус.

Уходит.

Сцена 8

Другая часть поля битвы. Входит ***Гектор****.*

Гектор

Такая гниль в прекрасной оболочке

Доспехов блеск принес тебе мрак смерти.

На этот день довольно. Ты, мой меч,

Напился крови досыта и жадно…

Вкуси покой. Здесь так дышать отрадно.

Снимает шлем и щит и кладет оружие за собою.

Ахилл

А, Гектор, ты! Смотри, садится солнце…

Зловещее дыханье затая,

Подходит ночь, а с ней и смерть твоя.

Гектор

Стыдись, Ахилл, – гляди, я безоружен.

Ахилл

Сюда! Ко мне! Вот тот, кто был мне нужен!

Убить его!

Мирмидонцы бросаются на Гектора. Он падает.

Оплот врагов сражен!
Погиб их ум и сила. Илион!
Так рухнешь ты и царственная Троя!
Здесь все твое могущество земное.
Идемте, мирмидонцы! «Гектор пал!»
Кричите так, чтоб воздух задрожал!

За сценой трубят отступление.

Что это? Трубы греков! Отступленье!

Мирмидонец

Трубят троянцы тоже.

Ахилл

Ночь кругом
Раскинулась драконовым крылом
И, как судья, воюющих разводит.
Мой меч еще насыщен не вполне…
Но Гектор пал. Одна лишь смерть здесь бродит.
Мой меч, пора подумать и о сне!

Влагает меч в ножны.

К хвосту коня я этот труп привешу,
И с ним промчусь, и греков им потешу.

Уходит.

Сцена 9

Другая часть равнины. С барабанным боем входят ***Агамемнон, Аякс, Менелай, Нестор, Диомед и другие****. За сценой радостные крики.*

Агамемнон

Прислушайтесь, что там за ликованье?

Нестор

Молчите, барабаны…

Голоса за сценой.

О, хвала!
Хвала Ахиллу! Гектор пал, сраженный
Ахиллом! О, хвала! хвала! хвала!

Диомед

Толпа кричит, что Гектора не стало:
Пал от руки Ахилла он!

Аякс

И что ж!

При чем же здесь ликующие крики?
Гордиться нечем. Гектор был великий,
Ну а Ахилл – поменьше.

Агамемнон

Так вперед,
Вперед, друзья! Пускай Ахилл придет
Ко мне в шатер. Смерть Гектора отрада
Такая нам, что лучше и не надо.
Хвала богам… Окончена война,
И Троя вся на смерть обречена.

Уходят.

Сцена 10

Другая часть поля. Входят ***Эней, Парис, Антенор и Дейфоб****.*

Эней

Эй, стойте здесь. За нами поле битвы.
Хоть впроголодь, а мы ночуем здесь.

Вбегает ***Троил****.*

Троил

Наш Гектор пал!

Троянцы

Пал Гектор! Боги! Боги!

Троил

Убит... Убит! А гнусный победитель
Труп привязал к хвосту коня и мчит,
Ругаяся, позорным полем битвы.
Его! Его! Достойнейшего! Небо,
Затмися тучами и разразись громами!
А вы, о боги, с царственных высот
Улыбкой ясной Трою озарите, –
И если ей погибнуть суждено, –
Скорей! Скорей!

Эней

Ты опечалишь войско
И бодрости лишишь его, Троил.

Троил

Нет, ты меня не понял. Не о бегстве
И не о страхе смерти я кричу –

Нет, нет! Я брошусь сам туда, где есть опасность...

Но Гектор умер! Кто пойдет туда

С такою вестью страшною?.. К Приаму?!

К Гекубе?! Пусть, кто хочет слыть совой,

Там, в Илионе, скажет: «Гектор умер».

Двух слов таких довольно, чтоб Приам,

Старик отец наш, обратился в камень,

Все дочери – в потоки слез, все жены –

В скорбящих Ниобей, вся молодежь

В немые изваяния, а Троя –

В страшилище себе. Идем... Идем!

Нет Гектора, и больше слов не надо.

Иль – нет еще! Вы, гнусные палатки,

Вы, подлые ахейские шатры,

Разбитые здесь, на полях фригийских,

Внемлите! Пусть ваш выскочка Титан

За вас восстанет грудью, – я проеду

Меж вашими рядами завтра. О, подлый,

О, вероломный трус!

Ни время, ни пространство
Моей вражды к тебе не отделят!
Преследовать я буду неустанно
Тебя везде, как совесть, и терзать,
Терзать твой ум мучительным укором,
Я горе задушу в своей груди,
Чтобы тебе отмстить за смерть героя…
Звучи труба! Нас ждет родная Троя!

Эней и троянцы уходят. В то время, когда за ними собирается следовать Троил, с противоположной стороны появляется ***Пандар****.*

Пандар. Послушай, послушай, Троил.

Троил

Прочь, сводник! прочь! Пускай и ночь и день
Тебя позор преследует, как тень.

Уходит.

Пандар. Что ж, это будет хорошее средство против моей ломоты. О, свет, свет! Вот как в тебе презирают бедных посредников. О предатели и сводники! Как вас запрягают, когда надо, и как

скверно вознаграждают! Не понимаю, отчего так любят ваши услуги и так презирают ваше ремесло! Какой бы стишок приспособить к этому? Поищем…

Пока у пчелки в лапках мед,
Она резвится и поет,
Но чуть лишилась она жала –
И мед и песни, – все пропало.

Да, друзья мои, торгующие человеческим мясом, зарубите себе это на носу.

Когда средь вас, о милые друзья,
Есть хоть один, кто болен так, как я,
Пусть он слезу над Пандаром уронит,
А нет слезы – от боли пусть застонет…
О, все вы, все с таким же ремеслом!
В наследство я оставлю вам свой дом…
Но не сейчас… Молю вас подождать.
Я чист душой, но мне страшны, о братья,
Шипенье, свист винчестерских гусей…
Но не хочу томить я вас, ей-ей!

И на прощанье, если вам в охоту,
Я завещать могу свою ломоту!

Уходит.